Сура

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

4 (122)

ИЮЛЬ - АВГУСТ

Государства погибают тогда,
когда не могут отличать хороших людей от дурных.

Антисфен

В НОМЕРЕ:

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

БОРИС ШИГИН. Юбилеи, которых не было 3

ПАМЯТЬ

Владимир ЗАСТРОЖНЫЙ. Я рождён в России.
К 90-летию со дня рождения 5

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Николай БУЯНОВ. Призовой уровень. Повесть. Окончание. Начало в № 3 9
Поэтический клуб «Я сень». Стихи 80
Сергей АНТИПОВ. Синяя птица. Рассказ 95
Николай АЛЕШКОВ. Дальние луга. Стихи 107
Владимир БАХАРЕВ. Пока поют перепела. Стихи 113

ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Вера УЛЬЯНОВА. 75-летняя история «Тархан». Новые документы 117
Геннадий ГОРЛАНОВ. Современники М.Ю. Лермонтова о его творчестве... 123
Татьяна КОЛЬЯН. А.А. Столыпин и его воспоминания «Средниково
(из семейной хроники)». К 100-летию со дня первой публикации 132
Роман ДАВЫДОВ. Музыкальная лермонтовиана. «Слышу ли голос твой» ... 140

ПАМЯТЬ

Александр ТУГАРОВ. 1914 — 1918. Война. «Мы переживаем мировую
трагедию». Философское эссе 142
Владимир ШИГИН. Возвращение святыни.
Главы новой книги «Севастополь — город русской славы»..... 154
Роман КОМАРОВ. Удивительный дар Евгения Белянкина 184

ЧИТАЕМ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ

Анатолий САДЧИКОВ. Муравьи-наркоманы 191
Владимир ФИЛИМОНОВ. Момент истины..... 198
Галина СТЕЦЕНКО. Летающая крышка. Истории для детей 205

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Евгений АНИРОВ. Невышедшая книга 211

КЛУБ «ПОЮЩИЕ ПОЭТЫ»

Песни Ольги КОРШУНОВОЙ..... 215

Об авторах 220

© Редакция журнала «Сура»

Борис ШИГИН

ЮБИЛЕИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

Юбилеи — что вехи: с ними и дорога виднее, и путь понятнее. А нет этих исторических знаков — и память тускнеет, да и перспектива будущего просматривается довольно смутно... Поэтому не зря они всё-таки придуманы, не зря!

Этим летом мы могли бы отметить два значимых и очень важных, на мой взгляд, юбилея. Говоря «мы», я имею в виду прежде всего культурную общественность. Ровно 90 лет назад было образовано Пензенское отделение общества «Долой неграмотность». Ну кто сегодня осмелится поспорить, что общество такое устарело или не нужно современному миру? Думаю, никто! Хотя... ведь полуграмотные — мягко назовём их так — тоже голосовали бы. И поспорили бы. И голосовали бы «против», потому как сами вряд ли понимают свою безграмотность. А в их рядах сегодня, к великому сожалению, политики и чиновники, рекламисты и журналисты, бизнесмены и менеджеры... Правда, все, как один, с «удостоверениями»: мол, грамотные, ведь в кармане — дипломы, подтверждающие высшее образование! Может быть, именно поэтому и нет команды сверху отмечать подобные юбилеи?

Конечно, безграмотность сегодня несколько иного рода: буквы знаем, писать умеем, какая безграмотность? В чём она? Думаю, прежде всего в пренебрежительном отношении к нормам русского языка, в их упрощении, в их искажении. Самый заметный пример: на клавиатуре компьютера есть буква «ё», а на бумаге её нет. Кто, например, сегодня, ведя разговор в социальных сетях или в СМС-сообщениях, будет писать начало предложения с заглавной буквы или ставить знаки препинания? Может быть, и знает, как надо, но... некогда. А пожуришь младшего товарища за небрежность — сразу нарвёшься на протест: мол, понял ведь смысл написанного, чего же ещё надо? Конечно, знаки препинания пока есть в печатных СМИ, но попробуйте найти на страницах современных газет двоеточие, тире, точку с запятой? Очень редко. Только запятые! А ведь знаки, о которых я говорю, точнее передают мысль, человеческие эмоции, нюансы речи. Или засилье иностранных слов?.. Нет, я не продолжатель дела г-на Шишкова, отнюдь, бильярд

шарокатом или анатомию трупоразъятием называть не призываю. Но как вам такая фраза чиновника перед началом действия: «респект тем, кто на реперных точках будет в тренде». По-русски: «будем приветствовать тех, кто на важных участках будет действовать в нужном направлении». Или что-то в этом роде... Я, к счастью, плохо с этим языком знаком. И это русский человек говорит русским! Как не вспомнить здесь моего учителя профессора Кирилла Дмитриевича Вишневского, который всю жизнь учил нас правильно говорить, а значит — и мыслить! Грамотно, красиво, с уважением к родному языку! Говорить «пензяк», а не «пензенец»! Так, как говорили наши предки! Вот только один в поле не воин...

Реклама и названия магазинов и компаний — отдельный разговор, об этом много уже говорено. И только... Действий после умных разговоров — никаких. Власть почему-то здесь бессильна, хотя я догадываюсь почему. Яркий пример: одна из пензенских аптек носила название «Медея». Красивое название и, наверное, по мнению хозяина, указывало на причастность к медицине... Однако обратимся к мифологии: «Медея убила брата и расчленила его тело на несколько кусков, побросав их в воду...» Думается, не лучший пример для подражания. Как говорится — не наш герой. Но это же надо взять в руки книгу, почитать... Некогда. И таких примеров множество. Почему-то нам кажется, что название на иностранном языке более престижно выглядит. Ну а все эти «Дверноff» и «Цветкоff» просто вне критики.

К счастью, этим летом комитет Государственной думы по культуре рекомендовал принять законопроект о штрафах за неоправданное использование иностранных слов.

Что уж говорить о сленге и воровском жаргоне, употребляемом даже на официальных совещаниях, где самое безобидное звучит так: «они нас нагнули». Пора разгибаться, выпрямляться, господа, и язык родной спасать от подобной напасти!

В 1930 году общество «Долой неграмотность» насчитывало 200 тысяч ячеек, 3 миллиона членов. За время своего существования общество научило говорить и писать грамотно 5 миллионов человек. Думается, сегодня этот опыт вполне пригодился бы современной России. Уверен, многие добровольно и с удовольствием посещали бы школы и кружки русского языка, ведь посещают же сегодня курсы компьютерной грамотности. Не знать современную технику — стыдно, а родной язык — нет?

В связи с этим и другое разочарование: в этом году мы могли бы отметить 50-летие знаменитого некогда Дома книги, открытого в Пензе на улице Славы в 1964 году. Ведь как в храм туда ходили. Увы, нет этого магазина, как, впрочем, и многих других. К сожалению, количество книжных лавок постоянно сокращается. Нет уже и некогда известного и популярного Дома книголюба. Правда, это имя и в том же здании теперь гордо носит... ресторан. Ресторан «Дом книголюба». Свежо и оригинально. Банкет в «Доме книголюба» — звучит весьма благородно!

Вот такие горькие мысли приходят в голову, когда вспоминаешь о забытых юбилеях некогда самой читающей страны мира и родного города. Были когда-то самыми читающими, можем стать самыми безграмотными. Новое время — новые «рекорды». Грустно, грустно, господа. И очень опасно, потому что язык — хребет нации. Не потому ли многих из нас сегодня так «нагнула» обнаглевшая безграмотность? Лишь бы окончательно не сломала!

Владимир ЗАСТРОЖНЫЙ

Я РОЖДЁН В РОССИИ

К 90-летию со дня рождения

Владимир Кириллович Застрожный *родился 25.08.1924 г. в станице Девица Воронежской области. Умер 06.09.1994 г. Многие годы он был ведущим режиссёром областных празднеств, народных гуляний и концертов в Пензе. В 1969 году удостоен звания заслуженного работника культуры РСФСР, а в 1993 году — почётного гражданина города Пензы. Является автором стихотворных сборников «Восемнадцать лет» (Пенза, 1962), «Мороз и девчонки» (Воронеж, 1964), книги «Подсказано жизнью» (Саратов, 1987). Всероссийскую известность Владимир Застрожный получил как автор стихов знаменитой песни «Восемнадцать лет», положенной на музыку композитором О.В. Гришиным и ставшей визитной карточкой Пензенского русского народного хора.*

РОССИЯ

Я рожден в России —
На земле святой,
С гордой
и тревожной
Зоревой судьбой.
Я рожден в России
Хлебородных нив,
И лесов дремучих,
И плакучих ив,
И глухих проселков,
И больших дорог
Со следами вражьих
Кованых сапог,
Шитых по-французски,
Кроеных по-прусски,
На шнурках английских,
На шипах фашистских.
Сколько их ходило
По дорогам узким,
По полям, пропахшим
Нашим потом, русским,
По лесам тенистым,
По лугам зеленым,
Нашей русской кровью
Щедро окропленным!
Потому, наверно,
Летом там и тут
Алые гвоздики
На холмах цветут,

На холмах-курганах,
У больших дорог
С четкими следами
Кованых сапог —
Разных поколений,
Наций и эпох.

Я живу в России,
В голубой стране,
Думы вековые
Завещали мне
Богатырь, сраженный
У Бородина,
И его сожженная
Заживо жена,
Парни наши русские —
Кудрявые, русые,
Смолоду забритые,
В битвах перебитые,
Их невесты звонкие,
Юные девчонки…
Им бы жить, любить
Да детей рожать,
Крепких,
русых,
горластых,
Смелых,
шустрых,
лобастых,
С курносыми носами,
С синими глазами…
Василек во ржи
Не расцвел, лежит.
И его не рвать,
И венок не вить…
Им бы петь, играть,
Им бы жить да жить.

* * *

А.П. Анисимовой

И были рыцари в России —
Певцы своих родных краёв,

Они, как светлые витии,
Хранили россыпь русских слов;

Простые древние преданья,
Сказанья вечные, живые,
Как золотое состоянье,
Оберегали для России;

Сплетали в крепкую основу
Тугие вещие слова:
Доколь живёт в России слово,
Дотоле будет Русь жива!

Уходят рыцари из жизни,
Но слово, собранное ими,
Любовью пламенной к Отчизне
Горит глаголами живыми.

Разгонят люди тучи злые,
И время светлое придёт,
И благодарная Россия
Их поимённо назовёт.

За то, что в дни лихой печали
В деяньях рыцарских своих
Для всех потомков сберегали
Родную речь. Российский стих.

И, вырвавшись из вечной битвы,
В веках далёких и иных
Россия вспомянёт в молитве
Всех верных рыцарей своих!

КУРГАНЫ РОССИИ

По России курганы,
Курганы,
курганы
Часовыми Отчизны
Стоят.
А в курганах,
Курганах
Лежат ветераны,
Наши чудо-солдаты
Лежат.

А Россия, Россия
Спокойно,
открыто
На заморские
Страны глядит.
По курганам,
курганам
На гранях гранита
Лишь скупая
Слезинка горит.

И во все времена
Помнит враг
Окаянный
Удаль русскую,
Русский размах.
Нам с тобой завещали
Седые курганы
Русь, крещенную
Кровью в боях.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

За рекой, за лесом солнышко садится,
Что-то мне, подружки, дома не сидится.
Сладкая истома, черемухи цвет,
Усидишь ли дома в восемнадцать лет?

Звездочки-росинки на лугах мерцают,
Сердце ждёт чего-то, бьётся, замирает.
Шорохи ночные, мягкий лунный свет,
Зори золотые — восемнадцать лет.

Паренёк кудрявый прошептал три слова
И увёл девчонку от крыльца родного.
Мята луговая, серебристый цвет,
Радость молодая — восемнадцать лет.

За рекой, за лесом солнышко садится.
Мне теперь, подружки, дома не сидится,
С ветки облетает черёмухи цвет.
В жизни раз бывает восемнадцать лет.

Николай БУЯНОВ

ПРИЗОВОЙ УРОВЕНЬ

Повесть*

Бутырская тюрьма, блок А. Осень 1937 г.

— Расскажите о ваших отношениях с Виктором Спиридоновым.

Некоторое время я молчу, размышляя, как бы лучше ответить на вопрос следователя.

— Я бы не назвал их близкими — во многом наши взгляды не совпадали... Но это в основном касается чисто профессиональных аспектов. Я бывал на занятиях в «Динамо», где он преподавал, знакомился с его системой самозащиты... В ней довольно много недостатков. Я бы сказал, он слишком вольно трактует основные принципы джиу-джитсу, которое, может быть, изучал у не очень опытного наставника. Я тоже не сторонник слепого копирования — кое-что в классическом дзюдо мне кажется архаичным и ненужным. Но то, что японские мастера придают первостепенное значение подножкам и подсечкам, я считаю правильным. К тому же...

Некоторое время я объясняю достоинства и недочеты различных систем самозащиты, даже увлекаюсь и вскакиваю с места, пытаясь показать это более наглядно, но Порфирий Петрович останавливает меня мановением руки: надо помнить о своем положении подследственного. Никаких резких движений, никаких провокаций — я все еще свято верю, что причина моего ареста лежит в этих самых *профессиональных разногласиях* меж двумя мастерами, двумя коллегами по цеху (я даже допускаю, что сам Спиридонов не опускался до доноса на меня — возможно, постарался кто-то из «преданных учеников» — его или моих...).

Со Спиридоновым судьба впервые свела меня в Москве, в марте тридцатого года. Мы встретились в коридоре спорткомитета, и... трудно объяснить почему, но он сразу и активно мне не понравился. Нас представили друг другу, мы перебросились парой фраз и разо-

** Окончание. Начало в № 3.*

шлись. И одновременно оглянулись: мне померещилось некоторое высокомерие в его взгляде — так, поди, он в детстве, в папочкином имении, смотрел на дворовых ребятишек. А потом, будучи штабс-капитаном, — на немытую солдатню в окопах. «Белая кость», — подумалось мне с усмешкой. В наше время, дорогой мой, это скорее недостаток, чем достоинство.

Я довольно много знал о нем, успел навести справки. Бывший кадровый офицер, воевал в Маньчжурии, после революции тачал сапоги в маленькой каморке на Фонтанке. Как военспец был приглашен к сотрудничеству с Советами, принял его и был направлен сначала на курсы допризывной подготовки, а затем — в спортобщество «Динамо», обучать работников УГРО и НКВД. Разработал собственную боевую систему — основанную на японских корнях, но довольно самобытную. И напичканную приемами, которые во времена моего детства в Александровске назвали бы *подлянками.* Что тоже заставило меня поморщиться: его наука предназначалась не для открытого боя и уж тем более не для борцовского ковра — скорее, для ночной диверсантской (или бандитской) вылазки. Приблизиться, незаметно ткнуть в нужное место и так же незаметно уйти либо спровоцировать на атаку — и поймать на жесткий перелом кисти, или предплечья, или шейных позвонков... Подобное практиковалось и в дзюдо, но лишь когда противник отказывался сдаться, а в спортивных схватках вообще исключалось. Здесь же, если запретить все опасные для жизни приемы, оставалось только стоять столбом.

— Однако ваша неприязнь основывалась не только на этом, — замечает следователь. — Было, видимо, и кое-что более серьезное?

— Виктор Спиридонов — в прошлом деникинский офицер, — сухо говорю я. — Может ли такой человек быть до конца предан советской власти?

Порфирий Петрович с вежливым удивлением склоняет голову набок.

— А вы сами, гражданин Ощепков? Разве вы не служили у Колчака в девятнадцатом? Да еще и на неплохой должности: переводчик в Отделе военно-полевых сообщений...

— Я был рекрутирован — то есть попал на службу не по своей воле. Это во-первых. А во-вторых, я почти сразу же установил контакт с подпольем РКПб. И стал поставлять для них сведения о белогвардейцах.

— Вот как? Чем же вас не устраивали белогвардейцы?

— Хотя бы тем, что собирались продать японцам наши территории на Дальнем Востоке. А я, знаете ли, всегда был русским патриотом.

— Ну да, ну да... Из своего патриотизма вы даже пропагандировали среди белой эмиграции в Шанхае идею добровольного возвращения в Советскую Россию. И вошли в организацию, возглавляемую полковником Пильщиковым... А вам известно, что под видом таких эмигрантов к нам забрасывались боевики устраивать террористические акты в Москве и Питере?

— Мне не только *известно* об этом. Благодаря мне многие из этих террористов были обезврежены ОГПУ. И к Пильщикову я был внедрен по указанию советского разведуправления.

— Кто из сотрудников разведупра вас завербовал?

— Моя первая жена, — автоматически отвечаю я. — Екатерина Журавлева.

Я не знал тогда, что Катя работает на разведупр — вряд ли она была кадровой разведчицей, просто ей приказали присматривать за мной в Шанхае. И она действительно первое время присматривала за мной — надо сказать, довольно грубо и прямолинейно. К тому же ей все не нравилось. Не нравилось, что я стригусь наголо, не нравилось мое увлечение дзюдо (что за радость лупцевать друг друга, точно пьяные биндюжники?), она люто ненавидела мой родной Сахалин с его зимними буранами и коротким дождливым летом, и ее до такой степени напугал Китай, что она вскорости сбежала во Владивосток. И уже оттуда прислала мне телеграмму с требованием развода.

Я не стал противиться. Позже, в тридцать пятом, я случайно встретился с ней в Москве, в Измайловском парке. Она шла под руку с каким-то упитанным мужчиной в дорогом пальто и фетровой шляпе — я подумал, что это кто-то из партийной номенклатуры или директор крупного гастронома: все они одевались подобным образом, это был знак их касты, каты неприкасаемых...

Екатерина заметила меня, ее губы презрительно изогнулись, и она отвернулась, будто не узнав. Да... Уж не она ли приложила руку к моему аресту?

Возможно, это был и не сон. Для сна все было слишком реально, слишком неотличимо от действительности: опостылевшие нары в два «этажа», привинченный к полу стол и окно, забранное железным листом в мелкую дырочку и почти на дающее света, — почему символом тюрьмы считается *решетка*, совершенно непонятно. Однако сейчас все эти атрибуты как-то разом погрузились в темноту и отошли на второй план, оставив в круге света участок стола и мужчину за ним.

Тот не двинулся с места. Не пошевелил губами, но Инок будто услышал в голове голос. *«Бывает, предают самые близкие,* — говорил он, *— и бьют те, от кого удара совсем и не ждешь. Только мне вовсе не хотелось бы, чтобы этот опыт заставил тебя свить петлю вокруг шеи».*

«А что делать? — по-прежнему беззвучно, одними губами горько спросил Инок. — Что меня ждет — и здесь, и там, на воле?»

«Как что? — удивился собеседник. — Разве ты уже раздал все долги? Помог всем, кому нужна была твоя помощь? Одолел всех врагов? Я подозреваю, что их у тебя немало...»

«А у вас?» — поинтересовался Инок.

«И у меня хватает, — признался собеседник. *— А еще — я плохо думал об одном человеке. Я был уверен, что он написал на меня донос, а оказалось... Нет, мы с тобой явно прошагали еще не всю дорогу. И уходить нам рано».*

Иноку вдруг стало стыдно. Скрученную в жгут простыню он бочком-бочком прикрыл от гостя и задвинул под подушку. Спрыгнул с нар и присел напротив, чувствуя снежный ком в горле. С трудом протолкнул его внутрь, откашлялся и задал вопрос, который вертелся на языке:

— Вы Ощепков?

Человек не отреагировал: понимай, мол, как хочешь. Легко поднялся из-за стола и шагнул к двери — как понял Инок, дверь для него помехой не являлась. Обернулся на полдороге и вскользь заметил: *«А форму-то ты подрастерял. Пресс слабоват, и бицепсы… Залежался на шконке?»*

Инок пожал плечами: «А как быть? В «хате» особо не попрыгаешь. Да и какой-нибудь ретивый вертухай прицепится, донесет *куму,* а тот припаяет подготовку к побегу…»

«Вот и в моей «хате» тоже, — вздохнул собеседник, — *не распрыгаешься… Ладно, в следующий раз покажу тебе кое-что».*

Он не обманул. Не то чтобы *показал* в прямом смысле — но теперь Инок каким-то образом знал, как тренировать гибкость, не слезая с нар, выносливость, работая на распилке дров, координацию, когда приходит очередь наводить в камере чистоту… Потом он прибавил к этому упражнения, которым обучал капитан в армии — специалист по бою для диверсантов. Брал бумагу с карандашом и рисовал человеческие фигуры, раскладывая их, точно механизмы, на шарниры и оси, вспоминал специальные точки, а затем мысленно, прикрыв глаза, представлял, что на него нападают, а он защищается. Или нападает сам.

Вскорости это ему пригодилось. В один из сырых ноябрьских дней Сверло вдруг окликнул его после переклички:

— Эй, Инок…

— Ну? — хмуро откликнулся тот, ежась от ветра.

— Не ходи сегодня в столярку.

— Это еще почему?

— Малява тут кое-кому пришла с воли. Заказ на тебя.

«От кого малява?» — чуть было не спросил Инок, но одернул себя: вопрос был явно глупый.

— Закоси под больного. Ляг в больничку дня на три — у меня там лепила знакомый, поинтересуется — скажи: Сверло прислал, — зэк поплотнее запахнул на себе телогрейку.

Инок прислонился к стене и подумал, что, если заказ пришел конкретный, «подогретый» серьезными деньгами или чем иным, вопрос о сегодняшнем посещении столярки теряет актуальность. Не достанут в мастерской — достанут в другом месте, хоть на параше со свернутой газеткой.

— А с чего ты меня предупредить решил? — спросил он.

Сверло флегматично пожал худыми плечами:

— Понравился ты мне. Я вот из блатных. Ты вроде первоходок, из «мужиков», а обычаи знаешь. Да и вообще смахиваешь на человека, а это нынче редкость… Короче, я сказал, а там думай, — и заковылял прочь, ссутулясь и засунув руки в карманы.

Инок усмехнулся. *Самурай сомневается, принимая решение. Приняв его, он перестает сомневаться.*

В больничку он так и не пошел. Отработал положенные часы в мастерской, с сигналом сирены протер станок, прикрыл его чехлом, привычно встал по стойке «смирно» перед местным надзирателем — тот подошел, потрепал по плечу и задушевно произнес:

— Молодец, Топорков. Будешь и дальше стараться — глядишь, и наработаешь на УДО…

Слова вроде бы сказал хорошие, но в голосе просквозила насмешка. И столярку он покинул подозрительно резво — будто не желая стать чему-то свидетелем.

Подозрения Инока оправдались: едва надзиратель исчез, в мастерскую вошли шестеро незнакомых зэков — плечистых, откормленных, что нечасто встретишь на зоне, уверенных в себе бычар: таких здесь держат как раз для исполнения оплаченных заказов, усмирения непокорных либо для наказания проштрафившихся. Инок не торопясь двинулся им навстречу, надеясь обойти, но передний, с кривоватым «боксерским» носом, преградил дорогу.

— Не спеши, — врастяжку произнес он. — Должок за тобой числится. Не мешало бы ответить.

— Ответить? — переспросил Инок. — Как именно? По понятиям, один на один, или по беспределу? — он оглядел остальных пятерых, расходящихся вокруг кольцом.

Их главный усмехнулся.

— Слышь, братва, какие баклан слова знает: «по понятиям»…

Тонкий свист сзади: так свистит монтировка или иной железный прут, рассекая воздух. Инок, хоть и был готов, но не успел бы защититься — его только и хватило, что втянуть голову в плечи.

Удара, однако, не последовало: некто невидимый, но вполне осязаемый сделал какое-то движение — и нападавший, выронив прут, влетел спиной вперед в ближайший станок и сполз вниз, безуспешно пытаясь вдохнуть воздуха. Остальные замешкались в растерянности, но лишь на секунду: выучка сказалась. Еще у двоих были монтировки, один явно прятал за спиной заточку, вожак же тряхнул кистью — и из рукава скользнул шипованный металлический шар на цепочке: страшное оружие в умелых руках.

Инок почувствовал прикосновение за спиной: «*не волнуйся, я здесь».*

«Я знаю», — сказал он вслух. Хищно улыбнулся и шагнул вперед.

Понедельник, 15.30, ж/д станция «Город-1»

День выдался что надо: теплый, но не одуряющий, наполненный целым семейством легких ветерков, нагретого асфальта и солнечных зайчиков, прыгающих по стеклянному зданию вокзала. Впору было стянуть с себя футболку, расположиться на скамейке у пригородных касс, сунуть в уши плеер (торчок Гленн Миллер с его cool-jazz-бандой пришелся бы как нельзя кстати) и подставить пузо солнышку, с раннего утра плескавшемуся в небесной голубизне.

Тем не менее начальник станции не только не отключил ночное освещение, но и врубил дополнительные огни вдоль путей — не иначе как из желания потрафить высокому полицейскому начальству.

Однако «высокое начальство» в лице майора Оленина выглядело мрачнее не придумаешь: спать в эту ночь не пришлось ни ему, ни сотрудникам из его группы.

Сам он с двумя оперативниками сидел в комнате охраны и в двадцатый, наверно, раз отсматривал записи наружных камер. Результаты были удручающими.

— Хрень какая-то, — вынес он вердикт. — Почему у вас участки съемки не стыкуются? Откуда столько мертвых зон?

— Так камер мало выделили, — охотно пояснил старший секьюрити — капитан с обвислыми казацкими усами. — Мы уж и так и этак кумекали, даже специалиста вызывали. Это вариант оптимальный, дыры получились самые узкие…

— Дыры, — Оленин непочтительно сплюнул на цементный пол. — Вопрос только: знал о них убийца или ему просто повезло… Как там тетушка?

— Еле отпоили, — хмуро отозвался Силин. — Оно и понятно: племянницу-то почти на ее глазах…

— Что-нибудь полезное рассказала?

— Почти ничего. Прибыла в пятницу дневным поездом (билет сохранился), Айлун отпросилась с работы, встретила, привезла в общежитие. Просидели за разговорами почти до утра. Уже поздно, в первом часу ночи, позвонил мужчина, Айлун объяснила, что знакомый журналист…

— Это я звонил, — глухо сообщил Алеша. Он сидел у стены, на жестком фанерном диване, и смотрел в пол. По полу медленными рывками ползла зеленая гусеница, которую остро хотелось раздавить ногой.

Блестящие рельсы в алых потеках крови. Туфелька, незнамо как отброшенная в сторону на десяток метров; чисто, будто скальпелем, отрезанная рука с изящными серебряными часиками на запястье; рыжевато-серое мозговое вещество и волосы, прилипшие к ободу колеса, — у Айлун были роскошные черные волосы, для узбечки это почти визитная карточка…

Сумочка осталась лежать на перроне — кто-то из добросовестных свидетелей подобрал ее и сдал в местное отделение. Внутри оказались ключи, косметичка, складной зонтик, зеркальце, газовый баллончик (видно, на помощь Дениса в защите от хулиганов Айлун особых надежд не возлагала), паспорт, пропуск и шестьсот рублей сотнями. Отыскался и сотовый телефон: Алеша знал, что первым делом Оленин обнюхал его на предмет входящих и исходящих вызовов.

— Дальше.

— Выспались, позавтракали (тетушка привезла из Коканда всяких вкусностей), отправились на экскурсию по городу. Зашли в универмаг, прокатились в парке на колесе обозрения, потолкались на рынке… Словом, все выходные практически не расставались.

— А…

— Ни с кем из фигурантов по нашему делу контактов не зафиксировано. Разве что с ним, — Силин недобро кивнул на Алексея. — Сергеич, а может, его в наручники, в наш подвал и допросить как следует?

— Да ну, — рассеянно отозвался майор. — Лучше вон выведи к пакгаузам и расстреляй к шутовой матери...

— Сергей Сергеевич, — тихо и безнадежно взмолился Алеша. — Как хотите, но... не могло *это* случиться из-за фургона. Ну как вы это себе представляете: наши ниндзя сделали свое черное дело, перебежали улицу, переоделись в цивильное, вальяжно погрузились в свой драндулет и отчалили? Я, конечно, дилетант в таких вещах, но фильмы про спецназ иногда смотрю: они, как только освободят всех заложников, тут же, не снимая масок, прыгают в вертолет — и ходу, пока никто не разглядел... Не думаю, что ниндзя — что древние, что современные — придерживаются иной тактики.

— Смотри, как поет, — флегматично заметил Силин. — Прямо сам себе адвокат.

— Присмотрелись бы лучше к Денису, — сердито проговорил «сыщик». — Может, ему до смерти надоела беременная подружка (ладно, пусть он не знал, что она *не беременная)...*

— Зачем ты ей звонил? — вдруг жестко спросил майор.

— Как? — растерялся Алеша. — Свидетель же...

— Свидетель *чего?!* Со дня убийства Потапова и Рухадзе она покойно прожила неделю. НЕДЕЛЮ!!! А как только тебе приспичило выяснять приметы фургона, ее моментально вычислили и убрали.

— Но...

— И меня интересуют два вопроса. Первый: Айлун сказала тебе, что «только что *увидела и сообразила*»... Где именно? Получается, что *на вокзале.* Что именно: картинку на киоске, вывеску на общественном туалете, граффити на стене склада, надпись на аэростате?..

— На каком аэростате?

— Понятия не имею! — взорвался майор. И накинулся на ни в чем не повинного Силина: — А ты что раззявился? Орлам своим дал задание?

— С утра еще, — сухо отозвался тот. — Работают. Пока безрезультатно.

— ...и второй вопрос. Получается, что в субботу и воскресенье тетушка с племянницей практически не разлучались, — Оленин резко развернулся к притихшему на диване «сыщику». — Откуда преступники узнали, что следствие заинтересовалось фургоном?

Некоторое время Алеша молчал, силясь вникнуть в смысл сказанного. Затем энергично, словно лошадь, замотал головой.

— Нет, Сергей Сергеевич... Клянусь, нет!

— А я думаю, *да,* — безжалостно ответил майор. — Иначе кого мне прикажешь подозревать? Тетушку из Коканда? — он вздохнул. — *Протекло* где-то, журналист. И я не удивлюсь, если от тебя. Ты вроде рассказывал, будто занимался с друзьями в парке утром субботу. Может, сболтнул кому-нибудь из них?

— Нет, — процедил «сыщик» сквозь зубы, упрямо глядя перед собой.

— Допустим. С кем ты еще встречался в эти два дня? Приятели, друзья, недруги, коллеги в редакции, семья…

— Какая редакция, — устало проговорил Алексей, — суббота же. А семья… Вы Наташу подозреваете?

— Нет, — тут же дал майор задний ход. — Наташа априори вне подозрений. Ладно, ступай домой. Извинись за меня перед супругой.

— За что?

— Как за что? За то, что обещал доставить муженька к дверям, а сам умыкнул почти на сутки… Поспи часика два. А потом — мой тебе совет: возьми лист бумаги, ручку и распиши выходные по минутам: где и с кем встречался, кому звонил, о чем беседовал… — он сделал паузу и проникновенно добавил: — Понимаешь, Леш, не верю я в чудеса. *Была утечка.* Найдем ее — найдем убийцу.

Уже в дверях Оленин окликнул его:

— Не знал, говорить ли тебе… Словом, вскрытие показало: Айлун была беременна. На третьем месяце. Все, иди, работать мешаешь.

Алеша вышел из дверей на привокзальную площадь, запруженную жаждущими подработать такси, двухэтажными междугородными автобусами, толпами людей, нагруженными пакетами с логотипами фирм-производителей, чемоданами на колесиках, авоськами и рюкзаками всех марок и расцветок — не такой ли пакет с логотипом увидела Айлун за несколько минут до смерти? Не проплывало над городом никаких аэростатов, никто не клеил на столбе объявлений фривольного содержания и не расписывал граффити стены пакгаузов (зачем им с тетушкой Фатимой было переться в ту сторону?).

Это было что-то такое, что появилось — и исчезло через минуту, как та реклама на пакете, или на несвежей футболке, обтягивающей чей-то пивной живот, или на желтом боку электрокара…

В кармане пропиликал мобильник. Алеша с усилием, словно штангу на помосте, поднес его к уху и услышал раздражающе-счастливый голос Андрея Калинкина:

— Здоров, друг! Куда запропал? На работе тебя нет, дома нет, мобилу не берешь…

— Дела были… срочные, — выдавил из себя «сыщик».

— Гм… Понятно. А мы тут решили тренироваться каждое утро в парке, на нашем месте. Из клуба я все равно ушел, так что теперь мне и слова никто поперек не скажет. Ты как, присоединишься?

«Сыщик» промолчал. До него только сейчас с трудом, словно сквозь шум помех от дальних радиостанций, дошло вдруг, что они, его друзья, *ни о чем не знают.* Они не отскребали комья мокрых от крови волос с гладкого металлического полотна, не искали вдоль путей обрубки человеческого тела, не поднимали это все вверх на носилках, в пакетиках и мешочках, на которых спокойная

рука медэксперта тут же наклеивала ярлычки с регистрационным номером, — интересно, можно ли на третьем месяце определить, мальчик родится или девочка? Или Айлун не захотела заглядывать так далеко вперед, а решила просто подождать еще полгодика, чтобы увидеть это *чудо* воочию, взять на руки и трепетно угадывать в маленьком сморщенном личике бабушкины ушки, папин затылок и свои собственные, чуть подтянутые к вискам глаза…

Они не знали. И этим вызывали у «сыщика» почти черную, почти смертельную зависть.

— Кстати, — вдруг перескочил Андрей с темы на тему. — Мы тут забрели в аптеку… Понимаешь, у моей сестры астма, ей нужен специальный ингалятор, называется небулайзер. Ты не в курсе, где можно купить подешевле?

— Небу… как? — не понял «сыщик».

— Небулайзер.

— Мне придется записать, так не запомню.

— Эх ты, — почему-то укорил Андрей. — С третьего раза запомнить не можешь, а кое-кто с первого запоминает, — и отключился.

Рядом с визгом затормозило канареечное такси. Из-за баранки высунулось лицо кавказской национальности и нетерпеливо осведомилось:

— Ну что, едем — не едем?

— Едем, — неожиданно для себя решил «сыщик».

— Куда? Любой конец — триста рублей.

Алеша вздохнул.

— Считай, даром.

Он не знал, когда в клубе начнутся занятия и прибудет ли сегодня знакомая машина: вряд ли ведь сэнсэй тренируется каждый день, должно же у него оставаться время на девочек, бары и темные делишки со своим боссом. Просто уселся на бордюр возле автостоянки и стал ждать. Он чувствовал себя собранным и спокойным, как тотемный воин Стивен Сигал.

Вскоре стали прибывать ученики — поодиночке и стайками, со спортивными сумками через плечо. Алеша мимоходом позавидовал их молодости и беззаботности: сам-то себе в свои двадцать шесть он казался глубоким стариком. Впрочем, наверно, как и им.

Вороная красавица тойота аккуратно заплыла на стоянку без нескольких минут шесть. Вышел Денис Сандалов, элегантно пискнул пультом сигнализации, небрежно поднял руку, приветствуя кого-то из приятелей… Алеша не спеша снялся с места, шагнул ему навстречу и нанес сильный хук в челюсть. Тут же, не сбиваясь с шага, не совсем по-боксерски пнул коленом его в пах, схватил за грудки и со всей силы впечатал спиной в переднюю дверцу.

— Ты чего? — удивленно спросил Денис, от неожиданности не делая даже попытки защититься. «Воспитал Большой Папа ученичка, нечего сказать», — подумал «сыщик» и с ледяной яростью выдохнул тому в лицо:

— Она была беременна, ясно тебе, ососок? На третьем месяце! Это установлено экспертизой!

— Экспертизой? — заторможенно переспросил Денис. — Какой еще...

— Судебно-медицинской.

На них стали оборачиваться. Кто-то показал пальцем, должно быть, поинтересовавшись у спутников: чего это, мол, нашего сэнсэя избивает какой-то чужак, а тот не ответит ему достойным *аге-уке-санбон-цки* или *маваши гери с переходом на гедан-барай-кимэ*[1]?

— Подожди. При чем тут судебно-медицинская... — Денис вдруг запнулся. — Она что, умерла? *Айлун умерла?!!*

— Нет, не умерла, — жестко сказал Алеша. — Ее убили. Сбросили под поезд.

Он увидел, как стремительно посерело лицо собеседника. Загар, заработанный титаническими трудами в солярии, сполз, как змеиная кожа, обнажились трещинки и оспинки, еще чуть-чуть — и сквозь эти трещинки начнет прорастать-пробиваться молодая трава...

— Убили? Когда?

— Вчера в 20.10.

— Это не я, — быстро проговорил Денис. — Послушай, я не знаю, на кого ты в самом деле работаешь: на газету, на уголовный розыск, на ФСБ... Передай своим: у меня стопроцентное алиби! Я вчера был здесь, в клубе, на тренировке, это человек двадцать могут подтвердить!

— Во сколько началась тренировка?

— В шесть тридцать. Закончилась в девять... Это легко проверить.

— Проверим, — пообещал Алеша. — И если окажется, что твое алиби имеет хоть одну трещинку... Ты у меня до суда не доживешь, каратист хренов. Усек?

— Какой еще суд? У вас ничего нет против меня, ни-че-го! Иначе ты бы не приехал к клубу, а вызвал повесткой в какой-нибудь хитрый подвал с решетками на окнах... Да убери ты руки, в конце концов! И уж по крайней мере к Альке это не имеет никакого...

— ...отношения? — закончил Алеша. Смерил взглядом фигуру «оппонента» снизу вверх и презрительно покривил губу: — Ты трус, Денис.

— Что?! — встрепенулся тот.

— Ты трус, — раздельно повторил «сыщик». — Айлун любила тебя... И сейчас у тебя есть реальный шанс помочь разоблачить ее убийц. Но ведь тебе твои копеечные дела с Большим Папой куда дороже. Что он тебе обещал за молчание? Очередную липовую медальку на соревнованиях? — он с трудом отлепился от собеседника и вытер ладонь о джинсы. — Ступайте в зал, сэнсэй, ученики заждались.

И сам, развернувшись, тяжело пошел прочь.

Возле табачного киоска (не того, что на улице Афанасия Никитина, в непосредственной близости от места убийства, а его клонированного брата-близне-

[1] Ударные комбинации в карате.

ца) его окликнули. Две девочки-соплюшки лет по тринадцать, обе из-за худых ног похожие на страусят, в пляжных шлепанцах, сильно растянутых футболках и с кислотными рюкзачками за спиной — у одной желтый с коричневыми вставками, у другой зеленый, без вставок.

На верхнем клапане зеленого болталась плюшевая Масяня.

— Дядь, купи дамам сигарет, — попросила одна и протянула «сыщику» мятый полтинник.

— А сами что? — искренне не понял тот.

— Так паспортов нет. А без паспорта нынче ни бухалова, ни курева ни в одном приличном заведении не продадут...

— Рановато вам еще курево-то с бухаловом, — назидательно сказал «сыщик».

— Знаем, знаем, — рассмеялись они и хором проорали: «КОНЧАЙ КУРИТЬ, ВСТАВАЙ НА ЛЫ-ЖИ!!!» Так купишь, нет?

— Ладно уж... *дамы,* — сдался Алексей. — Ждите тут.

Он подошел к киоску, мельком отметив, что поверх обычной рекламы разнообразного курева (официально запрещенной, но кого волнуют такие условности?) ныне висела цирковая афиша. На афише красовалась полногрудая женщина с длинными черными волосами, с головы до ног увешанная гирляндами жутковатых тварей — удавов, питонов, каких-то змеючек помельче калибром, но от того не менее отвратительных.

Сенсация в мире циркового искусства: Амелия Чарская — Жрица Змеиного царства — с гастролями в нашем городе. Спешите! Количество билетов ограничено!!!

— Эй, дядь, с тобой все в порядке? На солнце не перегрелся?

— Что? — спросил Алеша.

— Да ты на эту тетку пялишься уже минут десять. Западаешь, что ли, на таких? Сходи в цирк, у нее представления три раза в неделю.

— А вы сами ходили?

— Ходили, — поморщилась та, что с желтым рюкзаком.

— Полный отстой, — покривилась та, что с зеленым. — Лучше бы она рэп читала.

«А кого мне еще подозревать? Тетушку из Коканда? Нет, журналист, если и была протечка, то от тебя. Кто мог быть в курсе? Друзья, недруги, коллеги в редакции, семья?

Вы Наташу имеете в виду?

Нет, Наташа априори вне подозрений.

Слово-то какое откопал: ***априори...»***

— Еще один человек знал, — пробормотал Алеша, обращаясь к ближайшей урне. — А я упустил его из виду, вот дурень!!!

Дом встретил его холодным молчанием. Алеше вдруг вспомнилась сцена из «Бриллиантовой руки»: молодой Никулин в роли Семена Семеновича после бурной ночи в отеле «Атлантик» шлепает утром босыми ногами на кухню и

застает там своего милицейского куратора-майора за жаркой яичницы: в простецком фартуке поверх мундира и с бодрой песней на устах…

Так тебе и надо, «сыщик» недоделанный…

Жизненные реалии оказались круче комедии Гайдая: майора Оленина — в женском фартуке или без оного — на кухне не оказалось, зато на плите стояла кастрюля с супом, а на столе — записка, прислоненная к солонке:

«Милый, срочно вызвали в клинику, там сложный больной. Суп на плите, котлеты в холодильнике. Запри от Ксюхи шоколад, у нее от сладкого прыщи. Люблю. Я».

«Сыщицкий» зуд пропал, будто его и не было. Алеша блаженно покачался на двух ножках табуретки. *«Люблю. Я».* Счастье, когда тебя любит самая красивая девушка во Вселенной. И самая умная, и самая понимающая. И практически невозможно, чтобы все эти качества совмещались в одном флаконе с пометкой: **«Сделано по специальному заказу в единственном экземпляре».**

Хлопнула входная дверь. Ага, на ловца и зверь бежит… Свояченица прошлепала в комнату, не заглянув на кухню. Алеша, дав секундной стрелке пробежать полный круг, зашел следом. Ксюша сидела возле компа, в своем любимом кресле на колесиках, и:

а) шарила правой рукой по клавиатуре;

б) облизывала банановое мороженое в вафельном стаканчике;

в) слегка дергала головой в такт некоему музыкальному произведению, которое слушала через громадные стереонаушники.

«Сыщик» подошел поближе и прислушался к отголоскам: Аркадий Укупник, «Восток — дело тонкое, Петруха» — по сравнению с Земфирой и иными молодежными кумирами-исполнителями почти Девятая симфония Шостаковича.

— Привет, — сказал Алеша, стянул с головы собеседницы наушники и присел рядом на стул.

— А? — растерялась та. — Ты чего, дядя Леш? Тетю на работу высвистали, у нее какой-то старикан в реанимации вот-вот кони двинет, надо бедному облегчить последние страдания… А тебе она пожрать в холодильнике оставила и маляву на столе…

— О маляве потом. Скажи мне, милое дитя, кому ты рассказала про телефонный звонок?

— Про *че?*

— В пятницу вечером я сидел на кухне и разговаривал по телефону. Ты этот разговор слышала.Ты ни в чем не виновата, ругать тебя никто не собирается. Просто скажи… Ты услышала слово «Сириус»… Ну?

Она непринужденно освободилась.

— Ну, Вадьке Прыщу сболтнула, а что такого? Он мне с этой *эксклюзивной* татуировкой весь мозг вынес: ах, какой у него важный клиент, как важно выработать какую-то там сраную концепцию… Мне надоело, говорю: вся твоя концепция — это как цветочек на чьей-то жопе нарисовать, вдоль или поперек. А тут люди о возвышенном беседуют. О звездах. О каких таких звездах? О Сири-

усе, темнота ты сельская. Двойная звезда класса А-1, самая яркая в Северном полушарии. Ну, у него челюсть и отпала...

— Понятно, — пробормотал «сыщик». — А не знаешь, кто у него заказчик?

— Вадька сказал, какой-то большой мастер по всяким восточным штучкам: кунг-фу, тайский массаж, философия всякая... И, кстати, его подруга работает в вашей редакции, у нее еще имя совершенно чумовое — ну, как у той девахи в Библии, которую за что-то там из рая поперли...

— Ева?

ЧАСТЬ II
НЕБУЛАЙЗЕР

Вторник, улица 9 Января, 18.30

«Ниндзюцу (Википедия) яп. 忍者 — скрывающийся; тот, кто прячется < 忍ぶ «синобу», — скрывать(ся), прятать(ся); терпеть, переносить + の者«моно» — боевое искусство, охватывающее множество областей, самыми известными из которых являются уникальная система рукопашного боя (большей частью имеющая китайские и окинавские корни), а также утаивание, маскировка, сбор сведений о противнике, диверсии и заказные убийства. Семьи Н. представляли собой замкнутые Кланы, куда был закрыт путь посторонним людям. Боевые искусства внутри Клана передавались только от отца к сыну, и раскрытие секретов постороннему означало смерть от руки Н. того же Клана.

Расцвет Н. приходится на эпоху правления Сэнгоку Дзидая (1497 — 1568 гг.), когда феодальные войны охватили большую часть...»

Клуб, упомянутый свояченицей, назывался «Игуана» (в отличие от «*Зеленой игуаны»,* которая действительно оказалась третьеразрядным стрип-баром на Театральной, где можно было без стеснения заказать себе портвейн «777» и засунуть в трусики унылой стриптизерше мятые пятьдесят рублей). Информацию о клубе и его владельце он до обидного легко получил от Евушки Ижинской, едва появился в коридоре редакции.

— Ромик-то? — удивилась та, поняв, что от нее требуется. — Ну есть такой, Ромик Лапиков, милый мальчик, открыл клуб на улице 9 Января (жуткая дыра, зато квадратный метр сдается по цене пакетика китайской лапши)... Втюхивает ученикам всякую лабуду: восточную борьбу, философию, чайную церемонию... Малость с придурью, но в постели очень даже ничего, — Евушка плотоядно облизнулась. — Делает мне тайский массаж глиняными шариками и ароматические палочки зажигает для концентрации...

— Круто, — оценил «сыщик». — Подскажи-ка точно, где находится его клуб?

— А тебе зачем?

— Ароматических палочек хочу прикупить.

Ближе к вечеру «сыщику» позвонил Андрей Калинкин, явно продемонстрировав экстрасенсорные способности, и ревниво спросил:

— Куда собрался?

— Да вот, раскопал интересных ребят... Представляешь, в ниндзя готовятся.

— А, — понимающе кивнул собеседник, — бегают по крышам и из духовых трубочек жеваной бумагой пуляют? — и добавил совсем другим тоном: — Полагаю, с ними следует познакомиться поближе. Заодно и Яшке покажем — вдруг узнает кого-нибудь...

— А не опасно? — засомневался вдруг Алеша. — Давай майору позвоним.

— Сами справимся, — решительно сказал Андрей. — Дуй в адрес, а я — за Яшей. Только «мустанга» из стойла выкачу...

Искомая улица оказалась узкой и длиной, как пенал, и заканчивалась чем-то живо напоминающим свалку радиоактивных отходов. Справа темнела вереница старых (возможно, еще довоенных) складов, слева, едва не касаясь ее крышами, расположились в ряд ветхие двухэтажные дома, частью отданные под офисы средней руки: две нотариальные конторы, несколько сетевых компаний, торгующих псевдотибетскими биодобавками, одно дышащее на ладан турагентство и, собственно, «Игуана» под вывеской, имитирующей японскую (или не-японскую) каллиграфию. «Игуана» занимала сразу три помещения: одно, большое, под спортзал и два поменьше, надо думать, под начальственный кабинет и что-то вроде склада ненужных вещей.

— Ну, вперед, — весело сказал Андрей, — к тигру в пасть?

— Ага, — Яша сглотнул слюну. — Хорошо, что в пасть, а не в задний проход...

А «ботаник»-то меняется на глазах, с удовлетворением подумал «сыщик». Коли уж обрел способность отпускать шуточки в такой ситуации...

Он постучал. Дверь оказалась незапертой, они вошли и очутились в некоем «предбаннике»: стены оклеены плакатами с иероглифами и постерами с изображениями Шо Косуги[2] в маскарадных костюмах и без, сбоку простой письменный стол и за ним дежурный — рослый плечистый парень в черном костюме, маске и почему-то с белым поясом на талии. Из-под маски предательски выпирали тугие румяные щеки, которых парень явно стеснялся.

— Куда? — строгим учительским тоном вопросил страж.

— Да вот, записаться хотим, — миролюбиво отозвался Алеша. — Прочитали информацию на сайте, стало любопытно... А можно познакомиться с вашим руководителем?

— Сэнсэй медитирует, — в голосе дежурного лязгнула сталь самурайского меча. — И вообще, мы новичков не набираем. У нас закрытая организация.

— Помилуйте, что значит «закрытая»? — искренне удивился «сыщик». — Если есть официальный сайт, контактный телефон, е-мейл...

[2] Японский актер, мастер боевых искусств, исполнитель множества ролей в фильмах о ниндзя.

«Ниндзя» медленно поднял голову. И процедил, явно подражая любимому киногерою:

— Ты что, недоумок, русского языка не понимаешь?

— Понимаю, — с готовностью сказал Алеша. — Кстати, классный костюмчик. Правда, до Нового года еще далековато... Мама помогала шить или младшая сестренка?

Дежурный степенно выбрался из-за стола. Встал напротив Алеши... и неожиданно резко, с выдохом, выбросил вперед кулак — не будь готов «сыщик» к такому повороту событий, ему пришлось бы несладко.

«Сыщик» выполнил классический боксерский нырок, одновременно доставая противника боковым в подбородок, а Андрей прямо из-под его руки влепил неудачливому «ниндзе» четкий удар пяткой в солнечное сплетение. Страж произнес непереводимое ни на один из известных языков слово «Йеъ!!!» и спиной вперед влетел в спортзал, едва не снеся дверь с петель.

В зале как раз шла тренировка: две пары отрабатывали на ковре заднюю подножку, несколько человек лазали вверх-вниз по веревочной сетке, напоминая матросов на старинном паруснике, еще несколько синхронно взмахивали деревянными мечами (Алеша вспомнил их названия: *боккэн),* двое с сосредоточенным видом метали металлические звездочки в фанерные мишени в дальнем конце зала. Одеты занимающиеся были разношерстно: кто в кимоно, кто в спортивный костюм, кто вовсе в боксерские трусы и майку, но непременно с черными масками на физиономиях.

Влетевший в зал дежурный взорвал это великолепие, точно проткнувший атмосферу метеорит. Он распластался на полу, но мгновенно вскочил на ноги, метнулся к стойке с оружием, выхватил оттуда бесхозный меч и замер в низкой боевой позиции. Его сотоварищи, еще не поняв, в чем дело, но интуитивно чувствуя начало некоего кипежа, последовали его примеру. И теперь на троих чужаков (Алеша с Андреем чуть впереди, плечом к плечу, Яша чуть сзади) надвигалась плотная толпа, пылающая сдержанным боевым азартом.

— Нас теперь, что, побьют? — без особого страха поинтересовался Яша, выглядывая из-за спин друзей.

— Щас, — хмыкнул Андрей. — Два самурая против Ночного клана — это даже интересно. Леха, выводи Яшку в коридор. Я беру на себя вон тех троих, а ты...

— Ты с ума сошел, — искренне сказал Алексей, поднимая руки ладонями вверх.

— Мужики, честное слово, это недоразумение. Мы просто дверью ошиблись, сейчас уйдем...

— Ага, ногами вперед, — уточнил красный как помидор пострадавший дежурный.

И с гортанным кличем ринулся в атаку.

— *Йамэ!!!*[3] — раздался вдруг резкий окрик.

[3] Команда прекращения действия на занятиях по боевым искусствам.

Нападавший вдруг замер посреди полета, развернулся к боковой двери и отвесил короткий поклон. То же с секундным опозданием проделали и остальные курсанты: кто бы ни был их наставник, дисциплину на занятиях он поддерживал железную.

В зал вошел молодой мужчина — лет тридцати, среднего роста, с узкой, будто подсушенной фигурой, в черной футболке, черных спортивных брюках с завязками на щиколотках и черных мягких туфлях, совершенно скрадывающих звук шагов. Он единственный был здесь без маски: Алеша разглядел чуть широковатые скулы, небольшой твердый подбородок и очень спокойные серые глаза. В общем, ничего особенного, но у «сыщика» возникло ощущение, что с таким провожатым можно безбоязненно разгуливать где угодно: хоть по «черному» району Гарлема с логотипом на футболке «Смерть ниггерам!», хоть в игривых обтягивающих слаксах и с накрашенными губами вдоль городского фонтана второго августа с табличкой на груди: «Ненавижу ВДВ!».

Никто и близко подойти не посмеет.

Мужчина подошел к гостям и негромко произнес:

— Прошу прощения за моих учеников. Я Роман, их наставник. А вы, видимо, Алексей? — безошибочно выделил он журналиста из всей троицы.

— Да, — немного растерянно кивнул «сыщик». — А откуда вы…

— Ева звонила. Предупредила, что вы можете нагрянуть с визитом, — Роман обезоруживающе улыбнулся. — Правда, не упомянула, что этот визит может быть таким громким. Что ж, прошу в мой кабинет, там никто не помешает.

— Продолжать занятия, — бросил он через плечо, и тренировка тут же возобновилась.

Кабинет был обставлен с истинно японским минимализмом: жесткие циновки на полу, небольшие подушки вместо стульев, лакированный столик, на котором главное место занимала узкая ваза с торчащими из нее ароматическими палочками (ага, вот чем, оказывается, Ромик покорял — и покорил — «заскорузлое» сердце Евушки Ижинской), деревянный манекен в дальнем углу, испещренный непонятными следами, полки с книгами (поэзия Басе, Сунь Цзы, «Искусство войны», Шри Чинмой «Цветы медитации», несколько незнакомых книг на японском…).

— Вы читаете по-японски? — удивился Алеша.

— Нет, просто прогоняю текст через «гугловский» переводчик, — не чинясь, ответил Роман. — Чаю хотите? Особый сорт, держу специально для дорогих гостей…

Он очень легко опустился на пол со скрещенными ногами и принялся священнодействовать с маленьким заварочный чайничком — неким предметом, напоминающим веник в миниатюре, совсем уж крошечными чашечками… Алеша уселся гораздо менее грациозно — подобрав под себя одну ногу и вытянув в сторону другую. Андрей с Яшей тем временем подошли к стене и с любопытством принялись разглядывать развешанные на крючках предметы: коническую соломенную шляпу, серп на короткой рукоятке, совершенно безобидную на вид суковатую мотыгу, пару плетеных корзинок…

— Лучше было бы повесить что-нибудь из оружия, — тихонько проворчал Андрей. — Пару мечей, алебарду, какое-нибудь знамя со старинным девизом... А так — будто в музее народного быта.

Роман добродушно усмехнулся и протянул гостям чашки.

— Готово... Так с чем вы пожаловали? Евушка мне толком ничего не объяснила...

«Сыщик» изготовился произнести свой традиционный монолог: решили заняться единоборствами, но не можем выбрать направление, а выбор велик, хотим сначала разобраться и выбрать наиболее достойное... Однако передумал. Вспомнил, что ни одного из тех, кому этот монолог предназначался, он не обманул. Не обманул бы и хозяина кабинета: слишком умными и спокойными были его глаза, слишком выверенными движения, слишком притягательной скуповатая улыбка — вот о ком Светочка-самбо наверняка сказала бы: *в нем чувствуется сила. Настоящая, а не показная...*

...Роман выслушал молча, не вставив ни единого замечания. Потом задумчиво переспросил, повернувшись к Яше Савостикову:

— Значит, в черных костюмах и масках. Действовали молча, мгновенно, откуда появились и куда потом исчезли — непонятно. Все верно?

Яша смущенно пожал плечами.

— Я знаю, в это трудно поверить, но...

— Ну почему, поверить очень даже легко, — не согласился Роман. — Просто мне их одеяние почти стопроцентно доказывает, что к истинному ниндзюцу они никакого отношения не имеют.

— Вот как? — удивился «сыщик». — Это почему же?

— Потому что большинство этих атрибутов — маски, балахоны — чистой воды голливудская выдумка. Ну не ходили так ниндзя: это все равно что Штирлица обрядить в пилотку с красной звездой и прицепить парашютный ранец на спину...

Ниндзя был в первую очередь шпионом. Мастером мимикрии: в городе он должен быть горожанином, в море рыбаком, в замке — стражником, или каменщиком, или служкой... Иначе — разоблачение и мучительная смерть, самураи ведь с ниндзя не церемонились, они для них были и не люди вовсе — скорее, человекообразные собаки...

Роман невесомо поднялся из-за столика и шагнул к стене, где, по определению Андрея, были развешаны «предметы народного быта».

— Представьте: ниндзя получает приказ убить чиновника, который каждый день проезжает в своей коляске (в сопровождении охраны, разумеется) мимо рисовых полей. Ниндзя превращается в крестьянина, — Роман нахлобучил на голову соломенную шляпу, приторочил на спину плетеную корзинку и взял в руки мотыгу. — В корзинке у него пара ячменных лепешек: скудный обед, который он прихватил из дома. От других крестьян он ничем не отличим: так же гнет спину от зари до зари, обрабатывая посевы... Но вот появляется коляска. Крестьяне кланяются: таков обычай. Ниндзя кланяется вместе со всеми, а когда выпрямляется... — Роман неожиданным коротким движением сорвал с головы шляпу и

метнул ее через всю комнату в деревянный манекен — примерно так, как кидают пластмассовую тарелку на пляже. Алеша ожидал, что шляпа сомнется и упадет на пол, но та с глухим стуком вошла в древесину и осталась торчать в ней.

— Металлическая окантовка в тулье, — мимоходом пояснил хозяин кабинета. — Если атака не достигла цели, то в ход идет меч, который, кстати, вы перед собой так и не увидели, — он взялся за мотыгу, та вдруг распалась на две половинки и обернулась узким стальным клинком.

— Чиновник мертв. Чтобы уйти от охраны (та пришла в себя и жаждет мщения), ниндзя кидает ей под ноги ячменные лепешки.

— А в лепешках что? — понимающе спросил Алеша. — Гранаты Ф-1?

— Скорее, дымовые шашки, — отозвался Роман. — В дыму легче исчезнуть — это и сегодня используют и диверсанты, и террористы.

— Круто, — оценил несколько уязвленный Андрей. — Значит, на самом деле все, что висело на этой стене, — это оружие?!

— В руках ниндзя любой предмет превращался в оружие, — Роман помолчал. — Но я сейчас имею в виду другое. Древние ниндзя считали, что человек любым своим действием нарушает некую гармонию Вселенной — вроде как раскачивает маятник. И неизвестно, как тот маятник развернется и по кому ударит... Они всю жизнь *готовили* себя к действию — но никогда не действовали без крайней необходимости. Только если выполняли чей-то приказ, но тогда уж и ответственность перекладывалась на заказчика. И еще: их Богом была эффективность. Минимум затрат и максимум результата. Поэтому непонятно, почему твоих обидчиков, — он посмотрел на Яшу, — они убили голыми руками, если гораздо проще было выстрелить издалека. Зачем понадобились карнавальные костюмы, зачем *вообще нужно было убивать на глазах у свидетеля?!*

— Так что, — Яша почесал в затылке, — получается, ниндзя никогда «ниндзями» не одевались?

— Почему же не одевались... Однажды военный правитель Японии Иэясу Токугава нанял двадцать ниндзя из клана Кога для защиты своего замка. И велел им периодически появляться на стенах в балахонах и масках. Враги увидели, какой могущественный клан охраняет правителя, убоялись и не стали нападать, — Роман сделал паузу. — Может, и в вашем случае было примерно так же? Нападавшие рассчитали, что ты запомнишь их внешность и расскажешь на следствии. Ну, а потом эта информация дойдет до нужных ушей...

Алеша усмехнулся уголком рта: вот мы и вернулись к тебе, Денис Сандалов. К тебе, твоему Большому Папе по кличке Зарубин и восточной красавице Айлун — только теперь вы остались вдвоем на арене, смерть девушки раз и навсегда, жестко и безжалостно расставила все по своим местам...

— Скажите, — спросил он, — а кто-нибудь из ваших воспитанников приезжает на занятия на фургоне с надписью «Сириус»? Точнее, *похожей* на «Сириус»?

Честно говоря, он никак не ожидал от собеседника внятного ответа, но ответ был именно таким:

— Вы не Олега ли с Виталием имеете в виду? Есть такие, правда, фургон не их, а фирмы, где они служат (иногда они берут его для личных целей — видимо, там на это смотрят сквозь пальцы). И называется эта фирма по-другому...

Тремя часами ранее.
Управление внутренних дел

— Стоп, — сказал Сергей Сергеевич, вглядываясь в монитор. — Отмотай чуть назад... Вон там, справа, что за монстры?

Силин послушно склонился над экраном.

— Промоутеры, похоже.

— Кто?

— Промоутеры. Ребята, которых какая-нибудь фирма нанимает в качестве ходячей рекламы — чтобы те одевались гамбургерами, шоколадками, сосисками и бродили по улицам. Неужто ни разу не видел?

— Видел, — с напряженной рассеянностью пробормотал Оленин. — И шоколадки, и сосиски, и сухие строительные смеси... Однажды даже ходячую бензопилу повстречал — жуть неимоверная... Что на них написано? Можно увеличить?

Бармалей чуть поколдовал с клавиатурой и мышкой.

— Увы. Тут качество — как в телевизоре марки «КВН», у моих деда с бабкой был такой лет сорок назад...

— Позвоню-ка я начальнику станции, — пробурчал под нос Силин. — Должен же он знать, кто на его территории что рекламирует...

Вызванивать железнодорожное начальство пришлось около получаса: того никак не удавалось застать на месте. Наконец повезло: абонентов соединили, Силин задал собеседнику короткий вопрос, выслушал ответ и положил трубку на рычаг. Повернулся к Оленину и осторожно спросил:

— Слушай, как ты это делаешь?

— Что?

— В прошлую пятницу фирменный магазин, торгующий товарами для животных, нанял несколько групп студентов для проведения промоакции. Двое из них в субботу и воскресенье работали как раз в районе вокзала.

— И как называется этот магазин?

— «Сайрус».

Вторник, улица 9 Января, 20.40

— Леха, — проговорил Андрей, выглядывая в окно. — Ты, кажется, искал синий фургон с надписью на дверце? По-моему, вон он, сюда подъезжает.

Темно-синий «вольвешник» с изображением облизывающегося котенка на дверце и аппетитно-закругленными буковками «Котик Сайрус обожает «Сайрус» осторожно втиснулся в узкий проулок, хлопнул дверцами, и двое молодых людей — один плотный, с хорошо очерченными мышцами, второй повыше и посубтильнее — вышли наружу и скрылись в подъезде, где размещалась «Игуана».

— А фамилия этого Олега… — ровным голосом проговорил «сыщик».

— Белых. Хороший спортсмен, пришел из айкидо. Ко мне часто приходят ребята из других клубов — я не препятствую. У человека должен быть выбор.

Стукнула входная дверь. Двое появились на пороге кабинета, тот, что поплотнее, приветственно махнул рукой.

— Здорово, Роман. Прости, что задержались, работа проклятущая.

— Привет, — отозвался тот (видимо, с частью учеников он поддерживал более неформальные отношения, нежели с остальными). И указал на Алексея сотоварищи: — А вами тут интересуются…

«Сыщик» и гость посмотрели друг на друга. Ситуация была — нейтральнее не придумаешь: трое всего-то пришли поглазеть на клуб загадочных ниндзя, о которых снимают столько познавательных передач и художественных фильмов, еще двое заскочили туда же потренироваться после утомительного рабочего дня (фургон с мультяшным котенком на дверце вообще можно вынести за скобки как несущественное)…

Однако — словно замкнулась некая электрическая цепь. Вошедшие отступили на шаг, потом синхронно, не сговариваясь, рванулись к выходу. Андрей, как оказалось, был проворнее: выскочив в коридор раньше всех, успел преградить путь вниз на лестничную площадку. Беглецы не стали вступать в бой: развернулись и бросились вдоль длиннющего коридора, куда выходили двери всех офисов. Коридор заканчивался окошком: «второй этаж, — мелькнуло в голове «сыщика», — они наверняка натренированы прыгать с большой высоты. А мне-то как быть?»

Наплевать, прорвемся.

— Давай вниз, — крикнул он Андрею. — На улице перехватишь… — сам метнулся в коридор вслед за беглецами.

Те достигли окна, по очереди вскочили на подоконник и ухнули наружу, но не прямо вниз, как ожидалось, а куда-то вбок. Алексей добежал до конца коридора несколькими секундами позже, высунулся и с облегчением понял, что прыгать не придется: справа, в метре от окна, висела на ржавых скобах пожарная лестница — по ней-то беглецы и спускались во двор, с фантастической быстротой перебирая перекладины.

Вот оба добрались до низа, спрыгнули… Алеша увидел, как наперерез им кинулся Андрей. И как они отшвырнули его прочь, словно тряпичную куклу. Андрей попытался тут же вскочить, но пошатнулся и опустился на бордюр, держась за затылок.

«Если с ним что-нибудь, — с заходящимся сердцем подумал «сыщик». — *Если с ним хоть что-нибудь серьезное…»*

Бежать назад в коридор он посчитал тратой времени, поэтому тоже вылез на подоконник, ухватился на пожарную лестницу и начал спуск — гораздо менее уверенно, чем те двое…

«Прорвемся», — повторил он сквозь зубы.

А в следующую секунду ему подумалось, что Бог все-таки есть на свете: в проулок, преграждая путь беглецам, въехал, сияя огнями на крыше, пятнистый

«уазик» ОМОНа. Остановился, выпустил из чрева несколько фигур в масках, бронежилетах и с короткими автоматами, следом степенно появился майор Оленин — с открытым лицом, но в такой же «укладке» и с пистолетом наизготовку.

Беглецы заметались в замкнутом пространстве, но тут же кинулись в приоткрытую дверь строения напротив — то ли пустого склада, то ли давно заброшенной конторы — и скрылись внутри, в темноте.

Алеша спрыгнул на землю и тут же был принят в жесткие лапы бойцов в камуфляже. Оленин махнул на них рукой: свои, мол, — и развернулся к журналисту.

— Куда они побежали?

— Туда, — заорал тот, указывая на подъезд.

— Ладно, с тобой после разберемся, — он подал знак двум омоновцам, те взяли дверь на прицел, сам же майор на секунду прижался к стене, подняв ствол на уровень глаз, и канул вслед за преступниками в темноту.

Секунды растянулись в бесконечность. Алеша подумал, что умрет от старости, вглядываясь в темный дверной зев. Или сойдет с ума, или заработает инфаркт — тем более что сердце как-то подозрительно сменило ритм с маршевого на мазурочный.

Инфаркт, однако, оказался отложенным до лучших (худших) времен: в подъезде напротив загорелся свет — неровный, мерцающий, будто питался не от общегородской сети, а от спрятанного в подвале древнего дизель-генератора. Вышел Оленин, пряча оружие в наплечную кобуру, прислонился к кирпичной стенке и закурил. Алеша несмело приблизился.

— Вовремя вы, однако. Как вы тут оказались?

— А ты? — был встречный вопрос.

— Так, — «сыщик» скромно потупился. — Кое-что вычислил, кое с чем сопоставил.

— Вот и я… — сказал майор. — Только я своего друга под удар не подставлял.

Алеша почувствовал, будто его макнули лицом в кипяток.

— Как он?

— Шишка на затылке. Приложился о бордюр, когда падал… — он вдруг больно ткнул собеседника пальцем в грудь. — Тебе кто разрешил лезть поперек батьки в пекло, журналист? А если бы *эти,* — он кивнул на вывеску «Игуаны», — оказались *теми самыми?*

— Так ведь не оказались же, — огорченно отозвался Алеша. — А что с Олегом Белых и вторым? Догнали?

— Догнали, — буркнул майор без всякой радости. Вынул из кармана телефон и набрал номер. — Алло, Бармалей? Где ты сейчас? Ах, уже дома, на диване перед телевизором… Сочувствую. Собирайся по-быстрому, работенка есть. Записывай адрес…

Тусклая лампочка под потолком была забрана проволочной сеткой. Майор стоял чуть сбоку от нее, на лестничном марше, наблюдая за фотографом и экс-

пертом: первый налаживал вспышку, второй раскладывал прямо на цементном полу чемоданчик со своими загадочными принадлежностями. Там, на полу, лежали два тела. Бармалей придирчиво ощупал шею одного и присвистнул:

— Эге, а почерк-то знакомый. Это не ты их, Сергеич?

— Я голыми руками не работаю, — хмуро отозвался тот. — Шмальнул бы из «макарова», и вся недолга... Как, говорите, его фамилия?

Вопрос адресовывался Роману Лапикову — тот стоял поодаль, встревоженный, но старающийся казаться спокойным. Его воспитанников уже допрашивали в помещении клуба, но, как подозревал Алеша, ничего существенного к делу они добавить не могли.

— Белых, — сказал Роман.

— Давно вы знакомы?

— Около полутора лет. Ничего плохого о нем сказать не могу, — он пожал плечами. — Не имею представления, чего вдруг они побежали.

— А второй?

— Виталий Григорьев, — тихо сказал Алеша.

— Ты что, его знаешь? — спросил Оленин.

— Да. Он с женой Мариной вел занятия по капоэйре.

Майор с недоумением покачал головой.

— Дела... Стало быть, двух спецов — одного по айкидо, другого по капоэйре — уложили на месте за несколько секунд. Впрочем, ситуация знакомая. И снова никаких следов?

— На этот раз есть следочек, — возразил Силин, спускаясь откуда-то сверху и отряхивая испачканные брюки. — На крыше отпечаток ноги, у самого края. Правда, сильно смазанный — видно, человек перепрыгнул с крыши напротив. Хорошо, что крыша ржавая, — Силин продемонстрировал маленький полиэтиленовый пакетик с темно-коричневой крошкой внутри. — Если такой же отыскать на чьей-нибудь подошве... К примеру, на вашей, — он в упор посмотрел на Романа. — Позвольте-ка вашу ножку, товарищ ниндзя.

Роман без малейшего усилия поднял колено и развернул ногу стопой наружу.

— Ага, — удовлетворенно сказал оперативник. — Что-то есть. Сергеич, глянь.

— Вижу, — коротко отозвался Оленин. — Гражданин Лапиков, вы задержаны... до выяснения всех обстоятельств. Одна убедительная просьба: я знаю, что вы владеете восточной борьбой, однако попрошу глупостей не совершать.

— Я и не собираюсь, — пожал тот плечами. — След на крыше не мой, вы это установите и меня отпустите. А ржавчина тут повсюду.

— Не думаю, что это он, — задумчиво произнес «сыщик», когда Роман в сопровождении двух омоновцев вышел из подъезда. — Слишком уверенно держится.

— Преступники держатся по-разному, — возразил Оленин. — Кто-то напускает на себя браваду, кто-то, наоборот, мандражит — это не показатель... Я забежал в подъезд секунд на пять позже тех двоих. И за эти пять секунд они

успели налететь на своих убийц. Или *убийцу.* Откуда тот мог прийти? Подъезд здесь только один. Значит, из дома напротив — точнее, с крыши.

— Тут вот еще что… — Алеша запнулся, подыскивая слова. — Очень уж резво они рванули в этот подъезд, в темноту. Или они там бывали не раз, или…

— Или их кто-то *позвал,* — кивнул майор. — Верно мыслишь, дружинник. Ну, что скажешь? — обратился он к Бармалею, который по-прежнему сидел на корточках возле обоих «терпил».

— Да тут все ясно, — флегматично отозвался тот. — У первого перелом левой ключицы — с тем расчетом, чтобы осколок повернулся вниз и проткнул сердце (без вскрытия, конечно, утверждать это на сто процентов сложно, но на девяносто пять — запросто). У второго… — спина эксперта вдруг напряглась. — Сергеич, он дышит. Ей-богу, дышит… «Скорую», быстро!!!

То ли в городе на этот час Президентским указом были отменены «пробки», то ли «скорая» случайно оказалась поблизости, но прибыла она не как обычно, на следующие сутки после вызова, а буквально через пятнадцать минут. Потерпевшего со всеми предосторожностями погрузили в кузов, еще пару минут одна из прибывших с «каретой» медсестер нарезала круги вокруг Андрея Калинкина, увещевая того лечь в больницу на обследование: «С головой не шутят, молодой человек, особенно в вашем возрасте. Вдруг у вас сотрясение или того хуже…» Тот сердито отбивался, встрепанный, точно петух, старающийся избежать ножа кухарки: «Да ладно вам… Да здоров я как бык! Яшка, ну хоть ты ей скажи!»

Яшу Савостикова «сыщик» незадолго перед этим обнаружил рядом с Андреем — те что-то тихонько обсуждали, сидя в оперативном «уазике». Увидев Алешу, Яша вскочил и возбужденно затараторил:

— Не, ну это вообще! Круче, чем в «Коммандос» на восьмом уровне! Вы все разбежались, меня не предупредив, я спускаюсь во двор — а на меня двое с автоматами: «Лежать, мордой в пол, руки на затылок!» Потом разобрались, поставили на ноги, даже извинились… Слушай, спроси у товарища майора, если я не нужен, то, может, домой пойду?

— До дома я тебя довезу, — непререкаемо сказал Оленин. — А ты, Андрей, не в службу, а в дружбу, забери нашего корреспондента. Пока он какой-нибудь новый подвиг не совершил…

— Леша, — вдруг тихонько сказал Яша, трогая «сыщика» за рукав. — Ты помнишь, как Роман поднимался с циновки?

Алексей пожал плечами.

— Обычно, как все.

— Не совсем… Я запомнил, потому что тот, из подворотни, с нашивкой, присел рядом со мной, спросил: живой, мол, не ранен? Тогда чеши отсюда…

— И что?

— *Он выпрямился очень похоже.* Будто у него вовсе не было суставов, одни мышцы.

Алеша отмахнулся.

— Все ты выдумываешь.

— Разве я когда-нибудь выдумывал? — справедливо укорил его Яша. И мстительно добавил: — Вот ты, к примеру, сначала на руки оперся, будто у тебя радикулит.

— Неохота домой, — признался Андрей, осторожно надевая на голову шлем. — Мамка расспросами замучает... Давай-ка я тебе «стойло» покажу, обещал ведь...

— Давай, — согласился Алеша, усаживаясь сзади на мотоцикл. — А ты как, ничего? До места доедешь?

— Ха, — коротко отозвался водитель и повернул ручку газа.

...«Стойло», обычный типовой гараж в ряду своих собратьев, располагался почти напротив дома, где обретались Калинкина-мама и Калинкин-сын. Дом был старенький, с каменным первым этажом и деревянным вторым. И улица была старенькая, поросшая широкими, в обхват, тополями, желтоватыми березами и громадными лопухами вдоль покосившегося штакетника. Называлась улица по-домашнему уютно: Уточкин Пруд.

Андрей слез с мотоцикла, повернул ключ в замке гаражной двери и попросил Алешу: «Поверни вон ту ручку, она защелку отпирает. А я «мустанга» заведу».

Алеша взялся за металлическую загогулину, потянул вниз...

— Не так, — поправил Андрей. — Ее снизу вверх надо. Я случайно замок перевернул, когда ставил... — и, впустив посетителя, тут же закрыл дверь за собой: — Тут мошкара тучами летает: пруд рядом. Я ее терпеть не могу.

Внутри тоже было уютно: не гараж, а целая небольшая квартира или, скорее, берлога, а может, пещера, куда так здорово иногда сбегать от жизни.

Центральное место здесь занимал, конечно же, мотоцикл. И целый арсенал всевозможных аксессуаров и запчастей к нему — от новенькой шипованной резины нескольких видов и приводных цепей до гаек, гаечек, гаечных ключей и небольшого станочка для работы по металлу. Не говоря уже о емкостях под бензин, масло, «отработку» и специальные жидкости, о назначении которых Алеша и понятия не имел. Чувствовалось, что Андрей искренне любит свое железное чудище и заботится о нем. И чудище, точно живое существо, отвечает ему тем же: «сыщик» не удивился бы, если бы «мустанг» встречал своего хозяина тихим приветливым ржанием.

В углу примостилось накрытое пледом кресло-качалка («мамка хотела выбросить, а я сюда приспособил»), аккуратно застеленный диван у стены, старенький холодильник и маленький телевизор, работающий, как было известно Алеше, от автомобильного аккумулятора.

Андрей вытащил из холодильника две банки пива, одну «обезглавил» сам, другую протянул гостю.

— Ну что, с боевым крещением?

— Типун тебе, — искренне отозвался «сыщик». — А классно у тебя все устроено. Тут, наверно, все твои приятели перебывали как на экскурсии?

— Да нет, — возразил Андрей. — Ты первый. Точнее, третий: я сюда позавчера Свету с Яшкой приводил.

Он кивнул гостю на диван, сам уселся в кресло и покачался немного — лицо у него было задумчивое, будто он решался и никак не мог решиться на какой-то важный разговор.

— Странное чувство, — наконец проговорил он.

— Ты по поводу этих убийств? — уточнил Алеша.

— И по этому тоже. Но дело в другом. Вот представь: у тебя есть друг. А у него есть девушка, которая... словом, очень тебе нравится. И, по-моему, ты тоже нравишься ей. Как быть? Если встречаться с этой девушкой — предашь друга. Молча уйдешь — предашь себя.

Он замолчал. Молчал и Алеша — просто не зная, что сказать. Попробовал мысленно поставить их рядом — Яшу и Андрея. Очкастого «ботаника», привычного, как купленный в детстве плюшевый медвежонок, — и простого надежного парня с выцветшей за лето челкой и дерзкими васильковыми глазами. Парня, влюбленного в свой мотоцикл и, с недавних пор, в девушку с точеной фигуркой гимнастки и званием мастера спорта по борьбе.

Поставить рядом — может, это и означает *предать?*

— Боюсь, здесь я тебе не советчик, — искренне сказал Алеша.

— Я совета и не прошу, — отмахнулся Андрей. — Просто размышляю... Что ты думаешь о Романе? — вдруг сменил он тему.

— Не знаю, — честно отозвался «сыщик». — Но мне почему-то не хочется, чтобы след на крыше оказался его.

— Да не было никого на крыше, — с некоторой досадой сказал Андрей. — Там высота всего-то два этажа — думаешь, с земли никто не заметил бы?

— Могли и не заметить. Все сосредоточились на двери, понимаешь? Ну, куда дернули эти двое. Наверх никто не смотрел.

— Я смотрел, — возразил Андрей.

— Гм... На звезды, что ли?

Он усмехнулся.

— Звезды у меня в глазах прыгали, когда я затылком об асфальт приложился. Но я ведь не ослеп и сознание не потерял. Говорю тебе: *никто с крыши на крышу не прыгал.*

— А след?

— А след там, может, с прошлого месяца. Какой-нибудь кровельщик крышу чинил... — Андрей молча покачался в своем кресле. — Слушай, ответь честно... Для тебя и вправду важно разобраться во всем этом? Вывести на чистую воду, надеть наручники, ощутить торжество справедливости?

— Здрасьте, — искренне растерялся «сыщик». — А тебе? Тебе разве не хочется узнать, кто убил Белых и Григорьева? Бесшумно, за несколько секунд, голыми руками...

— Зачем?

— Да хотя бы затем, чтобы спасибо сказать: все-таки нашелся тот (или те), кто отомстил за твою шишку на затылке…

«И еще — за одну очень красивую девушку, которую повезли на родину в закрытом гробу... Вот любопытно, этого чертова капоэйриста Виталика они ***недоработали*** *случайно или намеренно? Ох, хотелось бы мне спросить об этом — коли представится возможность…»*

— Ох, — вдруг спохватился он, бросив взгляд на часы. — Побежал, пора мне. Да и тебе, наверно, тоже: мама будет волноваться.

— Мама? — рассеянно переспросил Андрей, не вылезая из качалки. — Мама сейчас доклад потребует: что, где, когда… А мне бы одному побыть, подумать… Я ей позвоню, скажу, что останусь здесь ночевать.

— А… разве можно?

— А что? Восемнадцать мне уже исполнилось, могу ночевать где хочу.

— Везет, — искренне позавидовал «сыщик». — А я всегда и везде ко времени: и домой, и на обед, и даже в постель… В постель — особенно.

— Почему? — не понял собеседник.

Алеша хохотнул.

— Женишься — узнаешь. Ты меня не провожай, сам доберусь… Да, хотел спросить: как здоровье сестры?

— Какой сестры?

— Твоей. Ты говорил, у нее астма, ей нужен какой-то препарат со сложным названием…

— А, — Андрей наконец выбрался из кресла и обошел вокруг «мустанга» — просто так, без всякой цели. — Забудь.

— Почему?

— Просто забудь и все, о'кей?

— О'кей, — отозвался «сыщик», не подозревая, что совершает одну из самых больших ошибок в своей жизни.

Допрос (Виталий Григорьев).
Отделение травматологии 5-й городской больницы, среда, 10 утра

«— Как вы себя чувствуете, гражданин Григорьев?

— Издеваетесь? Два ребра сломано, левая рука не двигается… Почему у меня рука не двигается? Я парализован?

— Вас ударили в специальную точку в подмышечной впадине, что вызвало временный паралич мышц. Через несколько дней двигательные функции восстановятся. Ваше счастье, что удар был не слишком сильный. Так вы в состоянии отвечать на вопросы?

— Только при одном условии: поставьте охрану у палаты. Иначе *они* до меня доберутся…

— Кто?

— А то не знаете. Псы *того*, чью «хату» мы с Олегом бомбанули неделю назад.

— Давайте-ка все по порядку. Кому из вас первому пришла в голову такая идея?

— Олегу. Он ведь *сидел...* Залетел по глупости: бросился защищать какую-то бабу от мужика, а мужик оказался законным мужем... Вышел через полтора года — денег нет, на работу не берут... Потом повезло: устроился водителем на доставку, в зоомагазин. Вот мы с ним и доставляли: элитный корм, разные домики, клетки, вольеры, аквариумы... Все недешевое, от лучших западных фирм — в общем, не для бедных клиентов.

— Иначе говоря, таким образом вы вычисляли богатые квартиры...

— Ну. Заходили, отдавали заказ, просили расписаться в квитанции, потом пара комплиментов хозяйке или ее доберману, ее древесному питону, ее мадагаскарскому таракану — эти чокнутые «новорусы» кого только не заводят... Олег в это время в прихожей делал слепок ключей.

— В воскресенье, 11 июня, в 21.30 ваш фургон видели на улице Афанасия Никитина, возле табачного киоска. Что вы там делали?

— Так в этом-то все и дело. Мы там присмотрели одну квартиру... Хозяйка лет тридцати, холеная, с попугаем, двумя черепахами и ручной игуаной. Я спросил, когда она собирается делать очередной заказ (зверушек-то кормить надо), — это чтобы выяснить, когда она дома, когда нет...

— Дальше.

— Дальше все по накатанной. Подъехали, тачку оставили возле киоска, вошли в квартиру, собрали, что поценнее. Олег плазменную панель прихватил — новенькую, в упаковке. А на выходе с хозяйкой чуть не столкнулись. Она нас не видела: Олег за дверью спрятался, я в комнате. Он ее сзади по затылку и саданул.

— Удобно валить все на мертвого напарника, да? Хозяйка, кстати, осталась жива.

— Да уж... Мы-то думали, она... ну, начальник отдела в банке или директриса небольшой фирмочки, а оказалось — подруга одного криминального авторитета...

— ...Величко Константина Васильевича, широко известного как Костя Зубило. Поздравляю. Вляпались вы качественно.

— Да откуда ж мы знали?! Олег, гад, уверял, что наводка чистая... Мы всю неделю тряслись: думали, найдет — живыми в землю зароет. Собирались рвать из города... Однако неделя проходит — тишина. То ли у авторитета времени на нас нет, то ли лялька не слишком дорога... И вдруг — как гром среди ясного неба: звонит Ромка...

— Роман Лапиков?

— Ну да. И рассказывает, будто анекдот: мол, вашей тачкой интересуются, только название фирмы малость перепутали. Кто интересуется? Не знаю, спросите у Вадика, который татуировки делает. Мы — к Вадику. Так, по цепочке, вышли на вашего журналиста и его девку.

— Айлун Магометжанову?

— Не знаю, я с ней не знакомился.

— Само собой: чтобы столкнуть девушку под поезд, знакомиться вовсе не обязательно…

— Вы что?! Это… Это не я, клянусь!!! Это все он, Олег, он засек ее в зеркальце заднего вида, когда она выглянула из-за киоска. Он сразу тогда сказал: девку придется мочить. И журналюгу этого… А я к девчонке и близко не подходил: там по перрону двое студентов разгуливали, которых наш магазин нанял промоутерами. Неужели я бы у них на глазах…

— Разберемся. Теперь расскажите, что произошло во вторник в клубе «Игуана». Кто на вас напал?

— Понятия не имею. Мы только зашли к Роману (его не трогайте, он тут вообще не при делах), видим — у него в кабинете журналист… Ну, тот самый, *из ваших.* Вот нервы и не выдержали. Вылетаем во двор — там ОМОН с автоматами. Думаем: кранты, сейчас повяжут… А тут дверь в доме напротив будто приоткрывается. И зовет кто-то…

— Как зовет? Голосом?

— Нет. Вроде рукой машет. Ну, рассуждать некогда было, мы — туда. Вдруг свет, прямо в глаза. Удар. И снова тьма…

— Сколько их было? Один, несколько? Во что одеты? Хоть что-то запомнили?

— Нет. Только я вот что скажу: Олег был довольно крутым бойцом. Владел несколькими стилями ушу, айкидо изучал… Вряд ли его кто-то смог бы так уделать в одиночку… Неужели тот *авторитет* нас выследил и своих псов натравил? Тогда он до меня и здесь доберется… Прошу вас, поставьте охрану у палаты! Я же свидетель, вы обязаны…

— Непременно. Сам сяду возле вашей кровати и буду судно выносить…»

Показания (Роман Лапиков).
Управление внутренних дел, среда, 12.00

«— След на крыше действительно не ваш. Пыль и ржавчина другие, и размер подошвы не соответствует… Словом, считайте, что у закона к вам претензий нет.

— Ясно. У закона нет, а у вас лично, судя по интонации, есть, верно?

— Честно? Меня раздражает ваше олимпийское спокойствие. Я бы даже сказал, высокомерие. Вы вполне могли бы помочь в розыске убийц, но делать этого не желаете.

— Бог с вами, чем же я могу помочь?

— Ну, хотя бы выскажите свое экспертное мнение. Имеются четыре жертвы нападения: три трупа и один выживший. Повреждения у всех примерно одинаковы. Соответствуют они технике ниндзюцу?

— Гм… Видите ли, ниндзя почти не изобретали своих приемов, они лишь отбирали нужные им из других школ. Тактика — неожиданное нападение из засады, молниеносный удар, исчезновение — да, вполне соответствует. Но вот идеология…

— А что идеология?

— Ниндзя не стал бы защищать кого-то или на кого-то нападать без приказа. Или если бы ему самому или членам его клана не угрожала опасность. Я уже говорил об этом вашему коллеге Алексею…

— Мы не коллеги. Он журналист из газеты.

— Неважно. Если убийство совершил ниндзя, то у него должен быть заказчик. И единственная мысль, которая напрашивается… Всех четверых объединяет то, что они не были новичками в единоборствах. Всех уложили голыми руками в течение нескольких секунд… Может, убийца (или убийцы) демонстрируют кому-то свой боевой потенциал?

— Любопытно. То есть не выполняют чей-то заказ, а пока еще *ищут заказчика?*

— Не знаю… На самом деле я думаю о другом.

— Поделитесь.

— Понимаете, идеологию ниндзя, его философию, саму основу его жизни составляет искусство обмана. Притворство, лицедейство, актерская игра… Актерами они действительно были непревзойденными, а в рукопашной схватке с самураями, как правило, терпели поражение.

Снова пауза.

— Однажды я увидел у себя в кабинете муху. Она пыталась вылететь наружу и каждый раз билась об оконное стекло. Я открыл рядом форточку — так муха в ту сторону даже не взглянула: продолжала стучаться башкой, пока не умерла прямо там, на подоконнике. Так поступают девять мух из десяти — это не мои слова, какой-то крутой институт в Штатах проводил исследования (делать им нечего, буржуям зажравшимся). Я подумал: а что, если вам тоже показывают то, что *хотят, чтобы вы увидели?* Некую иллюзию, фокус, заставляют биться об окошко…

— Красиво. А поконкретнее?

— Поконкретнее… Я же не волшебник. Я преподаю восточную борьбу, философию, чайную церемонию, даже икебану (в ней тоже скрыт свой глубокий смысл). Но вытащить вам убийцу из рукава — нет, это я не умею.

— Жаль. Тогда хотя бы подскажите, где находится та самая открытая форточка.

Роман явственно усмехнулся.

— Форточка? Как ей и положено: где-то рядом…»

Четверг, улица Уточкин Пруд, 9.30 утра

Напротив Андреева гаража торчал из земли широченный березовый пень. Срез его, словно египетскими (или шумерскими, или древнерусскими) письменами, был испещрен круглыми следами от бутылок, пивных банок и граненых стаканов. Должно быть, именно тут пировал Калинкин-старший, когда позволяли погодные условия. А может, и дед — если жил в этом городе и на этой улице.

Алеша сидел на пне, обхватив голову руками, и старался не оглядываться — там, за его спиной, слаженно, буднично и бестолково (так казалось) работала опергруппа.

Андрея обнаружила его мама Софья Петровна, когда вышла на балкон помахать сыну рукой (тот собирался в институт на какую-то там отработку по озеленению). Андрей все никак не выводил своего «мустанга» из «стойла», мама встревожилась, спустилась вниз и заглянула в приоткрытую дверь гаража. Андрей никогда не оставлял дверь открытой: мошкара налетит, пруд рядом, сыро…

Он сидел на корточках, привалившись к заднему колесу мотоцикла и сжимая в руке гаечный ключ, — видимо, собирался подтянуть крепление. На шее в вырезе рубашки виднелся багровый кровоподтек: убийца единственным точным ударом сломал ему шейные позвонки.

— Чем его? — спросил Оленин эксперта.

— Палкой или обрезком трубы, — отозвался тот. — А возможно, просто ребром ладони. После вскрытия скажу точнее.

— Что с отпечатками пальцев?

— Чисто и внутри, и снаружи. Кстати, не обязательно их стер преступник. Вон в углу ведро с тряпкой, моющие средства, швабра… Парень тут поддерживал чистоту, как на флагманском корабле. Не то что мой оболтус…

Оленин вышел из «стойла», подошел сзади к Алексею, хотел положить ему руку на плечо, но не решился. Просто встал рядом, и даже когда кто-то из группы окликнул его по какой-то надобности, только отмахнулся.

— Почему они так? — тихо и отчаянно спросил Алеша, ни к кому не обращаясь.

— А? — не понял майор.

— Почему мертвые всегда говорят с нами загадками? Почему нельзя сказать ничего прямо, черт возьми?!

Незадолго до этого «сыщик» неловко топтался в дверях гаража — тело Андрея унесли, лишь его мотоцикл одиноко стоял посередине помещения, печально опустив рогатую башку, лишившись в единый момент хозяина и единственного друга: вряд ли когда-нибудь он подпустит к себе нового… На краешке дивана сидела Софья Петровна — худощавая, небольшого росточка, в тапочках на босу ногу и простом ситцевом халатике. С ней беседовал Силин, негромко и осторожно подбирая слова. «В котором часу Андрей вышел из дома?» — «В начале восьмого, в восемь они собирались группой возле корпуса педагогики, он проглотил яичницу с колбасой, выпил чаю, и вниз. Мне, мол, еще надо своего «мустанга» подлечить — это он свой мотоцикл так называет, «мустангом»…» — «Вы видели, как он открывал гараж?» — «Видела. Потом отвлеклась, пошла посуду помыть, а сама думаю: мотор-то не тарахтит, а уже начало девятого… Вышла на балкон, гляжу — дверь гаража приоткрыта (с балкона ее хорошо видать). Спустилась, постучала: Андрюша, говорю, ты не опоздаешь? Торопился ведь, даже чай не допил…»

— Можно? — спросил Алеша у Силина.

Тот кивнул.

— Софья Петровна, — проговорил «сыщик», — скажите, ваша дочь, сестра Андрея, пользуется ингалятором от астмы?

— У меня никогда не было дочери, — услышал он после паузы.

— Но Андрей упоминал о сестре… Может быть, о двоюродной?

— У него не было сестры, — с нажимом повторила Софья Петровна, комкая в руках носовой платочек. — Ни двоюродной, никакой. Когда муж умер, мы остались с Андрюшей вдвоем. Теперь я одна. Совсем одна… А вы кто? — вдруг спросила она у «сыщика».

— Алексей. Алеша Сурков, мы с Андреем были друзьями…

— Да, он рассказывал. Вы корреспондент, Андрюша вел вместе с вами какое-то расследование… — она вдруг в упор посмотрела на собеседника, и в глазах ее, до этого тусклых и безжизненных, неожиданно полыхнул огонь. — Во что ты его втянул?

— А? — Алексей невольно попятился.

— Во что ты втравил моего мальчика, недоумок?! Почему он умер, а ты живой?!

— Простите, — беспомощно пробормотал «сыщик», спиной вперед выкатываясь из гаража. — Простите, простите, простите…

Он едва не зацепился ногой за порожек. Вывалился на улицу, ощупью добрался до пня и сел на него, обхватив голову руками. И не сразу услышал, как сзади подошел Оленин.

— У него не было сестры, — глухо произнес Алеша. — Она никогда не болела астмой. И никогда не пользовалась небулайзером. Зачем Андрей выдумал все это? Зачем он подбросил мне эту головоломку?!

— Видимо, мертвые иначе не могут, — тихо отозвался майор. — Они обретаются в своем мире и с нашим могут общаться только так — посредством загадок, как в роуминге. А разгадывать их — это уже наша святая обязанность. Ты говори, не молчи, — попросил он. — Так легче. Иначе сердце можно надорвать.

— Ну да, — хмыкнул «сыщик». — Иногда я что-нибудь ляпну — хоть плачь, хоть смейся, но это наталкивает вас на верную мысль… Вы это имели в виду?

Сергей Сергеевич вынул сигарету из пачки, чиркнул зажигалкой и присел рядом на пень, попросив Алешу: «Подвинься-ка чуток».

— Знаешь, я в розыске без малого двадцать пять лет. И успел понять одну вещь: розыск, Леш, это сложный, мощный, идеально отлаженный и смазанный механизм. Он способен перемолоть любые доморощенные хитрости хоть бандита-рецидивиста, хоть начинающего домушника — именно потому, что они *доморощенные.* У этого механизма только один недостаток: чтобы начать работать, ему надо за что-то зацепиться. За трещину на асфальте, выбоину в стене, сломанную веточку на дереве… — он вздохнул. — Думаешь, зачем я таскаю тебя за собой? Позволяю бывать на местах происшествий, совать нос в протоколы осмотров, акты экспертизы и прочую мутотень, хотя регулярно получаю за это выволочки от начальства?

У тебя есть талант. Божья искра, которая позволяет тебе как-то находить эти трещины, выбоины, сломанные веточки… Понимаешь меня?

Алеша подавленно молчал. Божьей искрой он себя не чувствовал — ему хотелось провалиться поглубже сквозь землю, превратиться в дерево (как вариант — в пень, на котором они сидели с майором), утонуть в уточкином пруду

— «может, его в наручники, в наш подвал, и допросить как следует? Да ну. Лучше отведи к пакгаузам и расстреляй к шутовой матери...»

— Иди-ка домой. Здесь ты ничем не поможешь. Твоей Ангелине Ивановне я позвоню, объясню... А ты думай. Недаром Андрей именно *тебе* оставил послание (кстати, почему он на самом деле не сказал ничего открытым текстом?) — значит, верил, что ты сумеешь его понять. Я не имею права тебе приказывать, но это приказ. Давай, — он легонько подтолкнул журналиста в спину.

В ближайшей «стекляшке» Алеша затарился «полбуханкой» черного хлеба, бутылкой водки и газетой «Московский комсомолец». Доехал на автобусе до какого-то сквера, отыскал там свободную скамейку и расположился на ней, наплевав на полицейский патруль, фланирующий по сопредельной аллее. Свинтил крышку у бутылки, хлебнул прямо из горлышка, точно заправский алкаш (хотя последний раз притрагивался к спиртному аж на Восьмое марта), зажевал куском хлеба... В большинстве художественных произведений, которые он и раньше, и теперь читал запоем, после подобной сцены обычно значилась ремарка: «блаженное тепло разлилось по телу...». Он прислушался к себе: ничего даже отдаленно напоминающего. Сердце билось ровно, глаза были сухие, как у Андреевой мамы во время разговора с Силиным, голова пустая, точно заколоченная на зиму дача...

Когда сидеть стало невмоготу, он встал, побрел в никуда, снова вышел к какому-то автобусу, снова ехал, снова шел... Пару раз он слышал рядом мотоциклетное тарахтение — и заполошно озирался, охваченный идиотской мыслью, что вот сейчас подкатит живой и здоровый Андрей (предыдущие события привиделись из-за чересчур плотного ужина) и хлопнет по заднице своего «коня»: садись, мол, подвезу, шлем не забудь надеть... Однако в первый раз это оказался черный, как смоль, «Харлей», которого никак нельзя было назвать «мустангом» — скорее уж, «птеродактилем», а во второй — газонокосилка.

Управлял газонокосилкой тощий и загорелый до черноты работяга в оранжевой жилетке на голое тело и, несмотря на жаркую погоду, кирзовых сапогах. При виде Алексея он выключил аппарат, потоптался в нерешительности, потом подошел к скамейке, где тот расположился, и интеллигентно полюбопытствовал:

— Что празднуем?

«Сыщик» поднял на собеседника пустые глаза. Тот, видимо, что-то прочел в них, потому что присел рядом и утвердительно сказал:

— Нет, не празднуем. Горе какое-то, да? Девушка бросила или умер кто?

— Друг, — сухо ответил Алеша.

— Поминаешь, значит, — работяга покряхтел. — Негоже в одиночку поминать-то. Может, нальешь?

— Тары нет.

— Это не проблема, — он споро достал из кармана два сравнительно чистых пластиковых стаканчика. — Меня Михеичем кличут.

— Алексей.

— Леха, стало быть… А друга как звали?

— Андреем.

Михеич вздохнул.

— Ну что ж. За упокой души раба Божьего Андрея. Пусть земля ему пухом… Отчего помер-то?

Вот тут Алеша и почувствовал то самое «блаженное тепло». Язык вдруг развязался сам собой, и через минуту «сыщик» уже выкладывал новому знакомому всю историю от начала (двух трупов в подворотне на Ново-Араратской) до конца — сегодняшней страшной и нелепой смерти в гараже, на маленькой тенистой улочке Уточкин Пруд («Бывал я на том пруду. Караси там — во, с ладонь…» — «Так, может, вы и с Калинкиными были знакомы — у них квартира в старом доме, на втором этаже…» — «Увы, не имел чести»).

— Дела, — Михеич подобрал последнюю хлебную краюшку, понюхал и положил обратно на газету. — А твой майор и вправду в тебя верит. Ты уж того… не подведи.

— «Не подведи», — горько хмыкнул Алеша. — Я всю голову сломал. При чем тут небулайзер? Почему я должен был запомнить это название с первого раза?

— Ничего не должен, — возразил Михеич. — Твой друг ясно сказал: «*Кто-то запоминает…*» Так, может, тебе и нужно найти того, кто это запомнил с первого раза? Аптекарь там или фармацевт — *лепила* какой-нибудь…

— Знакомый «лепила» у меня только один, — вздохнул Алеша. — Моя жена… О, черт, это что, темно уже? Который час?

— Да уж одиннадцатый доходит.

— Ух, задаст она мне…

— Не задаст, — успокоил его Михеич. — Коли баба умная, поймет… Э, да тебя, кажись, штормит, — заметил он, когда «сыщик» попробовал встать со скамейки, покачнулся и снова сел. — Погоди-ка.

Он выудил из кармана мобильник.

— Колян? Михеич на проводе. Слушай партийное задание: подберешь мою газонокосилку и снесешь в контору. Я не могу: тут моему другу помощь требуется, надо до дома сопроводить…

— Да я сам справлюсь, — слабо запротестовал «сыщик».

Работяга оглядел его с видом эксперта и вынес вердикт:

— Не. Самому не получится.

…По дороге Алеша, видимо, отключился — чтобы «включиться» уже на смутно знакомой лестничной клетке, перед смутно знакомой дверью.

— Михеич, а ты адрес-то как узнал? — спросил он.

— Так ты сам его повторял раз десять, — пожал тот плечами. — Ладно, пойду. Теперь уж не пропадешь.

…Целую вечность «сыщик» возился с ключами. Потом еще столько же, стоя в полутемной прихожей, освобождался от ботинок — зажигать свет он почему-то постеснялся. Потом, когда поднял голову, то вдруг увидел, что свет сочится из-за стеклянной двери на кухню. И двинулся туда, стараясь не задевать стены.

Наташа сидела за пустым столом — очень прямо, молча, сложив неживые руки на коленях. «Сыщик» неловко подошел, ожидая взрыва, и пробормотал:

— Милая, я... Тут такое дело...

— Он умер, — вдруг тихо и ровно произнесла она.

— Умер, — подтвердил Алеша. — Тебе майор позвонил, да?

— Нет. Я только что из клиники.

— Понятно, — он наморщил лоб (ничего не понятно: если она только из клиники, то откуда может знать про Андрея? Или...). — А кто умер?

— Мой пациент. Меня к нему вызывали — помнишь, я тебе оставляла записку на столе...

— Да, точно. Ксюха еще сказала, какой-то старикан...

— Почему старикан? — тихо возразила Наташа. — Двадцать восемь лет, почти твой ровесник, — она помолчала. — Мы ничего не могли сделать. Четыре проникающих ранения, большая кровопотеря, задеты жизненно важные органы... Говорят, задерживал какого-то бандита, а тот его ножом...

Алеша откашлялся.

— А фамилия пациента, случайно, не Карагач?

— Карагач, — подтвердила она без удивления. — Эдик... У медсестер выпросил бумагу и ручку, стихи им писал. Одно мне обещал посвятить. Не успел...

Алеша опустился на пол. Положил голову жене на колени и замер. Стукнула дверь на кухню, влетела Ксюха, мгновенно оценила обстановку и втянулась назад, в коридор. Как за ней закрылась дверь, «сыщик» не слышал: уснул.

Пятница, редакция еженедельника «Доброе утро!»

Сегодня Алеша решил прийти в редакцию пораньше, вспомнив, что не показывал носа на рабочем месте уже несколько дней: этак и индивидуальный кабинет (проще говоря, стеклянную перегородку) отберут, и колонку в газете, и табличку

Алексей Сурков, спец. корр.,
ведущий отдела «КРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА».

Табличку было бы особенно жалко.

Будто в подтверждение его мыслям, навстречу, как чертик из коробочки, выскочила Ева Ижинская, постукивая то ли суставами, то ли деревянными индийскими браслетами на узких птичьих запястьях.

— Ой, Лешик, как хорошо, что ты пришел, — зачастила она, — главная вчера рвала и метала: мол, если Их криминальное величество не объявится и не представит материал, то пусть ему зарплату платит МВД. Потом, правда, позвонил твой майор, объяснил, что к чему... Вот ужас-то! А что у тебя с лицом?

— А что не так с лицом?

— Ну, помятое какое-то...

— Не выдумывай (утром он и вправду поднялся с трудом… да и вообще имел шанс не подняться, кабы не Наташины реанимационные процедуры: контрастный душ, кефир, два глотка — не больше! — холодного пива).

— А тебя дожидаются, — сказала Евушка с загадочным видом.

— Кто?

— Посетитель. Он не представился, но по виду — чистый Ален Делон, правда, слегка потасканный… Я его отвела за твой стол и кофе налила.

Алеша прошел за свою перегородку, где помещался письменный стол с компьютером и вышеупомянутой табличкой, электрический чайник и незапертый сейф с рабочими документами. «Не стырил бы чего», — с неудовольствием подумал «спец. корр.», подошел вплотную и посмотрел на гостя сверху вниз.

Перед ним, сгорбившись и глядя в пол, сидел Денис Сандалов.

— Чем обязан? — спросил «сыщик» без капли радости.

— Я узнал про Андрея, — глухо сказал собеседник, не меняя позы.

— Вот только не надо заливать, будто ты скорбишь о своем ученике, — поморщившись, сказал Алеша. — Ей-богу, морду набью прямо здесь.

Денис никак не отреагировал на оскорбление.

— Помнишь, я рассказывал тебе про двух мастеров борьбы?

— Помню. Интересная сказочка. Продолжение сочинил?

Он покачал головой.

— Это не сказочка. Только мастера были другие, и жили они чуть позже — в середине восьмидесятых. И было их поначалу не двое, а трое.

Алеша покопался в столе, выудил дешевенький цифровой диктофон и демонстративно положил перед посетителем.

— Надеюсь, возражений не последует?

Тот пожал плечами.

— В общем, как я и говорил, в единоборства они пришли разными путями. Тогда настоящие — не липовые — специалисты на всю страну были наперечет. Не каждый город их имел, а у нас сразу трое — такая удача…

В восемьдесят втором они организовали спортивную школу. Народ валом валил: еще бы, попасть туда было… ну, все равно что в привилегированный английский клуб, даже еще круче. А в мае восемьдесят четвертого вышел закон о запрете карате в СССР. Школу закрыли, приехал КГБ, как говорится, *строго предупредил…* Сначала действительно все утихло: ученики разбежались — кто ушел в другие виды, кто вообще оставил спорт… А еще через какое-то время на старом месте возник новый клуб — только уже несколько другого направления…

— И что же это был за клуб? — спросил Алеша, уже предполагая ответ.

— «Клетка», — ответил Денис. — Подпольные бои без правил. Специально «подогретая» публика, тотализатор с крупными ставками, бойцы перед боем подписывали контракты, что в случае увечий не будут иметь претензий к руководству… Ну, и так далее.

— А во главе предприятия была все та же троица, — утвердительно сказал «сыщик». — Одного из них звали Зарубин Юрий Георгиевич. А кто были двое остальных?

Пятница, около полудня.
Улица Ново-Араратская, бар «Три богатыря»

«Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить...» — голос талантливо раскрученной девочки Пелагеи в сочетании с густым сигаретным дымом, вкусным щелканьем друг о дружку бильярдных шаров, искусственно состаренные деревянные скамьи и толстые румяные девахи-официантки в кокошниках... Алеша усмехнулся: такое впечатление, что и не уходил отсюда с прошлого раза. Полка со всевозможным спиртным и сам воевода-бармен — в «православной» бороде, стильной рубахе, подпоясанной крученой веревкой, и кожаным ремешком на лбу...

Как ни странно, бармен тоже моментально вспомнил Алешу и дружелюбно пробасил:

— Здоров. Выпьешь что-нибудь?

— Пива, пожалуй, — сказал Алеша, усаживаясь на высокий табурет. — И соленых орешков.

— А чего покрепче? Есть фирменный коктейль «Илья Муромец сражается со Змеем». Народ хвалит.

— А змеиная кровь туда входит? — в тон ему поинтересовался журналист. — Или это в зависимости от того, кто победит? Вообще-то я на службе...

— Служба — дело серьезное, — кивнул бармен. — Меня *ваши* уже допрашивали несколько раз, я даже на подозрении побывал — из-за фингала под глазом, помнишь? Я-то не виноват: просто накануне ввалилась толпа пьяных ронинов[4], стала к посетителям приставать. Пришлось объяснять, где тут расположен выход.

— Понятно. Меня, собственно, интересует один посетитель. Лет за пятьдесят, рабочего вида, худощавый...

— С клюкой?

— С какой клюкой?

— Ну, с палкой, он припадал на правую ногу. Сидел вон там, за перегородкой, «Три топора» тянул, то бишь портвейн «777».

— Постой. Когда это было?

— Да как раз в тот вечер, когда двоих ребят в подворотне мочканули. Они тут сперва к каким-то соплюшкам клеились, типа учили их в дартс играть. Потом выкатились вчетвером, а следом, минут через пять, — тот хромой дедок.

— Вспомни, это очень важно: он ни с кем не общался по телефону? Может, он вышел после чьего-то звонка?

— Ну, знаешь, — протянул бармен. — Я ведь за посетителями — если они спокойные — особо не слежу. Если буйствовать начнут, тогда другое дело: я ж тут и за

[4] Самураи, оставшиеся без господина. В обиходе – разбойники.

бармена, и за вышибалу, и за подсобного, мать его, рабочего… Он вроде бы перекинулся парой слов с парнем, который на бильярде шары гонял, но не поручусь…

— А как выглядел тот парень? Я понимаю, что тот тоже не буйствовал, посуду не бил и официанткам твоим подол не задирал, но все же…

Бармен наморщил лоб.

— Да обыкновенно выглядел. Худощавый, невысокий, в черных джинсах и темной рубашке — кажется, вельветовой, а может, джинсовой… Я еще подумал, что это наверняка спецодежда какой-то конторы или магазина.

— Почему?

— А у него на рукаве эмблема была. Белого цвета, нечто вроде вытянутого креста, только без нижней перекладины.

— Алло, Митя?

— Кого еще черт в такую рань… Это ты, что ли, акула пера?

— Какая же рань, почти два часа дня…

— Да вчера на всю ночь завис с парочкой телок, понимаешь, в одном гадюшнике…

— С парочкой телок? А Василиса не ревнует?

Митя фыркнул на том конце.

— Как можно ревновать Феллини? Или Жана Виго, или, не дай бог, Бондарчука-старшего? Это люди-солнца, они обязаны светить всем, невзирая на семейное и иное положение…

— А ты, стало быть, причисляешь себя к их компании? Что ж, тогда понятно, тогда умолкаю… Слушай, помнишь, ты приглашал меня на съемки рекламного ролика «Кальций-супералмаз»?

— Помню, а как же, — Митя подпустил в голос нотку скромности. — Вроде ничего получилось, а?

— Гениально, — горячо заверил его «сыщик». — Мои друзья все как один записали его на видео и просят, чтобы я посодействовал им получить твой автограф… У меня к тебе серьезный вопрос. У тебя на площадке крутился один тип, вроде разнорабочий, ты его еще звал Фаттеичем.

— Эк ты хватил. У меня на площадке, знаешь, сколько народу крутилось?!

— Митя, — строго сказал «сыщик», — не преувеличивай.

— Ну ладно, ладно, помню я твоего Фаттеича. А на кой он тебе? Лужайку перед имением собрался подровнять?

— Вертолетную площадку. Давай адрес и телефон. Зовут его, как я догадываюсь, Вячеславом, а вот фамилия…

— Топорков, — подсказал Митя. — Живет на Революционера Бабушкина, там же и дворником трудится.

— А к тебе он как попал?

— Натурально, по объявлению. Пришел, я посмотрел на него: нормальный мужик, трезвый, не лодырь. Правда, бывший зэк — ну так что с того?

Улица Революционера Бабушкина была застроена однотипными девяти- и двенадцатиэтажками, отличающимися друг от друга разве что цветом балконов. Пятачок между домами украшала залитая свежим асфальтом автостоянка и приткнувшаяся к ней на правах бедной родственницы детская площадка, состоявшая из хиленьких качелей, тяг-перетяг и песочницы. Алеша зашагал через двор к нужному дому, ориентируясь на аккуратную самодельную пристройку возле одного из подъездов: кто мог соорудить такой сарай, кроме непьющего дворника Вячеслава Фаттеича, дяди Славы, преданного друга семьи Светочки-самбо и ее мамы? Номер второй из «Святой Троицы», о которой долго не осмеливался рассказать Денис Сандалов — да и не рассказал бы, кабы искорка начинающегося пожара не опалила кончик хвоста...

На бортике песочницы сидела молодая мамаша и мерно хлопала ладонью по спине девчушки лет девяти, выговаривая ей при этом: «Ну что ты, Дашка, как маленькая? Теперь платье чистить... Молодой человек, вы не знаете, который час?» — обратилась она к Алеше.

— Пятнадцать минут седьмого, — автоматически отозвался он.

— Вот и я думаю: пора Дашку домой загонять, уроки учить, — кивнула мамаша. — Вас в тот дом просят не заходить.

— А? — не врубился он.

— И в ту сторону, пожалуйста, не смотрите, просто медленно поверните налево, до угла, там вас ожидают.

— Кто?

— Ваши знакомые. Дашенька, проводи дядю. Только сразу возвращайся, хорошо?

Умница Даша доверчиво сунула «сыщику» узкую ладошку и повела куда-то за угол, мимо стоянки и вожделенного подъезда с аккуратной (и даже свежевыкрашенной) пристройкой. За углом девочка молча ткнула пальчиком в неприметный микроавтобус без опознавательных знаков и удалилась, так и не сказав ни слова. Хоть бы назвалась, юная партизанка, с непонятной грустью подумал «сыщик», я бы ее шоколадкой угостил...

Дверца микроавтобуса отворилась, впустила Алешу и тут же закрылась с тюремным лязгом. Внутри журналист узрел Оленина, Силина и пару незнакомых парней перед аппаратурой — один был в наушниках, другой сидел рядом и жевал сосиску в тесте.

— Опять норовишь поперек батьки в пекло? — буркнул майор вместо приветствия.

— А где тут пекло-то? — огрызнулся «сыщик», потирая ушибленную макушку (приложился о низкий потолок). — И с какой стати вы за мной следите?

— Не за тобой, — успокоил его Оленин. — Лучше скажи, как ты вычислил этот адрес.

— Так, — мстительно отозвался Алеша. — Кое над чем поразмыслил, кое-что сопоставил...

— Пятый докладывает, — сказал вдруг парень в наушниках. — В квартире легкая активность, объект вроде куда-то собирается.

— Наблюдать, — коротко распорядился Сергей Сергеевич. — И приготовиться на всякий случай.

— Может, объясните, что происходит? — раздраженно поинтересовался «сыщик».

— Паша, — поморщился в ответ майор. — Объясни прессе…

Парень, который жевал сосиску, нехотя оторвался от своего занятия.

— Ну что? Топорков Вячеслав Фаттеевич в сводках «наружки» проходит под именем «дворник» (собственно, согласно профессии). Состоит на службе в местном ЖКХ, добросовестен, трезв, нареканий не имеет. Интересен распорядок дня… — оперативник пошелестел блокнотом. — Подъем в пять тридцать утра. Легкая пробежка до озера, дистанция пять километров («Стоп, — запротестовал «сыщик», — он же хромой!» — «Когда метлой машет — хромой, а так — попробуй за ним угонись»). Плавание, причем даже в холодную погоду. Разминка на берегу: удары по деревьям из разных положений, комплекс упражнений, которые можно интерпретировать как *ката* в карате (впрочем, мы засняли на видео, показали специалисту, тот утверждает, что это не карате, а какая-то незнакомая ему разновидность). Далее пробежка в обратном направлении, душ, легкий завтрак, собственно работа по очистке территории… ну, это неинтересно… Вечером — снова к озеру, там он медитирует в течение приблизительно получаса, потом вешает на дерево фанерную мишень и мечет в нее различные предметы из различных положений.

— Какие предметы? — не понял «сыщик».

— Различные. Ножи, дротики, сюрикены (это такие металлические звездочки), иглы из духовой трубки, чуть ли не ножницы…

— Внимание, — негромко сказал парень в наушниках, — он выходит.

Он показался из подъезда минуты через две — таким, каким его запомнил Алеша в первую (и единственную) встречу у Мити Горлина. Вытертые брюки цвета хаки, клетчатая ковбойка, стоптанные ботинки, в руках грубый холщовый мешок — в которых дачники обычно возят садовый инвентарь. В мешке угадывался некий длинный узкий предмет — скорее всего, черенок от лопаты. Прихрамывая, Фаттеич подошел к старенькой замызганной «Ниве», поручкался со сторожем, сел на водительское сиденье, завел двигатель и медленно отъехал со двора. Секунд через тридцать следом так же неспешно двинулся синий опель — настолько безликий, что, попади он в сводки ГИБДД, он так и значился бы, как «а/м «Опель» без особых примет».

— Не спугни, — сказал Оленин в динамик. — Держи дистанцию, на втором перекрестке обгоняй и уходи вправо, его примут.

— Понял, — прошелестело в ответ, и Алеше — пожалуй, впервые за эти две недели — стало по-настоящему *страшно.* Страшнее, чем осматривать трупы в подворотне, чем блевать на скамейке, глядя, как с путей поднимают куски того, что незадолго до этого было восточной красавицей Айлун Магометжановой, и

спускаться по пожарной лестнице во двор, полный бойцов ОМОНа, и сидеть, скрючившись, на пеньке, отвернувшись от дверей «стойла», откуда уже вынесли тело Андрея Калинкина, но еще не вывели его железного друга-«мустанга»…

Страшно, потому что под мышкой у майора Оленина покоилась кобура с табельным «макаровым», и у оперативника Силина, и у Паши, доедающего несчастную сосиску всухомятку, и у парня в наушниках (Алеша вскоре выяснил, что его зовут Николаем, — младший лейтенант, новенький в Оленинской группе), и наверняка у тех, в синем опеле…

Все они готовы были стрелять. Как охотники, обкладывающие зверя, — вот только азарта на их лицах «сыщик» что-то не заметил. «Нет, — подумал он, — на охотников они не похожи — скорее, на людей, которые готовы стрелять, чтобы *самим не стать дичью…»*

— Следует по Краснознаменной, — доложил динамик. — Скорость не превышает, на «зебрах» притормаживает, уйти не пытается… Может, сократить дистанцию, чтобы легче было?

— Не сметь, — сказал Оленин. — На Планерной уходи влево, «дворника» принимает «девятка».

— Понял.

Майор ткнул пальцем в сенсорный экран, вызывая карту города.

— Вот она, Краснознаменная, — забормотал он. — Если никуда не свернет, то попадет на проспект Героев 1812 года, дальше либо в Якорный переулок (там-то ему что делать?), либо…

— Вы так и не рассказали, как на него вышли, — проговорил «сыщик» без надежды, что ему ответят.

Сергей Сергеевич досадливо поморщился.

— Два мастера, — сказочка твоего Дениса Сандалова, — они ведь существовали на самом деле: Василий Ощепков и Виктор Спиридонов. Сын политкаторжанина — и бывший деникинский офицер, перешедший на сторону большевиков. Два непримиримых соперника, боровшихся за господство в тогдашних спортивных кругах СССР. Спиридонов, кстати, был скорее диверсантом, чем бойцом. Неожиданное нападение из-за угла, неожиданный удар, незаметный отход, использование усилий противника, как в айкидо… Ощепков стремился убрать из своей системы все, что могло нанести травму, — система Спиридонова *целиком* была построена из таких приемов. Эти две школы просто не могли состязаться открыто.

Так вот, Ощепков, видя, что Спиридонов откровенно уклоняется от спортивной встречи, объявил оппонента выскочкой и самозванцем, а заодно припомнил тому белогвардейское прошлое… — майор помолчал. — Спиридонов не отвечал. Просто продолжал заниматься со своими учениками как ни в чем не бывало. Говорят, на его тренировку в спортивный зал «Динамо» приходил сам Берия. Посидел, посмотрел, попросил показать несколько приемов и остался доволен. Так-то.

А вот сам Василий Ощепков вскоре попал в поле зрения НКВД — правда, по другому поводу, и этот повод оказался куда серьезнее спортивных споров… «Девятка», доложи обстановку.

Пауза в динамике.

— «Девятка», — раздраженно повторил майор. — Ты что, уснул? Где объект?

— Никак нет, не уснул, — голос в динамике показался растерянным. — Я его потерял.

Алеша увидел, как кулаки майора побелели: еще чуть-чуть — и что-нибудь дорогостоящее в этом напичканном электроникой фургоне разлетелось бы вдребезги.

— Что значит потерял? — спросил он ровным тоном. — Он что, форсаж включил, крылья расправил, шасси убрал? Я тебя спрашиваю, мать твою?!!

— Нет. Просто свернул в Якорный переулок, там глухой двор с одним въездом… Во двор он въехал, но со двора не выезжал. И «Нивы» его нигде не видно…

— Гениально, — пробормотал Сергей Сергеевич. — Чую, быть мне после этого дела уличным регулировщиком…

Двор был узким, неухоженным, испещренным граффити самого низкого пошиба и оттого напоминал воспетый в стихах и криминальных фильмах петербургский «колодец». У дверей некоторых подъездов притулился личный транспорт местных жильцов: иные машины «голышом», иные (их было меньшинство) под гофрированными «ракушками» или латаным-перелатаным брезентом. Посреди двора на веревках сушилось белье. Вокруг белья наматывал круги на велосипеде вихрастый абориген лет четырнадцати. Оленин быстрым змеиным движением поймал его за седло и остановил.

— Чего? — недовольно сказал пацан. — Велик мой, спроси у кого хочешь.

— Минуты три назад, — раздельно проговорил майор, — сюда въехала грязно-белая «Нива». Видел?

— Ниче я не видел.

Алеша подошел поближе:

— А мне сдается, велик-то не твой. Седло низковато и руль неудобно расположен. Что, отобрать отобрал, а подрегулировать не успел?

— Да он сам мне отдал! — загорячился пацан. — Проиграл в «секу», а бабок нету, вот он велик и приволок…

— Еще и азартные игры, — «сыщик» покачал головой. — Огреб ты статью, братан… Короче, хочешь домой, к мамке, — говори про «Ниву». Нет — оформляем по полной, еще и сопротивление пришьем… Ну?!

— Да никуда он не уезжал, — буркнул абориген. — Загнал лайбу вон к тому подъезду, брезент накинул — и нырк в дверь. Только если у вас с ним терки, ловить его там без толку: подъезд-то двусторонний. Ну, выход имеет на другую улицу…

Искомая «Нива» и впрямь смирненько стояла под брезентом — причем «объект» сумел так аккуратно укрыть ее и даже завязать тесемки, что создавалось впечатление, будто указанная машина обреталась здесь без движения минимум с прошлого лета. Черт…

Еще двадцать минут Оленинские ребята убили на поиск свидетелей. На двадцать пятой им повезло: старушка, продававшая на остановке жареные семечки, вспомнила «дачника» с мешком, в который было упаковано нечто длинное: лопата, а может, саженцы. Уехал он на маршрутке номер восемь, в этом бабулька тоже была уверена, как в дате получения пенсии: «у меня, милок, слух стал ни к черту, а газеты я до сих пор без очков читаю…»

— Ну, и куда он? — мрачно спросил Оленин, и сам же ответил: — На Летчика Байдукова, к клубу «Рэй», там у «восьмерки» конечная. Силин, свяжись с ними, узнай, кто у них сегодня ведет вечерние тренировки.

— Павлов, первый дан, подготовишки, — доложил тот через минуту. — Ирина Кузниченко, второй дан, подготовка группы к соревнованиям по кумитэ[5]. Денис Сандалов, новички второго года обучения…

— Дай-ка, — майор отобрал у Силина трубку. — Дежурный по клубу? Здравствуйте, майор Оленин из Управления внутренних дел. Скажите, Сандалов уже в зале? Никто посторонний на тренировку к нему не приходил? Вы уверены? А у Зарубина сегодня есть тренировка?

— Нет, — почтительно отозвались на том конце. — Но Юрий Георгиевич иногда приезжает без расписания. Проходит по группам, наблюдает за занятиями, иногда работает в своем кабинете…

— Там есть окна?

— Где?

— В кабинете, елки-палки.

— Да, два пластиковых окна, поставили в прошлом году… А почему вы интересуетесь?

Майор открыл дверцу микроавтобуса, свесил ноги наружу и взял в руки мощный цейсовский бинокль. В правом ухе у него торчал наушник-крохотуля и мини-микрофон на жестком проводочке, придавая своему хозяину донельзя воинственный вид.

— Лопата или мотыга, — пробормотал он сосредоточенно. — На длинном черенке, завернутом в тряпку…

— Полагаешь, винтарь? — недоверчиво спросил Силин. — Слишком какие-то разные методы. То четверых голыми руками, то на одного с таким арсеналом.

— Вкусы меняются, — пожал плечами Оленин. — И потом, в клуб просто так не пройдешь, будь ты хоть какой мастер…

— Вон они прибывают, — доложил Силин. — Лексус заводят на стоянку.

Лексус заплыл на асфальтовый пятачок величаво, точно океанский лайнер. Большой Папа степенно вылез из-за руля, вкусно потянулся и подхватил светлый кейс с цифровым замком. Сам он тоже был в цивильном: тренировки сегодня не намечалось, можно было просто воеводой обойти свои владения, посидеть с комфортом в личном кабинете в компании с рюмочкой коньяка… Пиликнул пультом сигнализации и, отвечая на многочисленные «здрасьте», двинулся к лестнице.

[5] Кумитэ – одна из соревновательных дисциплин в карате.

— Паша, Коля, вплотную, — вполголоса распорядился Оленин. И сам, наконец, вышел из машины («Товарищ майор, — прошептал Алеша, — бинокль-то снимите». «Ничего, — отмахнулся Сергей Сергеевич. — С биноклем авантажнее»).

Зарубин оглянулся, узрел собеседников и чуть покривил губы.

— А, ко мне снова господа из созвездия Гончих Псов. Что на этот раз? Если по поводу Андрея Калинкина, то он официально вышел из клуба, так что никакой ответственности…

Видимо, на лице «сыщика» что-то отразилось, потому что Оленин предостерегающе коснулся его плеча и сухо произнес:

— Гражданин Зарубин, у нас есть основания предполагать, что на вас готовится покушение. Давайте пройдем в ваш кабинет, у нас есть несколько вопросов…

— Покушение? — это, казалось, нисколько не испугало Большого Папу, только развеселило. — И кто же злодеи? Снова четверо ниндзя-мутантов из канализационного люка? Ну, это несерьезно. Прессу-то еще можно понять, — он иронично взглянул на Алешу, — она кормится с дешевых сенсаций, но вот вам, господин майор, один совет…

Изрядный кус асфальта — примерно с кофейное блюдце — вдруг взлетел вверх, как по волшебству, и рассыпался на шрапнельные осколки: Алеша с майором успели отшатнуться, а вот зазевавшегося Большого сэнсэя один из осколков жестко хлестнул по лицу, оставив кровавую полосу.

— Пригнись! — рявкнул Оленин. — Паша, Коля, объект — в клуб, в кабинет, и на запор! Спортсменов из зала не выпускать, скажите, что возможен теракт… Живо!!!

— Первый, — проскрипело из наушника, — мы засекли вспышку.

— Где?

— Верхнее правое окно четырехэтажного дома, сто метров от клуба к юго-западу. Возможно, блик от оптики…

— Второй, четвертый, девятый, дом окружить, окна взять на контроль, входить по моей команде… Тебе, «дружинник», — майор свирепо взглянул на Алешу, — персональный приказ: марш в микроавтобус и носа из него не показывать! Усек?

— Так точно, — вздохнул тот, понимая, что на этот раз шеф прав: путаться под ногами у вооруженных профессионалов — только дело запороть.

В машину он, однако, не полез: встал за углом, осторожно обозревая прилегающую обстановку. Спортсменов на улице не осталось: всех загнали в клуб и поставили у дверей дежурного из старших учеников. К кирпичному дому, в окне которого минуту назад засекли вспышку, метнулись согбенные тени; одни скрючились за углами соседних строений, за припаркованными машинами, за стволами деревьев, другие по неслышимой отсюда команде проворно втянулись в подъезд.

Больше всего Алеше хотелось оказаться сейчас там, в гуще событий, — он даже подпрыгнул на месте. И внезапно почувствовал, что азарт куда-то ушел. Точнее, азарт-то остался, но вот бежать вместе со всеми и окружать дом почему-то расхотелось.

«Тактика — молниеносный удар из засады, исчезновение — вполне соответствует, но вот идеология…

Идеология ниндзя, основа его жизни — это искусство обмана, фокус, иллюзия…

Муха бьется об оконное стекло, хотя сбоку была открытая форточка. Где именно? Как ей и положено быть…

Как ей и положено…»

Ноги у «сыщика» сами собой двинулись в сторону клуба. Потом перешли на бег. Единым махом он взлетел на крыльцо и рявкнул на растерянного дежурного:

— Отдел борьбы с терроризмом! Где кабинет директора?

— За углом, — икнул тот, — вторая дверь налево. Там уж двое ваших… А в чем, собственно…

Алеша не дослушал. Преодолел поворот и, замирая сердцем, стукнул в указанную дверь. Дверь была не заперта.

Оленин остановился перед дощатой дверью на четвертом этаже и кивнул кряжистому оперу с внешностью и габаритами Николая Валуева. Тот кивнул в ответ, отодвинулся на шажочек…

Дверь разлетелась, как от взрыва гранаты. «Валуев» грамотно прянул вниз и вбок, держа пистолет на уровне глаз.

— Брось винтарь! Живо мордой в пол, руки на затылок! Стреляю без предупреждения!!!

Человек у окошка заполошно выполнил распоряжение, двое оперов тут же насели на него сверху, защелкнув на руках наручники и для острастки двинув каблуком по ребрам. Мужчина испуганно взвыл.

— Вы что, мужики? Я ж ничего такого, мне просто велели!

Оленин, брезгливо перешагнув через скованное тело, подошел к окну. На подоконнике аккуратно лежала садовая лопата с притороченным к черенку маленьким зеркальцем — должно быть, оно и давало блики.

— Ну, и на кой? — мрачно спросил он у «террориста», которого оперативники водрузили на какой-то пустой ящик.

— Мужики, чес-слово, я не при делах, — залопотал тот. — Подрулил какой-то, говорит: двести баксов заработать хочешь? А кто не хочет? Рубаху мне свою дал, велел тут сидеть, лопату энту изредка двигать… Сто баксов сразу вручил, остальные, говорит, получишь с тех, кто за тобой придет. Это с вас, выходит?

— Угу, — подтвердил майор. И кивнул на оперативника с внешностью Николая Валуева. — Вот с него и получишь.

Павел и Николай — двое оленинских оперативников — лежали на полу, у обоих из тела торчали короткие оперенные дротики, похожие на те, что используют при игре в дартс. У Паши в шее, чуть ниже воротника, у Николая — в районе солнечного сплетения.

— Вы что, — прошептал Алеша, — вы их…

— Нет, — отозвался дядя Слава, Вячеслав Фаттеевич Топорков, второй член «Святой Троицы». — Обычный усыпляющий состав. Полежат и очухаются.

В руках он держал нечто вроде тонкой цепочки — ее концы, перехлестнувшись, образовывали петлю на шее Юрия Георгиевича Зарубина. Лицо того было багровое, надутое и бессмысленное: чувствовалось, что он и испугаться-то был не в состоянии, поскольку испугаться означало подумать о чем-нибудь связном. Алеша даже невольно скосил глаза на его брюки: не промокли ли…

А еще он подумал, что Фаттеич отчего-то медлит: оборвать жизнь Зарубина, своего главного врага, он мог в течение доли секунды, коротким движением жилистых рук, — почему он не делает этого? Чего ждет? Или — *кого?*

— Он этого не стоит, дядя Слава, — глупо проговорил Алеша (послушает он, держи карман шире). — Я знаю, как вам было тяжело, вы были один против всех. И все равно: не стоит усугублять…

— Да уж куда дальше усугублять, — спокойно отозвался Вячеслав Фаттеевич. — Ты как тут оказался, журналист? Все побежали «снайпера» брать, а ты что же? Самый умный оказался?

— Не я. Один человек сказал: истинное боевое искусство никогда не сражается. Иллюзия; стремление показать то, что нужно, чтобы человек увидел; муха, бьющаяся о стекло, — начиная с блика от зеркальца и заканчивая маленьким зарядом под асфальтом на автостоянке. Где вы этому обучались? Денис Сандалов упомянул: вроде во время службы где-то на Востоке…

— Я этого Дениса… голыми руками порву, — просипел вдруг пришедший в себя Зарубин.

— Цыц, — коротко приказал дядя Слава, и оппонент послушно замолк.

— Вас ведь даже в тюрьме не смогли достать — любого бы достали, но не вас… Потому что только у вас был *настоящий* учитель, наставник, который был с вами постоянно, вставал рядом с вами, спина к спине, и ни одна сволочь не могла вас одолеть… Только это было не ниндзюцу, верно? Какой-то наш, отечественный аналог…

— И правда умный, — ровным голосом сказал Вячеслав Фаттеевич. — Почти все разгадал… Ну, где твои-то? Пора бы им быть…

Будто в подтверждение его слов, в коридоре послышался топот ног.

— Дядя Слава, — быстро заговорил Алеша. — Прошу, умоляю: сдайтесь сами. Этот, — он кивнул на Зарубина, — свое получит, не сомневайтесь. Денис дает показания, теперь им не отвертеться. Вспомните о Свете, о ее маме — они вас любят. Пожалуйста…

Дверь грохнула, и сразу несколько стволов сконцентрировались на фигуре, замершей у дальней стены, возле широкого, как аэродром, письменного стола, стеклянного стенда с кубками, грамотами, фотографиями на пьедесталах, початой бутылкой коньяка, незнамо как затесавшейся среди этого пиршества спортивных трофеев…

— Он сдается!!! — завопил Алеша, широко раскрывая руки, заслоняя собственным телом… кого? И от кого? — Он сдается, Сергей Сергеевич!!!

— Ложись! — заорал майор, едва не застонав, как от зубной боли. — Ложись, журналист, мне еще твоего трупа не хватало… А ты брось оружие. И отпусти заложника. Обещаю сохранить жизнь.

— Отпускаю, — спокойно отозвался дядя Слава. — Только условие, майор. Не мордовать и рук не крутить: во-первых, я действительно сдаюсь, а во-вторых, не получится. Попытаетесь — устрою вам напоследок Куликовскую битву, мало не покажется.

— Вообще-то я переговоров с террористами не веду, — процедил Оленин. — Ладно, черт с тобой. Наручники, извини, все равно надену. И имей в виду: здесь шесть стволов. Малейшее лишнее движение — и никаких предупредительных выстрелов. Тебя просто изрешетят на месте.

Фаттеич сделал движение — и Зарубин отлетел от него, как выпущенный из пушечного жерла. Его тут же подхватили под белы руки, сунули под нос нашатырь и выволокли в коридор. Павел неловко завозился на полу, сел, недоуменно вытащил дротик из шеи и спросил:

— Что это было-то, Сергеич?

— Не знаю, — ответил тот. — Сейчас езжай в больницу, сдашь кровь на анализ. Мало ли какая тут дрянь.

— Скажи, я трус? — спросил Алеша, лежа в постели и закинув руку за голову. Недавно они с Наташей наскребли-таки денег (не без помощи родителей и с той, и с другой стороны) и обзавелись немецким натяжным потолком со встроенными лампочками-крохотульками. Накал их можно было плавно регулировать ручкой в изголовье кровати. Единственным неудобством нового приобретения было отсутствие на нем какого-либо изъяна — вроде трещинки в старом потолке, причудливостью линий напоминавшей то ли старинную фреску, то ли схему Московского метрополитена. Иногда «сыщик» устраивал медитации, глядя на эту трещинку, — и, как ни странно, это помогало находить решение в каком-то вопросе…

— Ты? — Наташа удивленно приподнялась на локте.

— Понимаешь… — Алеша запнулся. — Я чувствовал себя… ну, едва ли не героем: еще бы, корреспондент на переднем крае криминальных, мать их, событий, вместе с опергруппой выезжаю на место происшествия, участвую в настоящих расследованиях… Наши редакционные девки млели, дуры. И вдруг сообразил, что кто-то — Силин или Оленин — всегда оказывались рядом со мной, все время меня кто-то поддерживал за локоток — чтобы я случайно не расквасил нос. А сегодня я впервые оказался с убийцей один на один. Тот человек, Топорков, мог убить меня одним движением: ножом, дротиком, просто голыми руками… И я ничего не смог бы сделать. Я уговаривал его сдаться без кровопролития, я держал его сколько мог — но я ведь чувствовал: еще секунда, и…

Наташа успокаивающе погладила его по щеке. Он отодвинулся и с горечью добавил:

— И когда убили Айлун... Я-то тебе заливал, будто помогал вытаскивать части тела с рельсов, а на самом деле сидел на скамейке и блевал в урну, все никак не мог остановиться... А потом, когда Андрея обнаружили мертвым и его мама сказала мне: «Почему мой сынок мертв, а ты еще жив?»... — Алеша сглотнул слюну, — я ведь не раскаяние испытывал, не чувство вины — а *страх*. Самый натуральный животный страх за свою шкуру...

Наташа помолчала. Потом доверчиво положила голову на грудь Алеши и тихонько сказала:

— После того как умер тот оперативник, Эдик Карагач, я должна была выйти к его родителям, они сидели в коридоре, напротив блока реанимации... Я должна была сказать им то, что говорят в таких случаях: простите, но ваш сын скончался, мы сделали все, что могли, примите соболезнования, тело можете забрать завтра в морге с девяти до четырнадцати, это по коридору налево, третья дверь... Я не смогла. Послала вместо себя медсестричку, совсем молоденькую, а сама сказала, что у меня схватило живот, побежала в туалет, заперлась там и полчаса сидела на унитазе. И даже не плакала: глаза кулаком зачем-то тру, а глаза сухие... — она помолчала. — Знаешь, то, как люди ведут себя в подобных ситуациях, не говорит ни об их смелости, ни о трусости.

— Вот как? — спросил Алеша. — А о чем же?

— О том, что они все еще люди. И способны чувствовать чужую боль.

Чужая боль... Алеша прикрыл глаза — снова вспомнилась мама Андрея Софья Петровна. «*Почему мой мальчик мертв, а ты жив? Почему?! Во что ты его втянул?!!*»

— Все-таки зачем он выдумал сестру? Что он хотел сказать?

— Может быть, дело не в сестре? — заметила Наташа. — Что Андрей сказал тебе еще? Что она болеет астмой, что он ищет для нее специальный ингалятор...

— Небулайзер. «С третьего раза не можешь запомнить, а кое-кто запоминает с первого». Кто это мог быть? Фармацевт, врач...

— Или просто человек с хорошей моторной памятью.

— Что значит «моторной»?

— Кратковременной, — пояснила супруга. — Такой человек легко воспроизводит любое по сложности выражение или термин, но потом быстро забывает. Например, «андронный коллайдер».

«Сыщик» озадаченно нахмурился.

— Откуда ты...

— Ксюха откуда-то притащила присказку. Теперь вставляет к месту и не к месту.

Некоторое время Алеша лежал неподвижно, даже глаза не шарили по потолку, а смотрели в одну точку, будто пытаясь разглядеть под новым покрытием милую, как березка перед родимой хатой, трещинку с расходящимися лучами — ни дать ни взять пучок радиальных линий, связанных кольцевой...

— Спасибо, — прошептал он наконец.

— За что? — удивилась Наташа.

Показания (Денис Сандалов).
Управление внутренних дел, суббота

«— Я вообще-то те времена не застал. Но слышал, конечно, какой беспредел творился везде, и в спорте в том числе. Каждый выживал как умел.

— И то, что ваши *наставники* привлекались к уголовной ответственности за организацию боев без правил, вас нисколько не смущало? Двое из ваших героев-сэнсэев известны: Юрий Георгиевич Зарубин и Вячеслав Фаттеевич Топорков. Кто был третий?

— Валерий Стаднюк. Мы с ним почти не общались, он преподавал в своей группе.

— Это тот, кого полтора года назад нашли мертвым в лесополосе за городом?

— Да… Пацаны болтали, будто его забили насмерть.

— Совершенно верно. Сломали горловой хрящ, ключицу и нанесли прямой проникающий удар в сердце, попутно сломав два ребра. Почерк мастера.

Пауза.

— Последний вопрос: кто убил Андрея Калинкина?

— Не знаю. Чем хотите поклянусь: я не представляю, *зачем вообще кому-то было его убивать!!! Кому он мешал?!!»*

Допрос (Вячеслав Фаттеевич).
Управление внутренних дел, суббота

«— Я нашел в тюремной библиотеке книгу о Василии Ощепкове. И перечитывал ее раз пятнадцать — пока не выучил наизусть, до последней запятой. И все равно каждый раз начинал читать с начала… Природа, говорят, на детях отдыхает. Тогда было время титанов. А все мы, их ученики и последователи, — просто бледные копии. Богатыри — не мы…

— Ну, знаете, те самые «титаны» тоже не чурались маленьких человеческих слабостей: написать на соперника донос в органы, переманить учеников, оплатить разгромную статью в какой-нибудь подметной газетенке… Ваш Ощепков, к примеру, настрочил столько писем в спорткомитет, где доказывал, что его соперник Виктор Спиридонов — самозванец и враг народа, что сложить их — целого шкафа окажется мало.

— Время было такое. Не нам его осуждать. Да, Ощепков никогда не доверял ему. И методы, которые Спиридонов применял, он считал недостойными и боролся против них, как мог. Боролся, пока сам не был арестован в тридцать седьмом — как член белогвардейской антисоветской организации.

Пауза.

— А знаете, он ведь ожидал своего ареста — даже готовился к нему. Он был уверен, что Спиридонов пожалуется на него Лаврентию Павловичу, обвинит в неэффективности дзюдо как боевой системы или в чем-то подобном, и приготовился отстаивать свою правоту… Вот только удар ему нанесли совсем с другой стороны…

— Вы ведь тоже знакомы с системой Спиридонова? Где вы ее изучали?

— Я служил в одном местечке… там, где, собственно, наших войск вроде и не должно было быть *официально*, но они *были.* Там я познакомился с местным капралом, его звали Йон Ли. Дрался он как черт — мой каратистский опыт против его просто не срабатывал. Я попросил его обучить меня — он ответил, что сам только скромный ученик, и пообещал отвести меня к своему наставнику. Я был уверен, что и наставник у него такой же узкоглазый, но это оказался наш капитан из какого-то хозвзвода — щуплый, мешковатый, совсем не сильный на вид: типичный тыловик в круглых очочках. Когда я увидел, что он может… Не поверите, я за ним по пятам ходил. Наряд на кухню, картошку чистить, фуру с продуктами разгружать, котлы отмывать — я первый. Надо мной даже посмеиваться начали… Знаете, что мы делали? Рисовали. Человека во всех видах: где расположены мышцы, как работают суставы, сухожилия, связки… Степени свободы, углы поворота, точки опоры — мы разбирали его, как автомат Калашникова. Потом настал черед активных точек: каждая из них отвечала за какой-то орган, каждая могла и убить, и вылечить — нужно было только знать время и меру воздействия… Позже, в тюрьме, я рисовал углем на стене человеческий контур и наносил эти самые точки, чтобы помнить…

— Давайте вернемся к вашему аресту в 87-м году. Судя по материалам дела, вы взяли всю вину на себя?»

Показания (Юрий Зарубин).
Управление внутренних дел, суббота

«— А что ему оставалось? Знаете, какую специальность он получил в тьмутаракани, где служил? «Оператор установки наведения ракет средней дальности». Где вы видели на столбе объявление: «Требуется наводчик ракет»? А что он умел, кроме этого? Только драться. Мы к тому времени создали школу у нас в городе по образцу московской. Я получил звание «Заслуженный тренер», Валера Стаднюк сдал в Японии экзамен на третий дан… Слава Топорков был в трудном финансовом положении, и, конечно, мы взяли его в команду. Мы были тогда по-настоящему счастливы…

— Понятно. А в мае 84-го вашу школу закрыли…

— Да, вышел указ о запрете преподавания карате. Некоторое время мы перебивались случайными заработками, потом кому-то пришла в голову идея создать закрытый бойцовский клуб. Один стал вести бухгалтерию, другой занимался подбором спортсменов (в них недостатка не было), третий отвечал за общую организацию, аренду и безопасность… Ну, и чтобы информация не просочилась в официальные органы.

— Однако она просочилась…

— Да, просочилась… Набежали люди в форме, перекрыли все выходы из зала, задержали тех, кто был без документов… Нас втроем, как главных организаторов, сунули в камеру на семьдесят два часа, допрашивали, потом отпустили под подписку о невыезде.

— На суде, как видно из материалов дела, Топорков взял всю вину на себя…

— Он сам принял такое решение. Скажите, ну кому было бы легче, если бы за решеткой оказались все трое? Самому Славе это бы только повредило: вы же знаете, к преступному деянию, совершенному в составе *группы,* судья и отнесся бы совсем по-другому».

Допрос (Вячеслав Топорков).
Управление внутренних дел, суббота

«— Мне адвокат все объяснил. Сначала, конечно, была *обработка:* приехали на какую-то квартиру, там уже стол накрыт, водка, шампанское, деликатесы — поди, даже в Кремле такие подавали не каждый день... Тосты за дружбу, за братство карате, за рыцарский орден...

— Понятно. Продолжайте.

— Дальше адвокат открывает кейс, достает бумагу, начинает объяснять, что гораздо выгоднее мне будет взять вину на себя. Судья учтет мое военное прошлое (я ведь служил, как сейчас говорят, в «горячей точке»), что это моя первая судимость... Дадут, сказал, максимум три года общего режима. А через год при условии хорошего поведения можно будет рассчитывать на УДО... Ну, и еще — Стаднюк и Зарубин пообещали мне деньги, когда я вернусь из зоны, половину суммы, вырученной с подпольного «тотализатора», — а сумма там была немаленькая.

— Насколько мне известно, деньги были конфискованы…

— Да, только я об этом не догадывался.

— В общей сложности вы отсидели вместо трех лет пять с половиной: дважды вам «накидывали» срок за драки с другими заключенными...

— Видимо, мои «друзья» — те, что остались на воле, очень не хотели, чтобы я когда-нибудь вышел... Я и выжил-то благодаря двум людям, двум учителям: тому капитану, с которым служил, и *ему*...

— Кому?

— Василию Ощепкову.

— ...Он приходил ко мне по ночам. Невысокий, плотный, бритый наголо (подцепил какую-то болезнь во время работы в Шанхае). Иногда мы разговаривали — о дзюдо, вообще о спорте, или просто о жизни. О чем еще могут разговаривать два заключенных? Иногда он брался обучать меня специальным упражнениям — на силу, выносливость, гибкость, чтобы я и в камере мог держать форму. Он говорил, что разработал эти комплексы, пока сидел в бутырском подвале. А иногда мы просто молчали — это тоже было неплохо…

Он дважды спасал мне жизнь. В первый раз — когда я получил письмо из дома... Плохое письмо. Жена заявила, что разводится со мной и забирает дочь. Я решил, что жить дальше не стоит. Свил жгут из простыни, накинул на шею...

И вдруг увидел Василия. Он не двигал губами и вообще не делал ничего, чтобы мне воспрепятствовать, — просто стоял и смотрел, но я услышал у себя в голове голос... Можете принимать меня за сумасшедшего…

— Я вас слушаю.

— Он сказал, что сам прошел через нечто подобное: первая его жена следила за ним и строчила донесения в органы, вторая... Вторая оказалась вражеской шпионкой. А при тех обвинениях, которые против него выдвигали, шанса избежать высшей меры не было. Однако перед этим ему предстояло пройти через череду допросов с применением, как тогда формулировали, «физической силы и спецсредств». Подобной процедуре тогда подвергались многие...

— Да, главным пунктом обвинения Ощепкова как врага народа было его присутствие в штабе полковника Пильщикова, который пытался летом 28-го года устроить белогвардейский мятеж в Москве. Его планы стали известны советской контрразведке во многом благодаря Ощепкову... Ну а сам он, надо думать, просто попал под горячую руку...

— Да... Во второй раз он защитил меня, когда на меня напали шестеро в столярной мастерской — как раз за тот случай мне и надбавили срок. Не знаю, что им было надо, — они напали без предупреждения. Все вооруженные: кто стамеской, кто молотком, кто монтировкой — в общем, убить стремились всерьез.

Не знаю, как это объяснить лучше... Он будто встал со мной спина к спине. Я чувствовал это — и уже никто не мог подойти к нам близко. Мы отбились, хотя я получил два проникающих ранения. Прибежала охрана, меня тут же скрутили и бросили в карцер — на трое суток, без еды, без воды, без медицинской помощи... Не понимаю, как мне удалось выжить. А главное, почему он приходил ко мне — обычному, в общем-то, зэку, каких тысячи...»

Показания (Денис Сандалов).
Управление внутренних дел, суббота

«— Я в этом не участвовал, честное слово. То есть сперва я согласился для вида, но потом...

— С самого начала, пожалуйста.

— Простите. В общем, когда Вячеслав Фаттеевич вышел из тюрьмы, Зарубин собрал нас у себя дома: Стаднюка, Потапова, Рухадзе и меня. Сказал, что от Славы, то есть от Топоркова, необходимо избавиться. Он надеялся, что того убьют на зоне, — не вышло. Теперь Топорков напомнит об обещанных деньгах — и если не получит их, то, дескать, сдаст всю компанию. Иван с Никитой согласились сразу — они вообще Большому Папе в рот смотрели. Они должны были, как только дядя Слава войдет, подойти сзади и придушить его полиэтиленовым пакетом. Мне Зарубин дал бейсбольную биту: нужно было ударить Топоркова по голове, но не сильно, не до смерти. Добивать договорились в лесополосе за городом: переломать ребра, коленные чашечки, голову размозжить так, чтобы стало понятно: на дядю Славу напала банда отморозков, в тех местах тогда свирепствовали какие-то бандиты, вы наверняка помните...

— Помню. Дальше.

— Ничего не получилось. Когда Топорков вошел, Зарубин ему и руку пожал, и в гостиную пригласил, но тот, видимо, что-то почувствовал... Пакет-то ему на

голову надели, но потом такое началось… Мастер есть мастер, даже Большому Папе со Стаднюком было до него далеко. В какой-то момент я подумал, что он расшвыряет всех, как котят… Короче, биту я бросил, а сам ползком-ползком на угол шкафа, будто мне тоже досталось. Зарубин биту подхватил — и вперед. Сначала-то, наверно, надеялся, что самому участвовать не придется… Вчетвером они с Топорковым как-то сладили. Связали по рукам и ногам, закатали в кусок брезента и вынесли — не видел, куда. Наверно, в машину.

— В чью машину?

— Наверно, Стаднюка, Большой Папа поостерегся бы свой багажник пачкать.

— А вы что делали в это время?

— Обо мне, похоже, в суматохе забыли. Мне бы спрятаться где-нибудь, а я домой. Ну, они туда и нагрянули. Что это, говорят, ты, подонок, от коллектива отрываешься? Я испугался до полусмерти: вообразил, что они меня сейчас тоже в брезент — и за город. Ну, и сказал, что вчера, когда они дядю Славу избивали, я снимал все на мобильный телефон. И копия этой записи у одного моего друга в компьютере, так что, если что со мной, эта запись уйдет в прокуратуру.

— И они поверили? Вот так, без доказательств?

— Не знаю, как насчет «поверили», но испугались точно, хотя вида не подали. Ладно, говорят, живи пока. Как же они меня, должно быть, ненавидели… А предпринять что-то боялись.

— Боялись до такой степени, что Зарубин поддался на ваш мелкий шантаж: лишнее очко на соревнованиях, лишняя ступенька в карьерной лестнице… А потом он познакомил вас с Айлун Магометжановой в надежде, что та «окрутит» вас и увезет подальше из города…

— Хорошая была девчонка. Может, лучше было бы уехать с ней в ее Коканд, дыни выращивать…»

Допрос (Вячеслав Топорков).
Управление внутренних дел, суббота

«— За что вы убили Андрея Калинкина?

— Какого Андрея?

— Близкого друга вашей Светланы. Или будете утверждать, что не знали такого?

— Не имел чести.

— Ладно, к этому еще вернемся. А со Светланой что вас связывало?

— Когда-то я ухаживал за ее мамой, Ольгой Алексеевной, однако она предпочла другого. Когда ее муж умер, я стал помогать ей и Свете… скажем так, на правах друга дома. С Яшей Савостиковым, Светочкиным приятелем, иногда играл в шахматы. Он увлекался компьютерными играми, но я, признаться, в современной технике ни бум-бум…

Знаете, Света с Яшей иногда казались мне людьми… нет, не из другого времени — скорее, другой формации. Вы слышали что-нибудь о наступающей

эре Водолея? Мы все, большинство из нас, вышли из эры Рыб — поэтому у нас в крови, в генетической памяти заложено стремление *быть первым*. Расталкать соперников, расквасить чужой нос, припечатать к ковру, забить гол в чужие ворота — и радоваться, видя, что соперник горюет... Так вот, в новой эпохе всего этого не станет. Люди постепенно перейдут от идеи соперничества — к идее *сотрудничества*. Конечно, это будет не сразу, должно пройти минимум несколько веков...

— Интересно. А как это сочетается с тем, что Светлана — мастер спорта по самбо?

— Все дело в отношении. Света видит в борьбе *красоту.* Как в балетной партии, симфонии Шостаковича или картине Клода Моне. Этим мне она и импонирует.

— И то, что она обучалась на специальных курсах...

— Вы имеете в виду курсы повышения боевого мастерства? Да, Светлана изучала запрещенные приемы, но она никогда не применяла свои знания на практике. Однажды даже поссорилась с одним спортивным боссом: тому очень хотелось, чтобы девочка выиграла первенство... Однако оба знали, что соперница сильнее и единственный способ вырвать победу — это незаметно провести тот самый прием. Света отказалась и проиграла... Вы бы видели, как она гордилась своим поражением — пожалуй, посильнее, чем иные гордятся победой.

— Прекрасно. И что вы мне сейчас пытаетесь доказать? Что Светлана не могла быть причастна ко всем этим убийствам?

— А что пытаетесь вы? Получить ясные ответы на ясные вопросы и вписать их в клеточки, как в тупоголовом сканворде? Могла ли Светлана убить двоих тренированных бойцов, защищая своего Яшу? Как мог воспитанник клуба айкидо, которого наставник считал честным и нравственным человеком, столкнуть под поезд молодую девушку? Почему на месте убийства на Ново-Араратской свидетель видел *четырех человек в костюмах ниндзя*, а руководитель клуба этих самых ниндзя даже не попал под подозрение (подумаешь, пару часов промурыжили в комнате для допросов)? Как случилось, что Андрей Калинкин не услышал своего убийцу, даже не повернул головы в его сторону? Почему капитан, с которым я познакомился в армии, обучал меня приемам школы Спиридонова, а в тюрьме меня защищал главный его противник Василий Ощепков? И как тюремщики в Бутырке устраивали свой знаменитый фокус: заключенный был уверен, что его камера глубоко под землей, а на самом деле та была на третьем или четвертом этаже здания?

— Любопытно. Недавно вы уверяли, что не были знакомы ни с Калинкиным, ни с Белых, ни с Айлун Магометжановой... Выходит, врали?

— Я сказал и могу повторить: с этими людьми я никогда не был знаком. Так же, впрочем, как никогда не встречался (просто *не мог встретиться)* с Ощепковым. Он скончался в тюрьме осенью 37-го. Говорят, свой последний бой он

принял в подвале для допросов: сталинские палачи собрались истязать его, чтобы выбить нужные показания... Он раскидал их, как щенят, и его застрелили из револьвера. Хотя это только легенда: на самом деле он тихо умер у себя в камере от грудной жабы, так тогда называли спазм сердечной мышцы...

— Вы признаете себя виновным в убийстве Ивана Рухадзе и Никиты Потапова 11 июня сего года?

— Да, признаю. Предвидя следующий вопрос: убивал я один. Хоть я и инвалид, но обладаю соответствующими навыками, готов это продемонстрировать...

— А Савостикову, значит, велели рассказать на следствии сказочку про четырех ниндзя? Теперь ему грозит статья за лжесвидетельство...

— Ни в коем случае. Яша рассказал то, что искренне считал правдой. Он видел то, что ему показали.

— Вот оно что... Не те ли это ребята, что играли в бильярд в «Трех богатырях»? Бармен видел, как вы подходили к одному из них...

— Я же сказал, что убивал один. Те люди просто в нужный момент промелькнули перед Яшей на заднем плане, чтобы создать некую картинку, иллюзию... Фокус, если хотите. Японские ниндзя и русские пластуны, у которых Виктор Спиридонов перенял свою систему, были большие мастера по этой части... Те, о которых вы говорите, в убийстве участия не принимали и со мной никак не связаны. Не думаю, что вы их найдете.

— Ну почему же. Один следок все-таки остался: нашивка на рукаве в виде меча. Ее запомнили Яша и бармен. Если уцепиться за это, можно размотать весь клубок.

— У вас есть мое признание. Какой еще клубок вы собираетесь распутывать?

— Не скажите. В этом деле полно белых пятен... Последний вопрос, перед тем, как вы отправитесь в камеру: почему вы не убили Зарубина? Ваш трюк со «снайпером» прошел на ура — пока мы «брали» его, у вас было минимум десять минут времени. Что остановило?

— Он. Василий Ощепков. Я будто почувствовал его присутствие тогда, в кабинете. И что ему не хотелось, чтобы я брал этот грех на душу. Хотя — когда я убивал Рухадзе и Потапова, он не препятствовал. Почему? Загадка. Сами же говорили: мертвые любят загадывать загадки живым.

Бутырская тюрьма, осень 1937 г.

— Расскажите о вашей второй жене, — Порфирий Петрович мельком заглядывает в картонную папку, — э-э, Марии Григорьевне Данич. Где и когда вы познакомились?

Я вдруг чувствую укол в сердце: будто длинная толстая игла прошивает насквозь. Наверно, оттого, что кто-то извне произнес ее имя — имя, для меня священное; я и раньше, когда Машу окликали подружки или знакомые на ули-

це, ощущал, что сердце начинало стучать чаще и сильнее, даже если она шла рядом, со мной под руку. Сейчас, в комнате для допросов, оно не стучит — его пронзает боль, игла становится сначала горячей, потом раскаленной, и я чуть ссутуливаюсь, стараясь сделать это незаметно, однако следователь замечает.

— Что с вами, Василий Сергеевич? Вам плохо?

— Все в порядке. Только объясните, при чем здесь Мария? Она давно умерла, у нее был туберкулез... Почему вы спрашиваете меня о вещах, которые не имеют отношения к делу?

— Успокойтесь. Вопросы здесь задаю я, и я решаю, что имеет отношение, а что не имеет... Так где и когда вы познакомились?

— В Харбине, весной двадцать третьего.

...Она была дочерью помощника военного атташе Григория Валериановича Данича и заканчивала русскую женскую гимназию. На пороге гимназии я и увидел ее впервые. Она вышла из дверей в стайке своих подружек — небольшого росточка, но очень стройная и изящная, точно фарфоровая статуэтка. Остановилась шагах в десяти от меня и взмахнула рукой, останавливая извозчика. И я заметил, что запястье у нее едва ли не вдвое тоньше, чем мое собственное. А еще у нее были черные волосы, заплетенные в косу, — не то чтобы кудрявые, но вроде пуха, что растет в перьях лебедя, у самого тела. Проведешь по ним ладонью — и ладонь не ощутит. Разве что губы почувствуют или щека... Я стоял по другую сторону улицы, чисто по-мальчишески скрывшись за пыльным платаном и понимая, что погиб, — подойти и познакомиться у меня и мысли не возникало: кто она и кто я. Да и как подойдешь?

Случай представился неожиданно: в один из дней она останавливала пролетку и случайно обронила зонтик от солнца. Я тут же подскочил, поднял его и протянул ей с легким поклоном. Она взглянула на меня и прыснула: может, ей показались забавными мои оттопыренные уши, торчавшие из-под канотье, или то, что я вдруг густо покраснел (это, наверно, было видно даже сквозь загар). А затем так же неожиданно спросила:

— Почему вы за мной наблюдаете? Я давно заметила.

— Гм... Простите, — я покраснел еще пуще.

— Я Маша, — она протянула мне руку.

— Василий... Василий Ощепков. Очень приятно.

— И мне. Василий, вы можете мне помочь?

— В чем?

— Подвинуть у нас дома пианино. Вчера я вызывала грузчиков, но они пришли только вдвоем и не смогли осилить. Хотя, конечно, вам одному будет тем более невозможно...

— Не беспокойтесь, я справлюсь.

Я бы тогда не только пианино — дом поднял, если бы она приказала.

Я действительно справился без труда. И мы пили чай на открытой веранде, и я был представлен ее отцу и даже сыграл с ним вечером партию в шахматы

(продул, и вовсе не из «политических» соображений, как можно было заподозрить, — просто он был шахматистом не мне чета).

Я был счастлив в те дни. Мы встречались с Машенькой у дверей гимназии, потом долго гуляли, если позволяла погода, я ловил извозчика и провожал ее до дома — меня очень скоро стали принимать там за своего. Всего через неделю я с замиранием сердца предложил Марии выйти за меня замуж. Она засмеялась с тихой радостью, коснулась губами моей щеки и щекочуще прошептала в ухо:

— А я думала, ты никогда смелости не наберешься…

Мы обвенчались в местной православной церкви. Григорий Валерианович подошел и обнял нас обоих.

— Машенька любит вас, Василий. И мне вы кажетесь надежным и порядочным. Если вдруг возникнут финансовые или иные затруднения — обращайтесь без церемоний.

— Благодарю, — я поклонился. — Уверяю вас, я сделаю все, чтобы ваша дочь ни в чем не нуждалась.

Еще тогда я заметил, что Мария покашливает. Однако принял это за обычную простуду — я не подозревал, что за этим кашлем скрывается страшный недуг… А едва узнал, тут же принялся добиваться от моего руководства перевода в Москву. Тамошние врачи были куда квалифицированнее местных, да и русский климат был более щадящим. И добился в конце концов — вот только спасти Машеньку так и не удалось: она угасла у меня на руках в самом конце двадцать пятого, в стылом и влажном декабре, так непохожем на московский…

— А отозвали вас в середине двадцать шестого? — уточняет Порфирий Петрович, снова заглядывая в бумаги.

— Не отозвали, — поправляю я. — Просто разрешили переехать.

— Да нет, именно что отозвали. Руководство разведупра было крайне недовольно несколькими вашими последними донесениями.

— Руководство разведупра, — срываюсь я, — никак не могло понять, что давать деньги чиновникам, а потом банально шантажировать их расписками смерти подобно. А уж тем более устанавливать связь с прокоммунистически настроенными лицами: я мгновенно спалился бы. И засветил группу, которая была со мной на связи.

— Ошибаетесь, Василий Сергеевич, — по-отечески вздыхает следователь. — Истинная причина здесь в другом, совсем в другом… Кто это, а? — он выкладывает на стол фотографию.

— Вы и сами прекрасно знаете. Полковник Пильщиков, предводитель белоэмигрантской организации, куда я был внедрен.

— Отлично. А теперь посмотрите на этот снимок…

Я послушно смотрю. Тот же мужчина — дородный, осанистый, в форме с Георгиевским крестом и аксельбантом, а рядом, доверчиво положив головку ему на плечо…

— Узнаете? — Порфирий Петрович постукивает пальцем по лицу на фотографии. — Ваша любимая супруга, Мария Григорьевна, *племянница полковника Пильщикова.*

Боль в груди становится невыносимой: раскаленная игла и не думает остывать, она шевелится и вращается, расширяя рану, я уже ощущаю кровь во рту, хотя никакой крови нет.

— Неправда. Это не может быть правдой, — однако уголком сознания вдруг понимаю: может, вполне может. Если вспомнить, как легко мне оказалось познакомиться с предметом моего тайного обожания, как запросто я стал своим в их доме и сколь охотно Григорий Валерианович поощрял наше с Машенькой сближение... Припомнились и другие детали: как она осторожно выясняла, каких политических взглядов я придерживаюсь (я и правда несколько раз высказывался за сближение белоэмигрантского движения с Советской Россией — многие из этих эмигрантов на самом деле страдали вдали от родины, но боялись вернуться и тут же попасть в лапы НКВД)... Нет. Машенька, моя Машенька, милый мой черный лебедь...

— Между прочим, коли вернуться на минуту к Спиридонову... На его занятиях в «Динамо» побывал сам Лаврентий Павлович. И сделал вывод, что система защиты, которую там преподают, исключительно эффективна и полезна, в отличие от чуждого нам японского дзюдо, вот так-то. Но вернемся к вашей персоне. Вас отозвали в Москву, так как заподозрили, что вы работаете на *ту сторону*... — в голосе Порфирия Петровича лязгает железо: кажется, я был не прав насчет его роли «доброго» следователя в противовес «злому» — он вполне способен соединять в себе оба амплуа... — Вот выдержка из досье: Мария Данич работала и на службу безопасности своего дядюшки, и на японцев. Это она завербовала вас?

— Бред...

— У вас еще есть шанс, Василий Сергеевич. Назовите имя резидента в Москве, — Порфирий Петрович бросает на стол кинжал сай, отобранный у меня при обыске. — Эти иероглифы — что они означают? Пароль? Опознавательный знак?

— Это подарок... Давний.

— Ну что ж. Раз по-хорошему не получается... — он чуть откидывается на спинку стула. Его рука исчезает под столом: должно быть, чтобы нажать на кнопку.

Точно: дверь у меня за спиной отворяется. Я оборачиваюсь и вижу угрожающего вида мордоворотов: в форме, но без ремней, с закатанными по локоть рукавами и вооруженных резиновыми дубинками — такими можно забить человека до смерти, не оставив следов на теле. Числом мордоворотов шестеро. Я вдруг ощущаю, как кто-то невидимый будто встал со мной спина к спине: наверняка это тот парень, с кем я говорил в незнакомой (или, напротив, очень знакомой) тюремной камере. Кого я отговаривал от самоубийства и кому по-

казывал упражнения, которые разработал, сидя в камере-одиночке, — а ведь мне было прекрасно известно, что я никогда не выйду оттуда, и все равно каждый день тренировался по два — два с половиной часа, из чистого упрямства. Чью спину я прикрывал, когда однажды на него напали *его* враги. С кем Господь соединил меня тонкой нитью — сквозь время и расстояние, для какой-то своей непостижимой надобности. Стараясь не обращать внимания на разливающуюся в груди боль, я поднимаюсь навстречу мордоворотам. Я знаю, что сейчас произойдет.

А они — нет.

Аптека «Парацельс плюс», пятница, утро

Продавщица за стеклянной перегородкой была пухленькая и симпатичная. Алеша же, напротив, мог напугать кого угодно — хмурым небритым лицом, запавшими глазами и особенно грубоватой хрипотцой в голосе, на которую продавщица отреагировала согласно своей профессии:

— По-моему, вы простужены. Возьмите что-нибудь от горла: у нас очень широкий выбор…

— Я не простужен, — устало возразил «сыщик». — Просто вы девятнадцатая по счету аптека, куда я сегодня захожу, — и выложил на прилавок фотографию Андрея Калинкина. Фотография была так себе: Алеша «щелкнул» приятеля на камеру в мобильнике, когда тот поднимался по ступенькам клуба «Рэй», — «щелкнул» просто так, без всякой цели. Андрей на ней стоял вполоборота, и лицо его выражало легкую досаду: «слушай, я же тебе говорил, что терпеть не могу фоткаться».

— Посмотрите внимательно. Этот парень, возможно, заходил к вам в понедельник, во второй половине дня. Он искал небулайзер, ингалятор для астматиков.

Продавщица посмотрела на «сыщика» с сожалением.

— Шутите, молодой человек? Тут даже за день столько народу проходит! И потом, я же в лица не заглядываю. Мое дело товар выдать, деньги принять, сдачу отсчитать. Между прочим, вряд ли у этого парня астма: щеки румяные, прямо так здоровьем и пышут… Вы ничего не перепутали?

— Нет, — проговорил Алеша. Забрал фотографию и медленно двинулся к двери. Ноги у него отчетливо гудели.

— Подождите, — вдруг остановила его продавщица. — Можно еще раз взглянуть?

Алексей снова вытащил снимок.

— Вот это, — женщина указала мизинчиком на изображение, — ярко-оранжевое на заднем плане — что такое?

— Мотоцикл. Андрей, парень на фотографии, мог приехать на мотоцикле.

— Точно. У него шлем был под мышкой. У них еще спор вышел, кто будет девушку домой провожать…

— С кем спор?

— Ну, не то чтобы спор... Они втроем зашли сюда: этот, со снимка, еще один — худенький, в очках, типичный студент-отличник, и девушка. Девушка, конечно, красавица: мотоциклист от нее глаз не отводил. Потом предложил: давай, мол, я тебя домой подброшу. Только той, видать, больше студентик был по сердцу (хотя я бы лично мотоциклиста предпочла). Отвечает: нет, меня Миша проводит... Или Саша. А может, Гриша.

— А не Яша?

— Точно, Яша! А мотоциклист, кстати, про небулайзер меня не спрашивал. И покупать не собирался: просто подошел к витрине, прочитал... И засмеялся: видать, название показалось забавным.

Управление внутренних дел, суббота, вечер

— Что ж, примите мои поздравления, товарищ майор, — Зарубин с энтузиазмом потряс ладонь Оленина. — Или к вам положено обращаться «господин майор»? Я в нынешних реалиях не очень... Но как лихо вы его скрутили, а? Профессионалы, нет слов. Конечно, я могу за себя постоять: четвертый дан, в случае чего и сам бы справился... Но ведь инвалид, вдруг я переборщил бы, превысил, так сказать, необходимые меры самообороны... Так что я поступил согласно высказыванию одного великого мастера: «Истинная победа — та, которая достигается без боя».

— Морихей Уэсиба, — тихонько проговорил Алеша, с независимым видом листая журнальчик на жестком диване.

— А?

— Высказывание принадлежит Морихею Уэсибе, создателю айкидо.

Большой Папа живо развернулся к Алеше. Глаза его буквально лучились доброжелательством, а белозубая улыбка своей шириной напоминала улыбку американского сенатора, который снисходительно похваливает своих телохранителей, предотвративших очередное покушение: нет слов, парни, нет слов. Считайте, что премия в двадцать долларов у вас в кармане...

— А вам, господин журналист, отдельное спасибо. Вы вели себя как профессиональный переговорщик — ну, из тех, которые работают с террористами. Собственно, именно благодаря вам этот маньяк и сдался без сопротивления. Поздравляю, — он протянул грабку в сторону Алеши, но тот якобы невзначай передвинулся к противоположному краю дивана. — Скажу вам по секрету, мне его даже жалко.

— Уэсибу?

— Славу Топоркова. Мы ведь начинали вместе, в одной команде... — Зарубин вздохнул. — Кстати, какой срок ему теперь «светит»?

— Это решит суд, — устало отозвался Оленин. — Наверняка учтут смягчающие обстоятельства: возраст, состояние здоровья, тот факт, что сдался сам и потом сотрудничал со следствием...

— Состояние здоровья? — переспросил Большой Папа. — Вы намекаете, что его могут признать... гм... психически нездоровым? А что, это вполне воз-

можно. Сначала служба в горячей точке, потом тюрьма, потом жена сообщила ему, что уходит и забирает дочку. Затем какие-то неизвестные бандиты покалечили и бросили в лесу умирать...

— Неизвестные бандиты, говорите?

— А у вас, что, есть другие сведения?

— Скажите, Топорков приходил к вам после того, как вышел на свободу?

Зарубин с досадой провел ладонью по лицу.

— Коли спрашиваете, значит, знаете, что приходил... Не сразу, года полтора о нем вообще не было слышно: возможно, уезжал куда-нибудь, пытался заработать... Пришел где-то в конце января: помню, мороз стоял... У меня были гости: Валера Стаднюк и трое старших учеников: Иван Рухадзе, Никита Потапов и Денис Сандалов. Сидели, пили чай, обсуждали перспективы развития клуба... Вдруг врывается Топорков — пьяный, а может, «под кайфом»... Начинает прямо с порога требовать денег...

— Тех, что вы ему обещали с подпольного «тотализатора»? — поинтересовался Алеша.

Сенаторская улыбка Зарубина стала чуть снисходительной.

— Антон, кажется...

— Алексей.

— Простите, Алексей... Я понимаю: вы, журналисты, люди творческие и с фантазией. Но давайте придерживаться фактов: деньги были *конфискованы,* понятно вам? Они такой же миф, как и то, что дух Василия Ощепкова являлся Славе Топоркову во время отсидки. Кстати, вот вам лишнее подтверждение его невменяемости.

— Так чем же закончилась ваша встреча? — спросил Оленин.

— Ничем хорошим. Слава полез в драку, мы пытались его урезонить, но какое там. Потапов и Рухадзе дали ему отпор — да, тогда они, возможно, несколько превысили те самые необходимые меры...

— То есть придушили полиэтиленовым пакетом, переломали ребра и ноги бейсбольной битой, отвезли в лес и бросили умирать — в надежде, что все спишут на подростковую банду...

— Браво, — Зарубин откинулся на спинку стула и похлопал в ладоши. — Просто бис! И кто же вам такое наплел? Сам Топорков? Почему же тогда он молчал столько времени? Почему не дал показания, пока лежал в больнице?

— Это рассказал не Топорков, — сказал Сергей Сергеевич. — В больнице, в экстренной хирургии, с ним действительно беседовал оперативник, но Топорков заявил, что не помнит, кто на него напал и как он вообще оказался в лесу, далеко за городом.

— Вот видите. Типичный случай амнезии после черепно-мозговой травмы...

— Но был еще один участник. Точнее, еще один *свидетель* — Денис Сандалов.

— Денис? — искренне удивился Большой Папа. — Этот-то придурок здесь при чем?

— Эк вы о собственном ученике... Денис рассказал, как вы, Стаднюк, Потапов и Рухадзе договорились расправиться с Топорковым. Сам он в избиении участия не принимал, но сделал видеозапись, где запечатлены вы все — вся ваша четверка. Он хотел подстраховаться: понимал, что ему тоже грозит опасность. И это, кстати, ему удалось: вы испугались и не посмели его тронуть.

— Чушь, — спокойно сказал Зарубин. — Если бы такая видеозапись существовала, вы давно бы сунули ее мне под нос. И с радостным визгом надели на меня наручники — прямо тут, в кабинете. А его показания... Это же, простите, обычные слова. Его слова — против моих. Если дело дойдет до суда (хотя я сильно сомневаюсь), кому поверят скорее? Мне, заслуженному тренеру, или какому-то сопляку? Так что вынужден вас разочаровать, господа: у вас против меня ничего нет. Ни единого факта, — от выгнул запястье и посмотрел на часы на массивном золотом браслете. — О, засиделся я, пора и честь знать. Если ко мне больше нет вопросов, господин майор, не откажите в любезности, подпишите мне пропуск, а то ведь не выпустят. Впрочем, если вопросы остались — готов на них ответить. Только сначала вызову своего адвоката.

— Вашего адвоката? Не того ли самого...

— Именно. Того самого, который объяснил Славику, что лучший для него выход — попариться на нарах в одиночку. Классный, кстати, специалист, из таких ситуаций меня вытаскивал... Ну так что, позвонить ему?

— Не трудитесь, — спокойно сказал Сергей Сергеевич. — Уликами против вас мы действительно не располагаем. Что касается свидетелей — вы правы, Сандалов в этом смысле крайне ненадежен, остальные — Рухадзе, Потапов и Стаднюк — мертвы. Так что можете отправляться домой. Пропуск вам выпишет наш сотрудник, подождите минутку...

Пропуск Зарубину выписывал Павел. Дядя Слава не обманул: состав на дротике и вправду оказался только усыпляющим. В клинике оперативнику сделали анализ крови и отпустили восвояси.

Вечер из сиреневого плавно перетек в густо-фиолетовый. Майор Оленин, стоя за углом здания управления, поплотнее запахнул на себе пиджак и философски поинтересовался:

— Скажи, мой юный друг, сейчас лето или не лето?

— Лето.

— Блин, а что же холодно-то так... И еще ответь: почему я, майор полиции, вечно иду на поводу у тебя, журналюги из «желтой» газетенки?

— Почему «желтой»? — обиделся Алеша. — Вполне приличный еженедельник: телепрограмма, кроссворды, советы дачникам... Ну да, и криминальные новости, куда же без них. А почему идете на поводу... Потому что Зарубин нам

только что наглядно показал: прихватить его не на чем. Остается единственный выход: спровоцировать. Или я не прав?

— Прав, конечно, — Оленин поморщился, как от зубной боли. — Ага, выходит. Ну, и нам пора.

Большой Папа вышел из дверей с видом победителя. Подошел к припаркованному у тротуара лексусу и, прежде чем сесть за руль, показал светящимся окошкам управления вытянутый средний палец.

— Вот же гад, — пробормотал «сыщик» и обернулся, увидев сзади мигнувшие фары.

Безликая мышиного цвета «девятка» остановилась рядом и гостеприимно распахнула дверцы.

— Садитесь скорее, — сказал Силин. — Он сейчас отчалит.

— Ты ему маячок прикрепил? — спросил майор.

— А то как же. Целых три. Возьми ноутбук на заднем сиденье.

Черный лексус меж тем тронулся с места. Теперь пассажиры в «Жигулях» наблюдали его в двух ипостасях: в виде красных габаритных огней впереди и желтой светящейся точки, медленно ползущей по карте города на экране.

Некоторое — довольно продолжительное — время джип исправно пер по прямой, вдоль идеально ровного Ленинского проспекта, испещренного огнями, светящимися рекламами и неоновыми вывесками на барах, ресторанах, банках и дорогих бутиках, ныряя в тоннели и выныривая из них, — словом, водитель вел себя как обычный человек, наслаждающийся крутой недешевой тачкой и не подозревающий о слежке за собой.

— А если заподозрит? — спросил Алеша с заднего сиденья. — Как мы ему объясним?

— А мы и не следим, — беспечно отозвался майор. — Мы типа охраняем. Вот интересно, куда он направляется?

— Ставлю свое журналистское удостоверение против вашего пистолета, что не домой, — заявил Алеша.

— Удивил, — хмыкнул Оленин. — Ясно, что не домой. Я спрашиваю, *куда?*

— Может, к Сандалову? — высказал предположение Силин. — Трое соучастников мертвы, осталось мочкануть последнего и пошукать насчет видеозаписи…

— Да ну, — отмахнулся майор. — Как он представляет себе эту запись? Как бобину с кинопленкой, что ли?

— Денис говорил, она на одном сайте, под хитрым паролем, — проговорил Алеша. — Ой, чего это он?

Джип впереди резко вильнул, будто у него лопнуло колесо. Затем его повело в противоположную сторону — он выскочил на «встречку», заставив шарахнуться прочь какую-то глазастенькую малолитражку, но тут же выправился и снова поехал прямо, заметно увеличив скорость.

— Что там происходит, а? — нервно спросил Оленин. — Ты видишь что-нибудь?

— Ни черта, — пробормотал Силин, едва не привстав за рулем. — Этот чмошник стекла затонировал.

— У него на передних сиденьях стоят подголовники?

— В базовой комплектации — факт, стоят.

— Я не про базовую комплектацию, — раздраженно сказал майор. — Я конкретно про Зарубина. Ты влезал в его машину, пока мы беседовали…

— Не обратил внимания, — серьезно ответил Силин. — Извини, командир, лажанулся… А ты, что, полагаешь, их там двое? Но где второй мог подсесть? Зарубин нигде не останавливался…

— Он не подсаживался, — деревянными губами произнес Алеша. — *Он уже был там.*

— Не говори ерунды. Я тоже там был, когда ставил маячок под приборную доску. Как я мог не заметить человека в салоне?

— Он *ниндзя,* — сказал «сыщик». — Не такой, как те, в «Игуане», а *настоящий.*

30 часами ранее. Улица Уточкин Пруд

— Опять вы? — без выражения спросила женщина.

С тех пор, как Алеша увидел ее впервые, она не изменилась ни на йоту: тот же простенький ситцевый халат, косынка на голове, тапочки на босу ногу… Только глаза казались, пожалуй, посветлее прежнего, будто выцвели за неполные сутки.

— Простите, — сказал Алеша. — Я все понимаю… Но, пожалуйста, мне очень нужно осмотреть гараж Андрея.

— Зачем?

— Хочу вычислить убийцу.

— Моего Андрюшу этим не вернешь.

Алеша промолчал. Молчала и Софья Петровна — еще минута, и «сыщик» бы не выдержал, ушел восвояси. Однако она сказала:

— Пойдемте, — и сняла ключи с гвоздика.

Они спустились во двор. Стояла теплынь, по обыкновению вились комары (ну да, пруд рядом), и пенек перед «стойлом» носил следы недавнего пира: пара пустых пивных банок, жестяная тара из-под шпрот и безалаберно брошенная краюшка хлеба. Софья Петровна собрала мусор в кучу (Алеша помог) и бросила в урну у подъезда. Подошла к гаражу, сунула ключ в замочную скважину и одновременно повернула ручку, освобождая защелку. Алеша внимательно проследил за ее действиями, задумчиво почесал затылок и спросил:

— А дверь, что, всегда открывается вот так — без скрипа?

— Андрюша часто петли смазывал, — без удивления отозвалась женщина. — Он вообще был аккуратным — во всем, что касалось этого его… «стойла». И за мотоциклом ухаживал, как за живым… — она провела ладонью по вытертому кожаному сиденью. — Хотела продать — рука не поднялась. Все кажется: придет Андрюша, спросит… Что я ему скажу?

Алеша медленно вышел наружу. Дотронулся рукой до нагретой за день гаражной двери, аккуратно подергал ручку и спросил:

— Не помните, когда Андрей поставил этот замок?

— Недели две назад, — отозвалась Софья Петровна. — Потом обнаружил, что поставил вверх ногами, а переделывать не захотел: пусть, мол, так и останется, — она вытерла руки о передник. — Ну что, помогла я вам?

— Да, — сказал «сыщик».

Суббота, 23.40

Два габаритных огня впереди вдруг слились в один: лексус явно уходил в отрыв.

— Куда же он торопится? — пробормотал Оленин. — Клуб «Рэй» далеко, дом Зарубина еще дальше, Сандалов живет вообще в другой стороне… А ты что молчишь? — не с того ни с сего набросился он на Алешу. — Хоть какие-то соображения есть?

— Я думаю, — отозвался тот, напряженно вглядываясь в экран. — Сейчас впереди Фестивальная, затем Набережная… Сергей Сергеевич, он туда и стремится.

— На Набережную? — озадачился майор. — Хочет уйти на левый берег? Но там нет моста, мост километрах в пяти, южнее…

— Он не хочет уходить. Он хочет покончить разом — и с собой, и с Зарубиным. Проломить парапет — и в воду.

Сергей Сергеевич потянулся к телефону.

— Дежурный? Майор Оленин из областного управления. Преследую автомашину «Лексус» черного цвета, госномер «Анна, три четверки, Анна, Владимир», в машине особо опасный преступник — возможно, с заложником. Двигается в сторону Набережной. Передайте всем постам в прилегающих районах: принять меры к задержанию…

Трубка что-то профырчала в ответ.

— Что? — не понял Оленин.

— Я спрашиваю, преступник вооружен?

Майор чуточку подумал.

— Да, вооружен, — и добавил в сторону: — Он сам по себе оружие.

— Сергей Сергеевич, — негромко сказал Алеша, — нельзя. Он увидит патрульные машины, занервничает и убьет Зарубина раньше. Его надо перехватить. Попробовать поговорить — чем черт не шутит…

— Переговорщик, — хмыкнул Оленин. — Как его достанешь? «Жигуленок» против джипера…

Силин вдруг резко вывернул руль. «Девятка», привстав на два колеса, на полной скорости свернула с дороги в какой-то темный двор.

— Ты что?! — заорал майор. — Упустим же!

— Ты, Глеб Егорыч, у себя в кабинете командуй, — отозвался оперативник фразой из классики. — А тут я начальник… Догоним, никуда не денется.

Только теперь Алеша оценил мастерство Силина как водителя. Их машина неслась по хитросплетениям дворов-«колодцев», арочных переходов и узких проулков примерно с той же скоростью, с какой нормальный водитель едет по свободному от пробок автобану. Несколько раз «сыщик» зажмуривался в уверенности, что они с маху налетят на столб, дерево или угол дома, и каждый раз до боли прикусывал себе язык, чтобы случайно не вскрикнуть: сейчас любой посторонний звук мог помешать…

…Они вылетели на Набережную почти одновременно, с двух сторон. Мелькнули справа темные речные воды, вычурная решетка парапета, стела, посвященная покорителям космоса, скамейки, обычно засиженные молодняком и бабульками из окрестных домов… Сейчас все до одной скамейки пустовали: будто незримый режиссер обставил финальную сцену своего спектакля. Две машины неслись навстречу друг другу, как два самолета в лобовой атаке. Силин ударил по тормозам первый: «жигуленок» развернуло боком, но, едва ли не прежде, чем он остановился окончательно, Алеша толкнул дверцу и кубарем выкатился наружу.

— Ах ты… — простонал Оленин, выскакивая следом. И мигом припал на корточки за передним крылом, ловя на мушку «макарова» лобовое стекло джипа. Со стороны водительской дверцы зеркальным отображением майора застыл Силин с пистолетом наизготовку.

— НЕ СТРЕЛЯТЬ!!! — шепотом прокричал Алеша, без надежды, что его услышат.

ЧАСТЬ III
НИНДЗЯ

Улица Набережная, суббота, 23.55

Дежавю — вот какое чувство он вдруг испытал. Не так давно он стоял посреди зарубинского кабинета, будто на ничейной полосе, которую по очереди перепахивает минометным огнем то одна, то другая сторона. «НЕ СТРЕЛЯТЬ» просил, заклинал, умолял он, защищая… кого? от кого? Одно-единственное лишнее движение, слово, просто косой взгляд — и тогда бы уже не обошлось без криков, выстрелов, бега по потолку, пулевых пробоин в стенах, трупов в черных пластиковых мешках и — крови, крови, целых ее рек, ручейков и озер…

Шансов выжить теперь, когда на него неслась черная громада лексуса, было еще меньше. Тем не менее он стоял — прижавшись спиной к парапету, зажмурившись и зачем-то раскинув руки в стороны, будто собирался взлететь. «Бедный Большой Папа, — подумалось с последней усмешкой, — не успел спастись из лап одного террориста, как сразу угодил к другому. Лучше бы еще тогда, после закрытия клуба, ушел в монастырь замаливать грехи — может, и обрел бы просветление…»

Резко взвизгнули тормоза. Глаз Алеша так и не открыл, но по запаху нагретой резины предположил, что джип остановился метрах в пяти от него. Или в трех.

Из машины никто не вышел. Но в кармане у «сыщика» ожил мобильник.

— Слушаю, — сказал Алеша.

— У меня сейчас нога на педали тормоза, — услышал он знакомый голос. — Представляешь, что будет, если я ее отпущу?

— Нет, — признался «сыщик». — Но, думаю, моим яйцам будет неприятно. Зарубин с тобой?

— Со мной. Жив, правда, в отключке. Я его к поручню пристегнул.

— И что собираешься делать дальше? На пару — в омут с крутого бережка?

— А что, есть другие варианты? Вы же его отпустили.

— Потому что Топорков снова взял вину на себя. А Денис промолчал из трусости и мелкого расчета. Теперь оба дадут правдивые показания. Денис в редакции показывал мне видеозапись — она на самом деле существует. На ней Большой Папа, Стаднюк, Рухадзе и Потапов. Все, кто участвовал в избиении Топоркова. Теперь Зарубину не отвертеться, — Алеша помолчал. — Не пойму, как тебе удалось сладить со Стаднюком. Все-таки четвертый дан...

Собеседник усмехнулся.

— Четвертый дан — это когда ты в белом кимоно, на ковре, правила известны и боковые судьи в случае чего бой остановят. А когда твою машину на загородном шоссе тормозит замухрышка-очкарик в кепочке и с корзинкой грибов, вежливо спрашивает, как добраться до ближайшей деревни... Тогда ты уже никакой не дан — просто мишень.

— Понятно. Потапова и Рухадзе ты подловил примерно так же?

— Ну да, — безмятежно подтвердил Яша Савостиков. — Вернее, они сами подловились: я в тот вечер завис у Друида — мы в «Коммандос» резались, это такая компьютерная игра...

— Знаю.

— Смотрю на часы — поздно уже, Светка заждалась. Выхожу из подъезда — они тут как тут, мои триста рублей им, придуркам, понадобились... Я их и положил быстренько: они, поди, и понять ничего не успели.

— А сказку про четырех ниндзя зачем придумал?

— Все затем же. Если бы я сказал, что убийца был один, вы бы дядю Славу сразу вычислили: настоящий мотив убить обоих был только у него. Так мы друг друга и прикрывали: я его, он — меня...

— Это он тебя всему научил?

— Он, — подтвердил Яша. — Сперва он Светку отвел в секцию, но та борьбу воспринимала... как фигурное катание, что ли. Она видела красоту во всех этих бросках, кульбитах, подножках — ее интересовал сам *процесс.* Ей, кажется, даже было все равно, выиграет она схватку или проиграет. Наверно, поэтому почти всегда и выигрывала... А я... Я, когда увидел, чем дядя Слава владеет *на самом деле,* чуть ли не на колени перед ним встал. Мне хотелось, чтобы он сделал из меня... нет, не бойца — бойца из меня бы не вышло. Убийцу.

— Чтобы ходить по темным улицам, — вспомнил Алеша, — ждать, пока тебя захотят ограбить...

— Ага. И валить их насмерть, чтобы у других таких же недоумков отпала охота издеваться над теми, кто кажется слабее, — собеседник вздохнул. — Тренировался, как проклятый, по несколько часов в день. Иногда по ночам — потом на лекциях засыпал безбожно…

— А тех, у «Игуаны», ты за что?

— Как за что? — удивился Яша. — Мне Андрей рассказывал, как они какую-то молодую девчонку столкнули под поезд. По большому счету, они все были подонками: и Потапов с Рухадзе, и те двое, и Стаднюк…

— То есть ты решил взять на себя роль судьи, да?

— Вот уж нет, — серьезно отозвался Яша. — Судьей, скорее, был ты, а не я. Ты спросил у девушки приметы фургона — и она погибла. Заявился в «Игуану», да еще прихватил меня с Андреем — и подписал приговор тем двоим. Так что никакой я не судья. Скорее, гильотина… Кстати, о гильотине: могу предложить еще один вариант. Я отдаю вам Зарубина, а вы меня отпускаете. В общем-то, я мог бы и так уйти, вряд ли вы бы меня остановили — хоть втроем, хоть вдесятером. Но… хотелось бы это сделать мирно, понимаешь? Навоевался я.

— Уйти? — переспросил Алеша. — И куда же ты подашься? Опять к Свете под крылышко?

— А что? Она привыкла меня защищать (представляешь, как смешно было, когда она заступалась за меня перед всяким хулиганьем!), пусть и на этот раз защитит. Спрячет где-нибудь. Потом, когда все уляжется-успокоится, добудем новые документы и уедем далеко-далеко, в теплые страны. Жизнь с чистого листа — чем плохо?

— Она не согласится, — возразил Алеша.

— Почему?

— Она тебе Андрея никогда не простит.

Трубка помолчала.

— Не простит, тут ты прав. У них же вроде любовь намечалась… А как ты понял, что Андрея — тоже я?

— Да я, собственно, только с его смертью и начал тебя подозревать, раньше метался между Зарубиным и Сандаловым… Я ведь нашел ту аптеку, куда вы заходили втроем. Андрей увидел название на упаковке, позвонил мне. Укорил: «Что же ты с третьего раза запомнить не можешь? Кто-то с первого запоминает…» А если дело было не в лекарстве, а просто в сложном названии, которое обычный человек с первого раза не воспроизведет — обязательно ошибется и переспросит? Помнишь, в прошлую субботу, в парке, возле планетария, Андрей показал один сложный прием карате: *уро-маваши-гери,* круговой удар ногой в верхний уровень… Ты сказал: «Ну его, твой уро-маваши-гери, мне бы что-нибудь попроще». Не переспросил, не запнулся, не ошибся… Андрей тогда, наверно, удивился, но не придал значения. Позже стал присматриваться — и обнаружил, что ты владеешь боевым искусством куда лучше его самого.

А потом я осмотрел гараж... точнее, дверь гаража. Обычно, чтобы открыть замок, ручку опускают вниз. И я сначала сделал так же: замок лязгнул, но не открылся. Оказалось, ее нужно было поворачивать наоборот, *снизу вверх.* Я поинтересовался у Андрея, кто из его друзей побывал в «стойле». Он ответил: «Ты первый. Точнее, третий: я еще Светлану с Яшей сюда приводил». Ты знал о секрете замка. Поэтому и сумел сделать все как надо: бесшумно войти, бесшумно убить... Андрей ведь даже головы в сторону двери не повернул.

— Его я убивать не хотел, — грустно проговорил собеседник. — Мы же с ним подружились почти по-настоящему. Черт возьми, даже если бы Светка его в конце концов предпочла — что с того? Девчонок вокруг пруд пруди — настоящих друзей мало. Что бы ему не промолчать — нет, начал приставать с расспросами: а что это за школа, кто научил, почему скрываешь?.. Потом вдруг вспомнил про Потапова с Рухадзе... — он вздохнул. — Вот и прикинь, кто ему приговор подписал. Ага, зашевелился...

— Кто?

— Зарубин. Это хорошо: жалко было бы, если бы он так и не увидел, как ко дну идет. Значит, отпустить меня ты не можешь. Тогда отойди с дороги. Я против тебя ничего не имею, не хотелось бы, чтобы и ты месте с нами... Не отнимай у меня право на последний полет.

Алеша покачал головой.

— Не могу. Я тоже не судья. И не Бог. Я, как выразился твой сосед, которого ты пристегнул к поручню, обычный журналюга из «желтой прессы». Так что решай: захочешь в реку — ухнем вместе. Я не уйду.

Некоторое время джип молчал. Наконец Яша проговорил:

— Можешь ответить на один вопрос? Только правду, как на Библии?

— Спрашивай.

— Та видеозапись, о которой ты говорил, которую тебе показывал Денис Сандалов, — она действительно существует?

— Да. Она у меня в компьютере, на жестком диске.

— Слово?

— Слово.

Дверца лексуса со стороны водителя мягко отворилась. Алеша медленно, на негнущихся ногах подошел и заглянул внутрь. Зарубин на пассажирском сиденье потихоньку приходил (но еще не пришел окончательно) в себя: губы его беззвучно шевелились, точно плавники у глубоководной рыбы, и он слабо подергивал запястьем, прикованным к поручню справа над головой. Яша Савостиков сидел на водительском месте. Его руки свободно лежали на руле — с тем расчетом, чтобы на них можно было спокойно надеть наручники.

Воскресенье, ж/д вокзал «Город-1»

До отправления электрички до Знаменки оставалось чуть больше пяти минут, а любимая свояченица и не думала появляться. Платформа потихоньку пустела:

пассажиры спешили занять места поудобнее, выходившие «подымить на свежем воздухе» успели докурить сигареты до фильтра, стремившиеся затариться пивом в дорогу — затарились в ближайшей к перрону торговой точке. Двое каких-то мрачных мужиков в оранжевых спецовках, точно подземные духи, выползли из-под вагона и побрели вдоль путей, обсуждая какие-то свои профессиональные проблемы. Алеша проводил их взглядом и, поморщившись, посмотрел на часы.

— Ну и где их высочество? Если на эту электричку она опоздает, следующая только вечером.

— Не нервничай, — успокаивающе сказала Наташа. — Ксюша говорила, Вадик ее привезет на вокзал.

— Это тот Прыщ, который делает тату на Мейерхольда? — «сыщик» осуждающе покрутил головой. — Нашла кому племянницу доверить.

И тут же увидел ее воочию.

Воистину, Ксюха обставила свое появление с истинно королевским величием. Она невесомо шла... нет, *ступала* по перрону — юная, прекрасная, длинноногая, облаченная в короткую джинсовую юбку и ярко-желтую блузку, дерзко завязанную узелком на животе. Из вещей она была отягощена только изящной дамской сумочкой размером с компьютерную флешку. Остальной багаж, как то: фирменный чемодан на колесиках, широченная шляпная коробка и два объемистых пакета с «городскими» покупками — по-рыцарски тащил за прекрасной дамой некий молодой человек — аккуратно (и явно недешево) постриженный, в идеально подогнанном строгом костюме с галстуком, ослепительно белой рубашке и модных остроносых ботинках, глядясь в которые можно было смело бриться опасной бритвой. Оксфорд или Кембридж, решил про себя «сыщик». В крайнем случае, Высшая экономическая школа, законченная с красным дипломом, практика в офисе крупной нефтеперерабатывающей компании с последующим открытием собственного филиала в одной из стран третьего мира — любопытно, как Ксюха сумела надыбать этакого принца в наших палестинах?

— Заждались? — безмятежно спросила та. — Мы с Вадиком недалеко от вокзала в пробку попали, стояли минут двадцать. Кстати, познакомьтесь: дядя Леша, тетя Наташа, это Вадик. Вадик, это дядя Леша, это тетя Наташа.

Тот поставил чемодан, освобождая правую руку, и пожал Алеше ладонь.

— Э-э... Вадим? — озадаченно переспросил «сыщик», по случаю жаркой погоды еще с утра облачившийся в цветную гавайскую распашонку и обрезанные до колен джинсы. — Тот, у которого тату-салон?

— Совершенно верно, — открыто улыбнулся «принц». — А еще — две художественные галереи и небольшой клубный ресторан, — он протянул Алеше визитку. — Так что, если захотите провести вечер в изысканной обстановке, милости прошу.

— Гм... Спасибо, — кашлянул Алеша, представлявший себе Вадика Прыща несколько иначе (самым скромным в этом «представлении» была сигарета с марихуаной и несвежая футболка, концептуально вывернутая швами наружу).

— Ну, ладно, долго прощаться не будем, — Ксюша чмокнула в щеку сначала Наталью, затем, чуть привстав на носочки, Алексея. — Соскучитесь — звоните, номер мобилы вы знаете. Вадик, что стоишь, помоги отнести вещи в вагон.

...Потом она высунула мордашку в приоткрытое окно и долго махала им, оставшимся на перроне. И они махали в ответ, пока мимо не проплыл последний вагон.

— Вас подвезти? — учтиво спросил Вадик. — У меня машина за углом.

— Не нужно, — отозвалась Наташа и взяла мужа под руку. — Мы пешочком.

В полуквартале от Привокзальной площади они набрели на стеклянную пирамидку кафе-мороженого. Зашли, сели за свободный столик, заказали по бокалу вина, кофе «капучино», потом Наташа, поразмыслив, добавила в заказ вазочку с десертом. Пробормотала, погрузив ложечку в лакомство: «Завтра на тренажере не полчаса, а сорок минут...»

Алеша задумчиво посмотрел в широкое окно: буйство зелени на бульваре, стайки воробьев, купающихся в пыли, солнце и единственное бледное облачко на горизонте: день обещал быть жарким. И вдруг поймал себя на том, что, пока они нервничали на пару, ожидая Ксюшу на вокзале, он *хотел, чтобы та опоздала.* Чтобы, взмыленная и запыхавшаяся, точно скаковая лошадь, прилетела на перрон, когда электрички бы уже и след простыл. Они бы всласть отругали несносную девчонку за безответственность («у тебя, что, часов на руке нет или цифры в школе не учила?»), но тут же помирились бы и отправились домой втроем, как раньше, и Ксюха осталась бы еще на чуть-чуть: хоть на пару дней. Или хотя бы до вечера. И дом снова наполнился бы бестолковым шумом, разбросанными где попало вещами, DVD-дисками (свояченица фанатела от Жанны Фриске и группы «УмаТурман» и со снисходительным одобрением следила за творчеством Аркадия Укупника), пустыми пакетиками из-под чипсов *с ароматом креветок* и бесконечной, как сериал «Великолепный век», трескотней по скайпу. Всем, что так досаждало Алеше (и иногда не на шутку раздражало), пока родственница гостила у них. И чего он теперь лишился на целый год (у Ксюхи начиналась некая загадочная летняя практика, плавно переходящая в выпускной класс). Конечно, Знаменка — не Владивосток и не Хабаровск: всего-то и надо, что сесть на электричку и смотаться на выходные... да даже на целую неделю, взятую в счет отпуска (Ангелина Ивановна поворчит, но отпустит).

Вот только благие намерения почему-то часто так и остаются благими намерениями.

«Я буду скучать по тебе».

— Ты тоже об этом подумал? — спросила вдруг Наташа.

— О чем?

— Что пора бы нам завести свою... Ксюшу. Или Маринку, или Сережку...

— Или сразу обоих, — «сыщик» улыбнулся. — Предлагаю прямо сегодня над этой задачей и поработать всерьез... Тебя в клинику-то не вызовут? Вдруг опять какой-нибудь сложный пациент...

Супруга открыла сумочку, вынула мобильник, отключила его и вновь спрятала в сумочку.

— Пусть попробуют.

Алеша согласно кивнул и потянулся в карман за своим телефоном — сделать то же самое.

И телефон, словно почувствовав это, вдруг зазвонил.

— Меня нет, — твердо сказал «сыщик». — И не будет до завтрашнего утра.

Телефон, однако, оказался настойчив.

— Две минуты, ладно? — досадливо попросил Алеша.

Наталья тяжело вздохнула. И кивнула головой, снова занявшись десертом.

— Слушаю, Сергей Сергеевич, — сказал Алеша в трубку. — Я, признаться, и соскучиться не успел... Сегодня? Нет, на сегодня у меня другие планы... Какие-какие. Разные. Ну какая редакция, воскресенье же. А вы, что, как всегда на службе?

Некоторое время он слушал, задумчиво теребя подбородок. Потом спросил:

— Как, говорите, ее фамилия? Чарская? Это которая *Жрица Змеиного царства*? Хотите пригласить на представление? Вообще-то я змей боюсь... Почему отменяется? У нее же гастроли еще неделю...

На том конце что-то коротко и энергично объяснили.

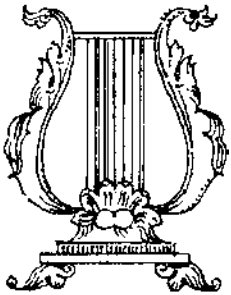
— Вон оно что... — удивленно протянул Алексей. — Ее, что, так и обнаружили — в гостиничном номере, на диване, в обнимку с пятнистым удавом? Как же ей разрешили в гостиницу — да с таким чудищем? Ах, ну да, кто может запретить *самой Чарской...* И свидетелей никаких? И номер изнутри заперт? Так, может, удав ее и задушил?

— Да нет, не похоже, — отозвался Оленин. — Хотя кто-то очень стремился создать такую видимость.

Алеша исподтишка посмотрел на супругу. Та меланхолично скребла ложкой по дну пустой вазочки.

— Адрес диктуйте, — сказал «сыщик».

От автора: *выражаю сердечную благодарность моим наставникам и друзьям по татами: Сергею и Елене Лычагиным, В.И. Дроздову, Игорю Кучеренко, Юрию Гришину и всем, кто меня поддерживал и был рядом.*



ПОЭТИЧЕСКИЙ КЛУБ «Я СЕНЬ»

Стихи

Татьяна РУЗАЕВА

ВЫДОХ

Стих — это вызов
ленивой судьбе,
Всё перепутавшей, лёжа в халате.
Стих — это отзыв
на стук по трубе
Узника в дальнем сыром каземате.

Стих — это вывих,
застывшая боль,
Крик —
от рывка
для вправленья сустава.
Стих — это вылет
из клетки —
в любовь —
Ионосферу родного состава.

Стих — это выдох,
возможность дышать,
Не задохнуться от переполнения.
Стих — это выход,
попытка сбежать
С плахи отчаяния
в стихотворение.

Лидия МОКШАНЦЕВА

МАМА

Распахни на рассвете окно —
Дух черемухи мёдом прольётся,
И вдруг вспомнится: как же давно
С мамой виделись — сердце забьётся.
Как беспечны бывали порой
И скупы на слова и вниманье,
А вдали человек дорогой
Ждёт: приедешь — дано обещанье.
Но тебя не пускают дела,
А она «все глаза проглядела»,
Ночью длинной совсем не спала —
И в молитве о детях радела.
Собирайтесь — душа позвала,
И быстрей ветра к маме летите,
Чтоб она всех счастливей была.
...Опозданья себе не простите.

Елена НОНИК

* * *

Он не умел мечтать — и слава Богу!
Я не умела плакать — слава мне.
Пускаясь утром в дальнюю дорогу,
Мы не любили думать о зиме.
Слепило солнце яростно в зените,
И плыли за кулисы облака...
И мы сошлись на том, что карты биты,
Но лето всё же лучше, чем зима.

Юрий САЛЕЕВ

* * *

Отшумели зимние метели,
Дело-то уже дошло до гроз.
Почему скворцы не прилетели?
Нет их среди яблонь и берёз.

И не слышно гомона-веселья
В маленьких скворечниках-домах.
Не справляют птицы новоселья,
Канул в бездну птичьих крыльев взмах.

Почему ж они не прилетели?
Может, побоялись грозных гроз?
Нет, скворцы терпеть не захотели
Всех экологических угроз!

Александра ОДРИНА

* * *

Что нам весна? Что нового в луче,
Который чуть теплее, чуть подольше?
Что нам в движенье сока белой рощи,
Что от корней к ветвям бурлит звончей?

Что нам зимы запятнанный подол,
Неужто он фаты кипенной краше?
Ведь нам известно всё, что будет дальше:
Ну, прирастёт ещё кружочком ствол,

Ну, выйдет в люди старый самовар,
Что выносили в сад — весну какую,
И сам хозяин счёт вести устал, —
Но медный бок, на солнышке ликуя,

Как феникс новоявленный, восстал,
Мерещась всей округе Superstar.

Любовь ФЕДЯНИНА

НАДЕЖДА

Последнею надежда умирает.
Поманит, позовёт и улетает,
А я, наивная, бегу вдогон.

Вот так меня дразнила и пропала,
Сложила крылья, видимо, устала —
Окуклилась до будущих времён.

Лидия СМЕЛКОВА

* * *

Мёрзлые ягоды, мёрзлые листья —
Лакомство птиц на рябиновых кистях.
Нравится мне их с горчинкою вкус
И на снегу — ожерелье из бус.
Стыло, морозно, а вспомнилось лето,
Цветом рябиновым всё обогрето.
Ягоды с птицами чем-то похожи,
Греться на солнце им хочется тоже.
Тянутся к свету, любви и добру
Кисти рябины в сосновом бору.

Валериан АЛЕКСАНДРОВ

ПОЧТИ ВЧЕРАШНЕЕ

Одноклассники мои разные…
Годы школьные, время праздное
Отсверкало деньками-стразами,
Яркой вольницей перемен,
Заморочками правил каверзных
И шпаргалок, в гармошку спаренных,
От штанов, перешитых маменькой,
До подделок «а-ля Карден».

В туалетах — заначки курева,
На стене — рифмоплётства дурево,
И в записочках балагуревых
Брызги чувства — через края.
Физкультура весной во дворике,
Дружба — крестиком, знанья — ноликом,
Грусть до времени, смех до коликов,
Сказки девичьего вранья.

Шаровары, клеша и «дудочки»,
На экзаменах уши в трубочку,
Турандоты, Офелии, дурочки,
Боль огромная малых потерь.
Многоликие и безликие,
Незаметные и «великие»…

Годы часиками протикали,
Закрывая за нами дверь…

Жизнь расставила всё по полочкам,
Подмела от надежд осколочки,
Косы срезала, сбрила чёлочки,
Провожая нас со двора…
Мои разные одноклассники,
Время лучшего соучастники,
Пусть живёт ощущение праздника
В нашем самом счастливом Вчера!

Галина МОРДОВИНА

ЕЩЁ ЦВЕТНЫЕ СНЯТСЯ СНЫ

Ещё пока смотрю легко
На то, как догорает лето.
Ещё разлука далеко —
И не хотелось бы об этом…

Ещё пока не гаснет взгляд,
Не выдаёт себя усталость,
Ещё никто не виноват
В том, что тепла уж не осталось…

Ещё дожди не так грустны,
Да и зима в дороге где-то…
Хоть меньше солнечного света,
Ещё цветные снятся сны.

Нина ШЕМЕНКОВА

ВЕСЕННЕЕ ЦВЕТЕНЬЕ

Весеннее цветенье,
Как цвет в душе моей…
Оно — моё спасенье:
Весною дни светлей!
И ярче обозренье,
И краше мир — в цвету!

Со мною вдохновенье —
С ним под руку иду…
Проигрываю песни:
«С них первоцвет сорви.
Вот-вот… и почка треснет
На дереве любви…»

Татьяна СЫЧЁВА

БРОДЯГА

Как надоело быть свободной,
Любви всё нет и нет.
А тут бездомный пёс голодный
Вдруг увязался вслед.

Бока в репьях, а взгляд просящий:
«Ну кинь хоть что-нибудь»,
И чувство жалости щемящей
Мне сдавливает грудь.

«Пойдём со мною, бедолага,
Тебя я накормлю», —
И глажу рыжего бродягу,
И… кажется, люблю.

Владимир РОГОЖКИН

ДОЖДЬ, ПОХОЖИЙ НА ТЕБЯ

И разверзнутся «хляби небесные»,
Забеснуются злые дожди.
Налегке, в полушалочке белом,
Скажешь: «Больше меня ты не жди!»
Убежишь, всё оставив за дверью!
Только жизни с нуля не начать.
Будет дождь за окном суетиться,
А я буду курить и молчать.
Будет ветер листвой забавляться,
Кроны старых берёз теребя.
А усну…
Пусть мне дождик приснится.
Ведь он чем-то похож на тебя!

Виктория ХВАЛОВА

ПРО ВАНЮ

Очень любит воду Ваня.
Ваня хочет стать пловцом.
Он и в кроле, он и в брассе —
Жаль, всего лишь в первом классе,
В общем, Ваня — молодцом!

Каждый день на тренировку
Тратит он по три часа!
Будто в цирке: без страховки
Он ныряет без конца.

Папа, бабушка и мама
Пребывают просто в шоке —
Ну когда ж учить уроки?

У него один ответ:
«Чемпионам скидок нет!»
Минус лишь один у Вани —
Тренируется он... в ванне!

Елена БАРИНОВА

* * *

Ходит бабка овражками
За лесной земляникою:
— Эх, грехи наши тяжкие!
А долги-то великие!
Бродит голь перекатная
И несёт несусветное:
— Знать, места здесь проклятые,
Потому мы и бедные!
Ишь, как бесы-то шастают
Там, где звякают грошики!
Да такие щекастые,
Словно хряк у Аношихи!..

Сколько прожито, пройдено,
Не сочтёшь не умеючи.

Расплатиться бы с Родиной!
Остальное-то мелочи...

Татьяна ЦИВИНА

* * *

У тех, кто слагает стихи,
Не жёсткость лежит в основанье.
Цветком полевым расцвести
Иль душу отдать на закланье —
Вот в чём этот странный удел.
И в том — беспокойная память.
Останься они не у дел —
Так кто же нам в души заглянет?

Алексей ПИТИКОВ

* * *

Уже не жарко на излёте лета.
Приветлив день, прохладою вершась.
И осень
    свои первые приметы
Легко
    в ажурную сплетает вязь.
И по утрам пронзительно прекрасна
прозрачная голубизна небес.
Не разукрашен — только тронут краской
Задумчивый
            и величавый лес.
Не одурманит больше
            разнотравья
настоянный пьянящий аромат...
Но птичьи стаи — не спешат растаять.
И паутинки — в воздухе парят...

Ольга СВЕТЛАЯ

* * *

Эх, Россия-матерь,
Растяни меха —
Душа песни просит,
Бойкого стиха!

Вот на людном месте
Бедный баянист,
А баян-то плачет
Про кленовый лист...

Пусть у баяниста
Неказистый вид —
Нищ он только видом,
А в душе артист!

А баян-то песню
Выдохнет, споёт...
Кланяется в пояс,
Проходя, народ.

В кружечку со звоном
Упадут гроши —
Отзовутся стоном
В золоте души.

Нина СТЁПОЧКИНА

БЕДА

Почему взметнулся ясный сокол,
Пёрышко роняя на лету,
Поседел ковыль ещё до срока?
Мчатся кони, чувствую беду.

Пробежал гонцом уставший ветер,
Зашептала чуткая листва.
У моей России взгляд не светел —
Донесла тревожная молва.

Не пестреют больше хороводы,
Не играют дети у реки,
Помутнели голубые воды,
Не сидят у окон старики.

Едкий дым — костры за чёрной речкой.
Пляшет, расплодившись, саранча.

Где же голос чистой, русской речи?
Вотчина Россия, чья ты? Чья?!

Римма ЛЮБОМИР

* * *

Удивляюсь небесам,
Свету, птичьим голосам.
Солнцу красному дивлюсь!
Жить на свете тороплюсь.

Горестей своих не множу,
Радостей отведать жажду.
Верю: на земле ты должен
Полюбить меня однажды!

Александр ЖАТКИН

ПОЕЗД

Он нёсся, мелькая огнями,
Дорогу стремясь одолеть,
Покой растревожив гудками,
Заставив на миг замереть.
Охвачен неистовой силой,
По рельсам стучал горячо.
Так властно в нём что-то манило,
Но ветер пружинил в плечо.

В нём радость и горе летели,
Без края — любовь и печаль.
В нём плакали, пели, галдели…
Истории этой скрижаль
Скрипела колёсною осью,
Вскипала то лаской, то злостью,
Даря то суму, то медаль.
Он мчал, переполнен мечтами,

К ответам, к разгадкам, к судьбе,
Омытый дождём и слезами,
Готовый к пальбе и гульбе.
Менялись его пассажиры,
Строку добавляя в сюжет.

Там было порой «не до жиру»
И дорого стоил билет.

Его проклинали, случалось,
И дверь открывали ногой.
Старушки, страшась и печалясь,
Крестились некрепкой рукой…
Билет исчерпав, пассажиры
Сошли в бесконечный простор.
Бродяги, злодеи, кумиры…

А поезд ушёл… Ушёл…

Вера ВАРЛАМОВА

* * *

Ноль часов. Струится небо
В окна шёлком фиолета.
А луна как ломтик хлеба.
Буду с ней я ждать рассвета.

Напряду я лунной пряжи,
Спицы из корзины выну.
И свяжу я тёплый плащик
И тебе на плечи кину.

Ольга КОРЧАГИНА

ДЕНЬ И НОЧЬ

Различаются ночь и день
Непомерной бездной контраста.
Днём порою ищу я тень,
Ночью свет зажигаю часто.

А на стыке дней и ночей
Нарождаются алые зори,
В коих тонут потоки лучей,
И на всём поднебесном просторе

Разливается полутень,
Размываются очертанья,

Будто пишется акварель
На живом полотне мирозданья.

Но вечерний растает узор,
Станет сумеречной дорога.
Так вращается жизнь между зорь —
Меж ладоней всесильного Бога…

А в душе моей борются вновь
Суета с божьей искрой малой,
Потому, полагаю, кровь
Цветом схожа с зарёю алой.

Юрий ГУЗЁНИН

ПЕРВАЯ

Над быстрою речкой, где вишня цвела,
Где молод я был и беспечен,
Ждала меня дева и песней звала
В тот мир, где лишь май бесконечен.

Луна-хохотунья сгорела свечой,
И свет её в волнах дробился.
Я пьян был и счастлив, что песнею той
Впервые с ладони напился.

А речка бежала, забыв про покой,
Со мной в бесконечные дали;
Срывала, кружила, вела за собой,
Где песни другие нас ждали.

Всё так же смеялась луна по ночам
И свет её в волнах дробился.
Но не был я счастлив, как счастлив был там,
Где песнею первой напился.

Татьяна КИТ

* * *

На белом снегу отпечатался след,
Подул ветерок, и его уже нет.

Так память о нас у родных и друзей
Быльём порастёт по прошествии дней.

И будет душа наблюдать свысока,
Как времени ловко колдует рука
И сыплет забвения горький песок.
Но детский вдали зазвенит голосок,
А в нём продолжается новая жизнь.
И птиц хоровод не устанет кружить.
И не перестанет вращаться Земля,
И всё возвратится на круги своя.

Дана ЛОБУЗНАЯ

МОЁ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Татарка, я, как пушкинский скупой,
Славянской речи стерегу алмазы.
Жаль, иногда их обращаю в стразы,
И это мне аукнется с лихвой.

Не исключенье я: мой первый крик «уа»
Куда как был интернационален.
Понятен каждому и не буквален —
Он значил всё. Вселенское «уа».

Но слово первое, что немоту прорвало,
Единственное слово — на каком?
Конечно, на татарском, на родном,
В чужой избе в изгнанье прозвучало.

Там, на краю шаманского селенья,
Меня порою бубен пробуждал.
И рокотом своим подбадривал Байкал,
Желая мне скорейшего взросленья.

Я на бурятском лет до девяти
Вставляла в игры сурдопереводы.
Пёстроязычья моего тянулись годы,
Потом до русского мне удалось дойти.

Он стал водой из светлого ручья.
Мне предстояло пить его усладу.
И, пушкинских стихов внимая ладу,
Пугалась я: ужель теперь ничья?!

Меня влекла неведомая сила
В водовороты незнакомых слов,
Покуда сердцем я не ощутила,
Что было Слово прежде всех основ.

Забыть исток свой — Боже упаси!
Но не познаешь мир в наречье узком.
Я думаю и говорю на русском,
А значит, всем сестра я на Руси.

Сергей НЕЁЛОВ

СЕВАСТОПОЛЬ

Крыма южного порт и акрополь,
Что над морем стоит голубым,
Город славы морской — Севастополь.
Неужели он будет чужим?

Отойдёт ли в иные границы,
Где не будут его почитать?
И героев знакомые лица
Будут с улиц его исчезать?

Спрячут в слой исторической пыли,
Отведя их в разряд старины,
Чтоб потомки героев забыли,
Как страну защищали они.

И позором Российской державы
Станет день, когда «властная рать»
Город мужества, скорби и славы
Порешит на бесславье отдать.

Но по воле лжецов, подхалимов
Не должны кануть в вечный туман

И солдат, и матрос, и Нахимов,
Инкерман и Малахов курган.

Есть надежда — прорвёмся хоть с боем,
И исчезнет державный «натяг».
Вечно будет над градом-героем
Реять славный Андреевский стяг!

Надежда БАКЛАНОВА

ПОРА

Пора возвращаться к истокам своим —
К природе, зелёному храму,
Где каждый цветочек неповторим.
Он — чудо земли первозданной;
Где вместо паркета — узором трава
Манит босиком прогуляться;
Где ветер, до плеч засучив рукава,
Свободой зовёт наслаждаться.
Но в городе пыльном, в пучине тревог
Барахтаюсь я — всё пустое…
Мне свежего воздуха хоть бы глоток,
Водой насладиться святою!
Вернуться к истокам своим, хоть на миг,
Почувствовать радость былого,
И к дому по лугу пройти напрямик,
И с радугой встретиться снова…

Сергей АНТИПОВ

СИНЯЯ ПТИЦА

Рассказ

Давно замечено, что, когда далёкие дни взрослого человека завладевают воображением, прошлое стремительно перемещается во времени, оживает в сегодняшнем дне. Подобные мысли приходят ко мне при виде единственной улицы своей деревушки, некогда называемой деревней, но растерзанной гуманизмом двадцатого века и беспощадностью природы и превратившейся в подобие хутора. Я взором окидываю милые до боли просторы, и в воспрянувшей памяти моей сами собой реставрируются картины окрестностей забытого былого. Сперва неясно, контурно, а потом всё ярче и ярче прорисовываются и выступают из толщи слежавшихся лет очертания родной округи. Зелёные увалы, изрезанные оврагами и по горизонту обрамлённые синеющими лесами; речушка, текущая по самой середине поросшей кустарником поймы. Наконец, перед глазами предстаёт и селение наше — такое, каким оно было в пору моего открытия мироздания. И вот уже я вижу родную обитель, которой сейчас нет и в помине, и душа устремляется к весёлому крылечку, где меня всегда тепло встречала мама.

Мы жили на порядке, перпендикулярном улице, лежащей на откосе, отлого спускающемся к речке и оканчивающемся крутым высоким берегом. Хибарка наша располагалась у неглубокой лощины с задернелыми берегами, по краю которой, сразу под нашими окнами, круто забирая влево, проходила дорога. Она вела к избе на отшибе, построенной недалеко от нашей.

Это был дом закадычного моего друга Горшка. Всё их семейство именовалось Горшками только потому, что когда-то их предок на вопрос, как его зовут, всегда отвечал: «Хоть горшком назовите, только в печку не ставьте». Звали же моего товарища Володей. Пацаны с одинаковыми именами в деревне встречались сплошь и рядом, поэтому, чтоб сразу можно было определить, о ком идёт

речь, кроме как по прозвищам их никто и никогда не окликал. Оштукатуренный и окрашенный в розовый цвет, окружённый буйной пеной ароматных гроздей черёмух и сирени, их домик создавал живописную открытку среди окружающей привычной серости местных усадеб. Под благоухающей разноцветной сенью гостеприимного его палисада любили фотографироваться невестящиеся деревенские красавицы. Сейчас ни берега, где стояла наша изба, ни участка Горшков нет — всё поглотил прожорливый овраг. Остались одни только воспоминания о происходящем на несуществующей теперь территории.

Я стою на кромке отвесного обрыва, красующегося глинистым с песчаной прослойкой срезом, на том самом месте, где мы с Вовкой проводили своё детство. Мы соседи и потому неразлучны. Эта житейская обречённость по мере взросления переросла в крепкую дружбу на долгие годы. Самые яркие моменты того периода у меня связаны с ним, с моим лучшим и верным сподвижником. Мы стояли на старте плечом к плечу, и перед нами одинаково открывалась манящая даль жизни. Но в путь отправились мы разными дорожками и потеряли друг друга из виду.

Где ты, соучастник многих моих «героических подвигов»? Помнишь ли наши романтические измышления и осуществление дерзких всевозможных планов, часто заканчивающихся в прямом смысле плачевно для нас. Случалось, мы попадались на краже ранних яблок из тщательно охраняемого сада. Надо признаться, что мы не считали это воровством. Мы были убеждены, что не делаем ничего предосудительного. Просто играем в азартную игру. Нас привлекало удовольствие риска, острота переживаний в преодолении страха быть пойманными. К сожалению, мнения хозяев не совпадали с нашими, и мы жестоко страдали от их недопонимания. Расправа следовала незамедлительно.

* * *

В деревне много огородов. На каждом из них растут какие-нибудь заманчивые, притягивающие к себе особым вкусом фрукты и овощи. О каждой плантации у нас, всей деревенской ребятни, точные данные, вплоть до календарного расписания: у кого, что и когда созревает. И после «ожесточённых полевых баталий» (Отечественная война ещё бушевала в наших воинственных сердцах, и в нас жил дух победных сражений), когда заключалось перемирие, мы сообща совершали вторжение в заранее облюбованную колхозную бахчу.

Однажды, после удачного набега на соблазнительные бабушки Феколины владения, мы с Горшком лежали, подставив ласковому солнышку свои голые тощие животы, в шелковистой травке на косогоре за Кондратьевой баней. Похрустывали сочными, со свежим запахом, огурцами и оживлённо обсуждали перипетии только что проведённой вылазки. Горшок, смеясь, в лицах изображал,

как он отвлекал добрейшую, высокую и полную до необъятности, старушенцию, пока я торопливо шарил в грядке, отыскивая самые свежие, ровные, с колючими пупырышками огурчики. Я блаженно пялился в синее небо, любовался нескончаемыми по разнообразию формами, принимаемыми движущимися, гонимыми высотным ветром облаками.

Стоял ясный летний день. Пахло отмытой прошедшим накануне дождём душицей. Тёплый ветерок чуть-чуть покачивал косы стройной берёзки, неподалёку белеющей среди зелени сирени.

Увлёкшись созерцанием небесного иллюзиона, я не слушал, о чём говорил Володя, а может, ничего он уже и не говорил. Вдруг раздался его удивлённо-восхищённый полушёпот:

— Смотри, смотри! Вот так чудо! Только не двигайся, — и, боясь пошевелиться, взглядом показал мне, куда надо смотреть.

Скосив глаза в том направлении, я увидел удивительную птицу. Она сидела на свешивающейся ветке берёзы почти над нами и, не обращая на нас внимания, пристально всматривалась в, казалось бы, пустое, прозрачное пространство.

Что это была за птица! Синяя с золотистым переливом, в сиянии послеполуденного солнца она излучала таинственный, завораживающий свет. Задохнувшись от восхищения, я повернул голову, чтобы лучше рассмотреть явившееся нам сказочное диво. Но оно стремительно, не взмахнув крыльями, ракетой взвилось и, сверкнув всеми цветами радуги, исчезло из глаз.

Разочарованные, мы молча смотрели на опустевшую, сразу ставшую совсем неинтересной, с пыльными точками — следами высохших дождевых капель на листьях — ветку. Не надеясь увидеть больше очаровавшее нас создание, мы сокрушённо вздыхали. Неожиданно птица так же стремительно вернулась, заняла прежнюю позу, опять что-то внимательно высматривая в воздухе.

Теперь нам удалось рассмотреть её как следует. Размером чуть меньше скворца, она имела длинный, острый, на конце слегка загнутый книзу клюв. В момент планирования её на посадку были видны длинные и до острия скошенные, спереди зеленовато-синего цвета, крылья. Горло и нижняя часть шеи имели ярко-жёлтый окрас с чёрным ошейником снизу.

Голова и шея сверху чисто голубые, а нижняя часть тела — нежно-зеленовато-синяя. Хвост состоял из зелёных и синих перьев вперемежку.

А в общем создавалось такое изумительное нежно-синее оперение с золотистым ореолом, что казалось: это не живое существо, а занимательный обман зрения. Открыв рты и затаив дыхание, смотрели мы на волшебную игру цвета и света живой игрушки до тех пор, пока она вновь так же молниеносно не растворилась в атмосфере. Так повторялось несколько раз. Но вот, наконец, летунья появилась с каким-то похожим на стрекозу насекомым. Красавица немного посидела, как бы демонстрируя свою добычу, и упорхнула, чтоб больше

не возвращаться. Мы долго ещё сидели, ждали её появления и, не дождавшись, уныло побрели домой.

Синяя птица завладела всеми нашими чувствами без остатка. Что бы мы ни делали, чем бы ни занимались, она всегда присутствовала в сознании. Мы оба бредили ею. Любая птаха необычной расцветки привлекала наше внимание, виделась нам той, о которой мы постоянно мечтали. И бросив всё, сломя голову, мы бежали к ней, чтоб в очередной раз убедиться в своей ошибке. Она оказывалась или удодом, или иволгой. Часами мы просиживали на косогоре под берёзой, предполагая её прилёт на это дерево, как на излюбленное место охоты. Увы! Шло время, а отрада наша не появлялась.

* * *

Началась сенокосная пора. Село взялось за косы, грабли и вилы. «Коси коса, пока роса. Роса долой — коса домой!» — злободневная прибаутка той поры. Потому, едва забрезжит рассвет, в утренней тишине далеко раздаётся звон затачиваемых, заранее до микрона отбитых стальных литовок, чтоб росную траву они не косили, а брили. Солнце ещё не взошло, но всё взрослое население с косами за плечами уже отправлялось на свои угодья за Осинник.

Мы, дети, появлялись на покосе, выспавшись и напившись парного молока. Наша работа — переворачивать граблями скошенное сено для скорейшей его просушки. Со смехом и играми приходила орава детворы на помощь своим отцам, которые к этому времени навалили высокие, доходящие до самого Кочкаря, гряды. Завидя нас, они усаживались в тени раскидистых деревьев, стоявших наособицу в поле. Ворошить сено ещё рано — нужно, чтобы оно хорошенько подсохло сверху. Свободные полчаса мы проводили кто как мог. Кто елозил по ягодникам, выискивая и отправляя в рот сладкую землянику, кто выстругивал и украшал затейливыми узорами липовые палки для игры, вырезая из сочной мякоти молодого луба узкие длинные спиральные ленты. Мы же с Горшком испрашивали разрешения на поездку к лесному колодцу за водой. Получив добро, мы садимся в повозку с бочкой, запряженным в неё огромным медлительным мерином. Горшок берёт «бразды правления» в свои руки, хлопает вожжой по тугому боку «битюга» и, подражая отцу, кричит басом:

— Но, она царя возила! — удивлённый таким возвеличением, не помнящий за собой ничего подобного, коняга не спеша трогает с места, а потом, понукаемый нами, ёкая селезёнкой, трусит по лесной дороге.

В лесу полное безветрие, и слепни начинают кружить над бедной лошадью, облепляют её со всех сторон. Она дёргается и вздрагивает каждым мускулом, чтобы спугнуть назойливую тварь, машет хвостом, бьёт себя по животу и бокам — всё бесполезно. Овод насосёт сладкой горячей крови, раздуется до такой степени, что, когда ударишь по нему чем-нибудь, на этом месте остаётся кровавое пятно.

Начерпав ведром воды в бочку, напившись и окатившись ледяной колодезной влагой, мы, довольные, возвращаемся на полевой стан, где все уже готовятся приступать к работе.

Делянки, отведённые колхозникам для заготовки корма своей скотине, находились на ровной целине прямо от кромки леса и тянулись с километр, вплоть до оврага, за которым начинался другой лес. Покосное раздолье благоухало высокими, сочными травами.

Луга отливали сиреневым и лиловым, местами ясно и чётко желтели, местами были тускло-стальными, а золотистая солнечная краска лежала поверху всех возможных цветов.

Удивительно перепутались здесь лесные цветы с луговыми. Розовые кошачьи лапки соседствуют с белыми пирамидками заячьего уха. Тут же дремлют, смежив на дневное время свои венчики, цветы собачьего мыла. Лиловые кисти кукушкиных слёзок растут рядом с медвежьим луком, вороний глаз цветёт неподалёку от куриной слепоты, а метёлки лисьего хвоста высоко поднимаются над полянками петушиного гребня. И царские кудри, и золотые кудри, и ятрышник с любкой — эти северные орхидеи и яркие связки золотых ключиков — всё это растёт, цветёт, гудит пчёлами и шмелями.

Наш надел, который выкашивал мой старший брат, был рядом с Горшковым, и мы с Володей имели возможность переговариваться. Я сразу взялся за грабли и стал усердно грести просохшую траву, переворачивать её, чтобы дать солнцу подсушить нижнюю часть рядка. Работа спорилась. Мне оставалось немного, чтобы дойти до середины покоса, когда я услышал торжествующий вопль Горшка:

— Вот она! Наконец-то она появилась! — он бросил грабли и указывал рукой куда-то в небо.

— Чего ты кричишь? Кто — она? — все оставили работу и во все глаза глядели на крикуна.

— Это она, она! — он заливается счастливым смехом и обращается ко мне. — Ты видел?

Это она, синяя птица!

Я приставил ладонь к глазам, защищаясь от прямых лучей, и стал всматриваться в слепящую синеву. Вдруг в поле моего зрения появилась голубая стрела. Не делая ни единого взмаха крыльями, она с невероятной скоростью круто снизилась, в бреющем полёте скользнула над лугом, взмыла ввысь и растаяла в солнечном сиянии. Она была не одинока. Одна за другой, выбрав жертву, охотницы пикировали на цветочный ковёр. Я забыл про грабли. Мы с Горшком с восхищением наблюдали за их виртуозным пилотажем. К нам подошёл Володин отец — старший Горшок.

— Вы что, ни разу не видели этих птичек? Это же щурки. Они ловят пчёл и шмелей. Их здесь вон сколько! Аж гуд стоит.

— Мы видели её один раз в деревне. А больше нигде не встречали. Они живут в лесу?

— Нет. Их гнёзда в обрывах. Пойдите к Игнатчевой круче и увидите там, какие норы роют эти красавицы.

* * *

Речушка наша запуталась в кустах и лопухах. В ином месте четыре-пять, а то и меньше, метров воды разделяют её довольно крутые, заросшие крапивой и борщовником берега.

При этом нужно учесть, что нависший кустарник занимает большую часть водяного зеркала, создавая полное впечатление зажатости её, так что, только вырвавшись из цепких объятий зарослей, она становится немного шире. Выбравшись на простор, она с разбегу ударяется о препятствие и, опомнившись, поворачивается и радостно бежит прямо, в сторону Каржиманта.

В этом-то месте, напротив деревни, на другом берегу, и находится Игнатчева круча, выбитая в рыхлом холме, вставшем на пути рассерженной до бурления в половодье речкой. Её отвесная стена красной глиной просвечивает сквозь вставшие перед нею кустарник и высокий ольшаник.

Не откладывая в долгий ящик, сдерживая сердечный трепет, отправились мы смотреть, где живут райские птицы. Тропинка, извиваясь, круто спускается к воде, через которую переброшены две шаткие жёрдочки. Перебравшись на другой берег, она бежит по ровной песчаной пойме до капустников, где селяне выращивают для себя влаголюбивые овощи: огурцы, капусту, морковь и что-нибудь исключительное, чтоб росло подальше от хищных глаз всеядной оравы детворы. (Наивное самоуспокоение, скажем по секрету: в каждом доме у нас по разведчику.) Там через поле до кручи рукой подать. Напрямик приходится продираться сквозь высокую траву и бурьян, но идти всё равно легче, чем по берегу, через непролазную чащобу краснотала.

И вот мы у долгожданной цели, притягивающей нас волнующей неизвестностью. Перед нами высится глинистый вертикальный отвес, наверху, в недосягаемости, испещрённый чёрными пятнами отверстий. Это и есть птичий клювотворный город, отгороженный от внешнего мира густыми зарослями. В нём было всё в движении. Население его не суетливо, деловито порхало и скользило. Щебетуньи ныряли в нору с принесённой добычей, освободившись от ноши, на миг показывались в отверстии, чтоб, как по волшебству, исчезнуть из виду. Раздавался негромкий, непрерывный стрекочущий щебет. В сочетании с журчанием воды, рядом бегущей по камням, он казался музыкой, сочинённой самой природой, которую можно слушать и слушать, наслаждаясь всем своим первобытным существом. А то, что эти звуки издавали создания, во множестве синими молниям сверкающие перед взором, ещё более разжигало наши радужные фантазии.

Желание иметь поразившую нас диковинку у себя дома, в клетке, как канарейку или чижика, чтобы вкусить полное наслаждение неописуемой её

красотой, заставило нас действовать. Предпринятые попытки дотянуться до отверстий с наскоку, без предварительной подготовки, ни к чему не привели. Стало ясно, что без приспособления не обойтись. Длинная лестница в деревне имелась, но самим нам сюда её не доставить, взрослые же не снизойдут до пустой, на их взгляд, затеи.

Мечта казалась неосуществимой, пока однажды, придя под стену крепости, мы не заметили изменения, происшедшего в расположении птичьих жилищ. Появилась нора, выдолбленная гораздо ниже. То ли новосёлам недостало места в общем поселении, то ли грунта, пригодного для успешной работы, там не оказалось и они вынуждены были искать, где помягче, или влюблённая парочка решила свить своё гнёздышко в уединении, в стороне от неугомонной возни. Так или иначе, но до щуркиной катакомбы теперь, приложив некую долю изобретательности, можно было дотянуться.

— Голь на выдумки горазда, — изрёк мой подельник и предложил сложить под отверстием пирамиду из голышей, благо ими всплошную выстлано дно речки. — Встав на неё, мы без труда сделаем всё, что нам надо.

Немедля мы приступили к осуществлению плана. Я, по колена в воде, доставал округлые, покрытые зеленоватой слизью, выскальзывающие из рук камни и передавал их компаньону. Горшок принимал струящий мокроту ему на рубашку и штаны строительный материал и укладывал на песок у обрыва. Но неожиданно упорно воздвигаемая «вавилонская башня» стала рассыпаться. Отшлифованные водой и временем булыжники, гладкие и скользкие, не имели граней, которыми они цеплялись бы друг за друга, и не принимали устойчивого положения.

Несколько дней мы не столько строили, сколько разными способами скрепляли во все стороны расползавшиеся полированные линзы. Колонисты не обращали внимания на опасную работу, ведущуюся где-то внизу, и спокойно занимались своими птичьими делами. У них, по-видимому, была счастливая пора кладки, и к тому моменту, когда у нас от неудачи опустились руки, а горка далеко не достигала требуемой высоты, мы заметили, что щурка осталась одна. Значит, другая насиживает яйца.

Было принято, как нам казалось, единственно правильное решение: ловить птичку сейчас, пока она не покидает гнезда. С вершины нашего хлипкого сооружения, предварительно выкопав в стене углубление на высоте, с которой можно дотянуться до отверстия, мы приступили к штурму цитадели. Я, как самый тощий, а потому более лёгкий, взобрался на приготовленный уступ и, поддерживаемый снизу Горшком, сделал попытку проникнуть в дыру рукой. Но только моя ладонь поравнялась с её краем, как чудесная наша мечта, обласкав мои пальцы нежным оперением, растаяла, оставив нам горечь разочарования.

Дома, увидев моё обескураженное лицо и выпытав причину огорчения, брат рассмеялся:

— Эх вы, горе-охотники! Ловить её надо ночью, когда она спит. Подождите денька два, она всё забудет, успокоится, и тогда возьмёте её голыми руками.

С радостной вестью я побежал к другу. Мы условились о коварном нападении на беззащитное семейство, и... потянулись бесконечные часы нетерпеливого ожидания.

* * *

Детские намётки не всегда совпадают с планами взрослых. Непредвиденное обстоятельство расстроило тщательно разработанную нами задумку. Володин отец объявил, что завтра они всей семьёй отправляются в Саратов, в гости к его сестре.

Побывать в большом городе — это запредельное желание каждого из нас, и теперь об участии Горшка в поимке синей птицы нужно забыть. Он уже там, в мире высоких зданий, асфальта и легковых машин, видимом нами только в кино, привозимом иногда залётными киномеханиками.

— Давай подождём. Когда я приеду из Саратова, тогда и пойдём ловить щурку, — канючил он.

Для него чудо-птица уже стала просто щуркой, но для меня она оставалась синей волшебницей, обладание которой превратилось в сокровенную цель жизни, и не исполнить её было равносильно потере чего-то самого дорогого, без чего невозможно само существование. Поэтому на следующий день после отъезда компаньона в дальние края, едва смеркнулось, я отправился «на дело». Идти там, где мы ходили днём, мне показалось очень далеко, и я пошёл напрямик. По мере того, как я спускался в низину, сумерки становились всё гуще и гуще, а когда углубился в зарослевую чащобу, совсем потемнело. Деревня осталась далеко наверху и только редкие взбрёхи собак доносились оттуда, тревожа прохладную тишину котловины. Ночь окружила меня со всех сторон неожиданными звуками и видениями.

У страха глаза велики. Ужасные монстры тянули ко мне свои лохматые лапы, цеплялись за рубаху, упирались в грудь. Кто-то невидимый, тяжело дыша и шурша листвой, крался в стороне, в любой момент готовый прыгнуть на меня. Так я впервые познал, что такое — трясутся поджилки. Как тут не испугаешься, когда видишь на своём пути чудовище с растопыренными не то крыльями, не то громадными ушами, ноги отказываются идти, делаешь невероятное усилие, чтоб сделать шаг вперёд.

Когда, преодолев все ужасы блуждания в непролазных ночных дебрях, я пришёл к обрыву, в чёрное пространство над головой выкатилась фарфоровая тарелка луны. Лёгкие облака изредка скользили по ней и слегка затеняли её, но, освободившись от них, она заливала кручу необъяснимым, волнующим светом. Были видны и норные отверстия, и груда камней, на которую я должен вскарабкаться. Кругом всё замерло, ни одна веточка не шелохнётся, и вода как будто уснула, прильнув к округлым голышам.

С замиранием сердца я приступил к завершению начатого дела.

Взобравшись на неустойчивую пирамиду, я нащупал сделанную заранее выемку в крутояре и попробовал, подтянувшись, подняться на него. Увы! Чудес не бывает. Без подталкивания сзади и страховки помощником не обойтись.

Что делать? Ужель напрасны все мои треволнения?

И тут меня озарила блестящая идея. Я вспомнил примеченный когда-то обломок ствола дерева в воде. Принесённый половодьем, он застрял в камнях и лежал там Бог весть сколько, набухший и окаменевший. Деревяшка была не очень толстая, но тяжёлая, и мне стоило больших усилий, скользя и спотыкаясь, приволочь её к обрыву. Всё осложнялось ещё и тем, что подготовку к восхождению нужно было выполнить так, чтобы случайно не нарушить покой чуткого летучего населения. Но я справился и с этой задачей: установил вспомогательную опору одним концом на шаткий фундамент, а другим — под углом упёр в отвес берега и, пользуясь ею как стремянкой, подтянулся и с трудом утвердился на еле ощущаемой ступеньке.

Сердце готово было выскочить из груди, когда, всеми порами кожи прилипая к шершавому отвесу, осторожно извиваясь, по-змеиному я крался к заветной цели.

Выпрямившись, я понял, что моя голова находится чуть ниже отверстия, и, доставая до него, рука войдёт туда только по локоть. И если птичье убежище достаточно углублено, то мне до гнезда не дотянуться. Но раздумывать некогда — я вишу над пропастью, держась за воздух зубами. Луна еле пробивалась сквозь дымку перистых облаков. Высоко, где-то у самого неба, тускло краснели редкие деревенские огни. Пахло сыростью. Ночная прохлада освежала лицо. Пушистая тишина стлалась над вершинами вётел. Казалось, природа затаила дыхание в ожидании чего-то необычного.

Пальцами правой руки впиваясь в высушенный ветрами и обожжённый солнцем до кирпичной твёрдости грунт, левую я осторожно ввёл в птичье помещение. Оно было узким, но моя маленькая детская ладошка, ощущая шероховатость его поверхности, свободно продвигалась вперёд. Вот уже предплечье коснулось края норы, а конца ещё не было. Но кончиками пальцев интуитивно ощущалось приятное, желанное тепло. Жертва — рядом. Достаточно продвинуться ещё на несколько сантиметров, и я добьюсь своего. Я встаю на цыпочки, вытягиваюсь в струнку и проталкиваю руку дальше.

Тихий восторг наполняет душу. Строители, видимо, спешили, ведь нужно успеть выкормить птенцов, или они не предполагали коварства врагов и не придали особого значения надёжности укрытия. Пушистый мягкий комочек трепещет в зажавших его жадных пальцах. Пленница была ошеломлена. Вероломное вторжение лишило её возможности сопротивляться. Медленно и бережно извлёк я её из неприступной, по-щуркиному разумению, крепости и, кубарем скатившись вниз, бросился бежать.

* * *

Единственная мысль владела моим сознанием, когда, не чувствуя под собою ног, я продирался сквозь уже привычные кущи. Это — уберечь добычу, не помять её, не сделать ей больно и в то же время не выпустить из рук с таким трудом доставшийся мне приз.

Заросли кончились. Передо мной простиралась залитая серебряными лучами поляна.

Было достаточно светло, чтобы разглядеть игрушку. Но при лунном освещении она виделась обыкновенной серой пигалицей. Преодолев лёгкое разочарование, я устремился домой, чтобы при свете лампы насладиться её сказочным оперением.

Запыхавшись, я влетел в избу. Посреди комнаты висела керосиновая семилинейка, скупо освещавшая помещение. В углах лежали утрамбованные кучи темноты, по стенам ползали причудливые тени домочадцев, собравшихся в этот час на ужин. Летние полевые работы вынуждали к поздним трапезам.

— И где же пропадал наш помощник? Проголодался, поди. Садись, поешь, пока ещё не убрали, — сестра положила на стол ложку и кусок хлеба.

— О-о! Да он, кажется, не с пустыми руками пришёл! — брат заметил мою сведённую судорогой руку. — Неужели поймал? Ну ты настоящий герой!

Все с интересом окружили меня. Девочки по очереди легонько гладили головку оцепеневшей птички и добродушно журили меня.

— Куда же ты теперь её поместишь? Клетку не приготовил. Не знаешь, чем кормить.

— Загубил такую красоту.

— И яички остынут — не будет птенцов.

— Она в клетке не будет жить, — поддержал их брат. — Это тебе не синица.

Я ничего не слышал. Счастье целиком завладело мною. Я упивался исключительностью содеянного — я держу в руках то, о чём так страстно мечтал. Что в достижении своей цели превозмог самого себя, свой страх. В этот момент благие порывы были мне чужды.

Пучок шелковистых пёрышек нежил мой кулачок тихим приятным теплом. И только чуть ощутимые толчки тревожного микроскопического сердечка давали знать, что я держу живое существо. Но у меня перехватило дыхание и всё внутри оборвалось, когда, чтоб лучше рассмотреть, я приблизил свою хрупкую невольницу к глазам. Холодный пот прошиб всё моё существо — головка пташки безжизненно свисала набок, белёсая кожистая плёнка затягивала глаза.

— Она уже умерла, — слёзы градом покатились по моим щекам.

— Ты, наверно, сильно сжимал пальцы и задушил её, — сказал брат.

— Нет. Но она ещё тёплая, и сердце бьётся.

— Тогда выйди на улицу и освободи её. Вот и узнаешь — умерла ли она, или жива.

Я вышел на дорогу и осмотрелся. Раскалённая добела луна повисла в зените и светила во весь свой полированный диск, от чего окна изб казались красными мазками кисти художника на необычно рельефном изображении деревни. Видимость была такая, что на ветвях деревьев различались отдельные листья. Незаметные днём выбоины и кочки на земле чётко проявились тенями, искусно положенными ночным светилом. Раскинувшиеся на другом берегу балки поля просматривались до самого горизонта. Игнатчева круча размытым пятном темнела вдалеке.

С чувством глубокой скорби я вытянул руку и разжал пальцы. На ладони пушился пучок разноцветных пёрышек, не представляющих никакого интереса для жаждущих прекрасного. Щурка лежала на боку, не подавая признаков жизни. В отчаянии я уже готов был разреветься, как вдруг набежавший ветерок шелохнул помертвелое оперение и птица встрепенулась. Замерев, я ждал последующих событий. Вот она приподнялась, острые коготки скребнули мою взопревшую ладонь, и притаилась, оценивая создавшуюся обстановку. Потом, неожиданно оттолкнувшись, сорвалась с места, расправляя слежавшиеся крылышки, медленно полетела над избами, над огородами, заворачивая всё круче и круче.

Описав круг, сориентировалась в пространстве, направилась в сторону темнеющей внизу урёмы и пропала. Радость и сожаление, удовлетворение и вина — разноречивые чувства одолевали меня всю ночь. Меня тревожила судьба ставшей мне родной чудесной пичуги.

Не потеряется ли она в непривычных для неё ночных условиях? Найдёт ли дорогу домой?

* * *

Наступивший день, как всегда, занят сенокосом. Но мысли мои витают вокруг волнующей меня темы: благополучно ли в семействе пернатых, в чью судьбу я опрометчиво вторгся? Не пропадут ли щуркины яички, по моей вине оставленные без обогрева, и не останется ли поэтому моя любимица без птенчиков?

После обеденного перерыва, выполнив свою норму в общем деле, я со всех ног помчался к заветной круче. Спрятавшись под густой листвой разлапистой ветлы, я стал наблюдать. Прошло немного времени, и в «нашу» норку юркнула стремительная тень. Недолго побыв в ней, птичка выпорхнула. Вот она вернулась и снова влетела в гнездо. Так повторялось несколько раз, пока я стоял на посту. Твёрдо убедившись, что страдальцы не покинули гнезда и щур навещает свою занятую насиживанием подругу, я со спокойной совестью отправился восвояси.

Возвратившийся из Саратова Горшок, переполненный городскими впечатлениями, про синюю птицу даже и не вспомнил. Я же скромно молчал, но иногда, когда выдавался случай, навещал своих «родственников». Видел, что

они живут обычной своей птичьей жизнью, что переполох, учинённый моей жаждущей острых ощущений натурой не привёл к плачевным результатам, и окончательно успокоился.

Похолодало. Теплолюбивые птицы откочевали на юг, и город щурок опустел. Пришла зима. Школьные заботы, катание на лыжах и коньках стали главными составляющими моего времяпрепровождения, и история с синей птицей канула глубоко в память.

Повзрослев, я много и бессистемно читал. Научно-фантастические повести с лёгкостью сменялись любовными романами, захватывающие детективы — волшебными сказками.

В бытность свою в городе я часто посещал книжные развалы. Часами рылся в вековых букинистических залежах, отыскивая что-нибудь стоящее. Однажды в ворохе бесценной макулатуры попалась мне старая, плохо сохранившаяся, с донельзя затёртой обложкой и утраченным началом, книжка. На переплёте едва угадывались только имя и фамилия писателя — Морис Метерлинк. Неизвестный автор заинтриговал меня, и я стал перелистывать полуистлевшие страницы. Мелькали ничего не говорящие мне названия стихов, поэм, пьес. И вдруг рука замирает на одном развороте. «Синяя птица», — читаю я, и волна нахлынувших воспоминаний уносит меня в далёкое прошлое. Не торгуясь, беру книгу, бегу домой и углубляюсь в фантасмагорию бесподобной сказки...

Синяя птица, узнал я, это тайна вещей и счастья, и, если человек найдёт синюю птицу, он будет всегда всё знать и всё видеть. У каждого своя синяя птица. Мне она явилась в образе обыкновенной щурки. Я её нашёл и поймал, но отпустил. Не потому ли у меня неистребимая тяга всё знать и всё видеть? И не потому ли до сих пор не постиг я тайны вещей и счастья?..

Николай АЛЕШКОВ

ДАЛЬНИЕ ЛУГА

Стихи

* * *

А за рекой, на непаханом поле,
глядя на облако из-под руки,
девочке Кате и мальчику Коле
добрые люди сплетали венки
из васильков и душистого хмеля.
Пел соловей и гудели шмели.
Сидя на облаке, ехал Емеля,
жаром от печки касаясь земли.
Лето звенело густым разнотравьем.
В хоре лягушек солист — коростель.
Нюх и чутьё мне уже не исправить:
запах полыни родней, чем «Шанель»…

Жил я в столице, бродил я у моря.
Радость искал, а тоску находил.
Полною чашей и счастье, и горе,
жажду любви утоляя, испил.
Стайка стрижей прочертила однажды:
песня твоя, как и жизнь, коротка.
Чистый исток утолит твою жажду,
к берегу детства поманит река…

Я возвратился — смотреть на закаты.
Здесь оборвутся земные пути.
Мы перед родиной все виноваты —
чистых истоков уже не найти.
Лишь за рекой, на непаханом поле,
глядя на облако из-под руки,

девочке Кате и мальчику Коле
добрые люди сплетают венки.

РОДОСЛОВНАЯ

«В лесах зверьё, а в реках рыба.
Богат мой край — и ешь, и пей!
Пойдём со мною, неулыба,
жить вместе будет веселей.

Не видишь разве — ты мне люба.
Уйду, коль я тебе не мил…»
Мой дальний предок не был грубым —
слова медовые дарил:

«Цыганка ты или татарка —
Поверь, мне это всё равно».
И целовались двое жарко
в былых веках. Давным-давно…

Алешковы — русоволосы.
У Пашенковых кудри — смоль.
Каких кровей они? Вопросы
задать столетиям изволь.

Вот мой отец двадцатилетний
на снимке — чистый славянин.
А в маме тюркское заметней.
В большой семье я — третий сын.

Храню их свадебное фото —
его дороже сердцу нет.
Красивы оба. Жить охота.
И до войны — аж восемь лет.

Отцовский дом… Сижу на камне
у речки, названной Челной.
Разноязыкое Прикамье,
где жизнь прошла, — мой край родной.

Я сам себе слуга и барин.
Я не чуваш, и не мордвин,
и не удмурт, и не татарин,
но — равный с ними гражданин.

А на прищур прицельно-узкий,
не опуская глаз, смотрю.
Кто я такой? «Конечно, русский.
Не видно разве?» — говорю…

* * *

Выпью горькую, вспомню истоки
и печали своей, и любви…

Меж озёр луговые протоки —
рыбы в них, хоть руками лови!

И песок, и прибрежные ивы
память сердца берут в оборот:
дикий лук, сенокосные гривы,
жеребята, бредущие вброд

через годы, речушки и реки,
утопая в рассветных лучах…
Пусть останется с ними навеки
и душа моя в дальних лугах!

* * *

Ты жива ещё, моя старушка?
Сергей Есенин

Поэтов в России любят только после смерти.
Из Интернета

Вернуть соловьиные годы,
упасть в луговую траву!..
Хотелось любви и свободы,
хотелось в Казань и Москву
из Богом забытой Орловки.
Вперёд! И Казань, и Москва
капканы свои и уловки
расставили — выжил едва.
Вернулся, аж мать не узнала,
смурным из незваных гостей.
«Чьё солнце тебя обжигало,
чей холод прошиб до костей?»
Родная! Ни солнце, ни вьюга
меня не свалили бы с ног,

я сам из похмельного круга
сбежал на орловский порог.
В столицах чужие бульдоги
российскую славу пасут.
Рванёшься по скользкой дороге —
всю душу тебе растрясут.
Тебе не расскажешь об этом,
но я занесу на скрижаль
вослед за великим поэтом
слезы материнской печаль.
Я вырвался из круговерти!
Спас матери иконостас.

И кто там кого после смерти
полюбит — неважно для нас…

* * *

Пути-дороги в вечность пролегли
сквозь горизонты, что порою мглисты…
Как далеко от Пушкина ушли
авангардисты и постмодернисты!

Возрадуемся (Господи, прости!).
Покойный Пригов — их Иван Сусанин.
Они у власти нынешней в чести,
а Бердичевский[1] — ангел их сусальный.

Блаженным рай, а нищему — сума.
И нипочём творцам «стихотворений»,
что «ясность — удовольствие ума»,
как говорил другой российский гений…[2]

А мы в глухих провинциях живём.
Нас понимают русские и манси,
не склёвывая штучно и живьём
ни зауми, ни лжи, ни перформанса.

Нам незачем фамилии менять
или гламур размазывать по тесту.

[1] Константин Кедров (псевдоним).
[2] Л.Н. Толстой.

Мы повторяем (можно через …)
«… что в мой жестокий век…»
И далее по тексту.

ПАМЯТЬ

Спит земля в сиянье голубом.
Михаил Лермонтов

Сундуками, ларями, сусеками
не измерить богатства её.
Далеко-далеко, за парсеками,
под звездой золотится жнивьё.
Золотится? Вы в этом уверены?
Да! Безверье сумей превозмочь!
Пусть года световые немерены,
память — царственной Вечности дочь!
Мы давно бы забыли, наверное,
след кометы с павлиньим хвостом —
нашу память небесную Лермонтов
разбудил, возносясь за Христом.
Небо — зеркало. В нём отражение
всей планеты и каждой судьбы.
В тайне смерти есть тайна рождения —
и летят верстовые столбы
в бесконечность. Стихами Есенина
ныне, присно, во веки веков
столько жизни и света посеяно,
что не страшно могильных оков:
«Несказанное, синее, нежное…
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом мёда и роз».
Пусть кому-то во что-то не верится —
нашу Землю Творец освятил,
и не зря она всё-таки вертится
в сонме прочих небесных светил.
Все мы — в космосе, все — небожители.
Утром, чуть заалеет восток,
Улыбнитесь — вы Солнце увидели! —
и в земной окунитесь исток.
Нам Создателем небо подарено.
Купол неба безмерно высок.

Наша память улыбкой Гагарина
озарила небесный чертог.
И не знает душа отторжения
от Вселенной на Божьих весах.
Неземной синевы отражение
я увидел у внучки в глазах.

УРОКИ РУССКОГО

Самовар остывал неохотно.
И беседа, как речка, текла.
А лиловые сумерки плотно
опускались на крыши села.
— Ночевать-то оставишь, Мариша?
— На ночь глядя куда ж ты пойдёшь?..

Вот и жизнь пролетела, а слышу
на два голоса «оканье» сплошь:
— Понесёт — не догонишь на паре, —
о подружке судачат они:
наша мама и тётенька Варя,
наша гостья из дальней родни.

Мне давно уж пора за тетрадки.
Завтра в школу. Что ж, делаю вид…
Не могу не подслушать украдкой —
тётя Варя опять говорит:
— Пусть Петруха поправит тычинник —
в огурешнике вашем дыра.
— Сам-то в кузнице. Борька починит
или Санька — обоим пора.
— Трудно с ними? Семья-то большая:
трое неслухов, пара невест.
— Нет! Живём, никому не мешая —
Бог не выдаст, а нехристь не съест.

Чашку чая с гостинцем откушав,
я залезу на тёплую печь.
Пусть вливается в детскую душу
деревенская русская речь.

Владимир БАХАРЕВ

ПОКА ПОЮТ ПЕРЕПЕЛА

Стихи

МОИ ПРА-ПРА...

Бахарь, баятель — в Древней Руси
рассказыватель басен, историй, сказок.
Поэтический словарь

Мой дед и прадед были пахари,
Как русичи седых былин.
Хотя в селе их звали бахари,
Но не до сказок было им.

И жизнь свою веками делали
Руками, а не языком.
Спина натруженно гудела лишь,
Когда с работы шли пешком.

А на заре тропинкой хоженой —
Опять к знакомой полосе:
К хлебам высоким недокошенным,
Дрожащим с вечера в росе,

Что клонятся к земле доверчиво
И сердце радуют красой.
Так день за днём, с утра до вечера
Мои пра-пра... — с сохой, с косой...

** Редакция журнала «Сура» поздравляет Владимира Бахарева с 70-летием, желает здоровья, счастья, творческих успехов.*

С цепами на току приглаженном…
С картошкой спелой в борозде…
И было всё у них налажено,
И шли дела, как у людей.

И всё же кто-то был не пахарем,
А прославлял земли красу.
Он роду дал названье Бахари.
И я фамилию несу.

ГОЛУБЯТНИК

Жизнь меня не очень-то ласкала,
Но не стал с годами я грубей.
Зим и вёсен позади немало,
Но люблю, как в детстве, голубей.

Кто-то говорит: нашёл забаву…
Кто-то пальцем крутит у виска…
И имею я в округе славу
Голубятника и чудака.

Каждый мне даёт свои советы,
Каждый хочет быть себя умней.
Только завтра я опять с рассветом
Розовых увижу голубей.

Я для вас чудак, и даже хуже…
Нам друг друга просто не понять.
Для меня и небо станет с лужу,
Если брошу голубей гонять.

Вот они взвиваются над крышей,
Ввинчиваясь в голубую высь.
Вот они: бантастый, белый, рыжий —
В голубой лазури разбрелись.

Разыгрались в небе словно дети:
Кувырками вниз и вверх быстрей.
Счастлив я, что полюбил их с детства,
Этих белокрылых голубей.

* * *

Я всегда был таким, какой есть,
Не рядился в чужие наряды.
Дороги мне достоинство, честь,
Как для певчих пернатых — рулады.

Я без них — без водицы родник,
Осень без красоты листопада.
Никогда не смогу изменить
Я свои убежденья и взгляды.
Не сменяю на сытый уют
Бесприютство на Родине нашей.
Честь другие пускай продают,
Пусть юлят они — нашим и вашим.

Пусть пируют во время чумы,
Рвут Россию. Как волки, на части.
Не могу я среди этой тьмы
На страданьях других строить счастье.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИМ

Давным-давно все ветераны седы,
Поблекли, потускнели ордена.
Живых и мёртвых славим в День Победы.
И думаем, что кончилась война.

Но всех ли помним без вести пропавших
И каждый ли победой дорожит?
О, сколько ж вас, за Русь святую павших,
На рубежах растерзанных лежит!

Лежат поодиночке и взводами
Под Старой Руссой, Ржевом и Москвой…
Останки, отбелённые годами,
Пронизаны, как стрелами, травой.

Уж больше полувека — мир, а кости
Бойцов безвестных погребенья ждут:
На братских нестареющих погостах
Как будто бой они ещё ведут.

Бойцы-отцы, вы почестей достойны!
А мы не оценили вас сполна.
Пока же есть непогребённый воин,
Хотя б один — не кончилась война.

* * *

Меж рассветом и закатом
День певуч.
Улыбается солдатам
Солнца луч.
Улыбаются им хаты,
Лес, поля…
Но достались им лопаты
Да земля.

Целый день копай и ползай,
Не лежи.
Всем всегда идут на пользу
Рубежи.

В жизни точно пригодятся
Марш-броски.
Ведь солдатами родятся
Мужики.

* * *

Сколько ты ещё ни поживи —
Жизнью никогда не насладиться.
Затихают в роще соловьи,
И восток рыжеет, как лисица.

Улыбаясь, выплывает день,
Не спеша, степенно, осторожно,
Ветерок расцеловал сирень
И кудряшки ей, любя, ерошит.

Шепчется о чём-то он с листвой,
Облаком сирени и землицей.
Ах, как жаль, что чудный миг такой
Канет в небыль, вновь не повторится.

Вера УЛЬЯНОВА

75-ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ «ТАРХАН». НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В журнале «Сура» № 1 (119) за январь — февраль 2014 г. мы рассказали о некоторых материалах, поступивших в музей от тамбовского коллекционера Сергея Николаевича Денисова. Помимо этих документов «особой культурной ценности» от С.Н. Денисова поступило еще несколько, не менее интересных. Расскажем о них по порядку.

Известно, что в соответствии с декретом от 05.10.1918 г. барская усадьба в с. Лермонтово была объявлена достоянием советского государства. Музейная комиссия при Пензенском губернском политпросвете прилагала большие усилия для её музеефикации. В июле 1924 года памятники в с. Лермонтово, связанные с именем поэта, были включены в список памятников искусства и старины по губернии. В октябре 1924 года «усадьба... со всеми постройками и насаждениями» была объявлена историческим памятником. В ноябре 1924 года «усадьба Лермонтова при селе Тарханы Чембарского уезда Пензенской губернии с церковью и часовней ввиду их исторического значения» были взяты на учет и под охрану отдела музеев Главнауки Наркомпросса. В 1934 году Президиум Средне-Волжского крайисполкома объявил село Лермонтово заповедным, а в феврале 1936 года Куйбышевский крайисполком (с 1930 по 1937 годы Пензенская область входила в состав Средне-Волжского края с центром в г. Куйбышеве) вынес постановление о реставрации и охране мемориальных мест в Чембарском районе, связанных с жизнью М.Ю. Лермонтова и В.Г. Белинского. В Постановлении в числе прочего утверждался «проект реставрационного ремонта могилы и дома М.Ю. Лермонтова в с. Лермонтово».

Этому, естественно, предшествовала большая подготовительная работа многих людей и организаций. Так, 26 ноября 1935 года Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Коми-

тета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Комитет по охране памятников революции, искусства и культуры направил в Куйбышевский крайисполком телеграмму: «Комитет просит прислать для утверждения сметы ремонтно-реставрационных работ по домам Белинского и Лермонтова»[1]. Подписали телеграмму председатель комитета Ф. Кон и ученый секретарь Иванов. Телеграмма — ещё один документ, свидетельствующий о работе по созданию музея поэта в с. Лермонтово.

По запросу ВЦИК и Комитета по охране памятников революции, искусства и культуры названные сметы были составлены.

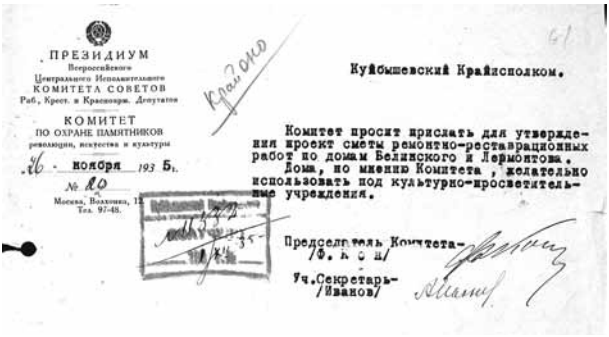
Телеграмма и сметы, и не только на ремонт барского дома, но и часовни над могилой поэта, и поступили теперь в музей Лермонтова.

Известно, что смета на ремонт барского дома была не одна. Это естественно: сметы уточнялись, дополнялись, корректировались. Так, в неопубликованной рукописи с.н.с. музея «Тарханы» П.А. Фролова «Неизвестные страницы истории музея»[2] приводится смета на ремонт барского дома 1835 года — по экземпляру, хранящемуся в Пензенском объединенном краеведческом музее.

Смета 1836 года, поступившая в музей от С.Н. Денисова, уточнённая. Из неё видно, какие именно работы, в каких объёмах, какими материалами было запроектировано произвести на лермонтовском памятнике перед открытием музея в 1936 — 1938 гг. Так, было запланировано открыть и частично подвести под стены здания фундамент барского дома из бутового камня на сложном растворе; сделать выборку негодного кирпича площадок и ступеней обоих крылец с последующей закладкой новым кирпичом; частично переложить стены, цоколь; заменить междуэтажное перекрытие с разборкой чистого пола, чердачные перекрытия, балки (указанные работы произвести с использованием материалов от разборки) и так далее — всё от фундамента до крыши барского дома, от замены несущих конструкций до покраски, устройства забора и очистки двора от мусора.

Чрезвычайно ценно в смете указание на то, в каких объёмах рекомендовано сохранение старых элементов. Например, перестилку чистых полов с простружкой старых досок — с добавлением до 50% новых досок; устройство голландских печей, разобранных «до основания», сделать с применением 50% нового кирпича; железную крышу перекрыть, разобрав, выправив и обрезав старое железо, с добавлением нового до 50%.

Очень подробно учтены и прописаны в смете до мельчайших деталей не только основные, крупные, но и вспомогательные работы, например: «загасить едкую известь с подноской ее к месту гашения и выбрасыванием **со складыванием в кучи незагасившихся остатков** куб. м теста 3,39»; «окрасить старой железной кровли **со счисткой старой окраски стальными скребками и щетками, со сметанием поверхности,** промазкой свищей и гребней суриковой замазкой и приготовлением колера кв. м 457»; «изготовить и поставить



ПРЕЗИДИУМ
Всероссийского
Центрального Исполнительного
КОМИТЕТА СОВЕТОВ
Раб., Крест. и Красноарм. Депутатов

КОМИТЕТ
ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ
революции, искусства и культуры

№ 10 ноября 193 5 г.

Москва, Волхонка, 12
Тел. 97-48.

Куйбышевский Крайисполком.

Комитет просит прислать для утверждения проект сметы ремонтно-реставрационных работ по домам Белинского и Лермонтова.
Дома, по мнению Комитета, желательно использовать под культурно-просветительные учреждения.

Председатель Комитета-
/Ф. К о н/

Уч.Секретарь-
/Иванов/

Телеграмма от 26 ноября 1935 года в Куйбышевский крайисполком из Комитета по охране памятников революции, искусства и культуры

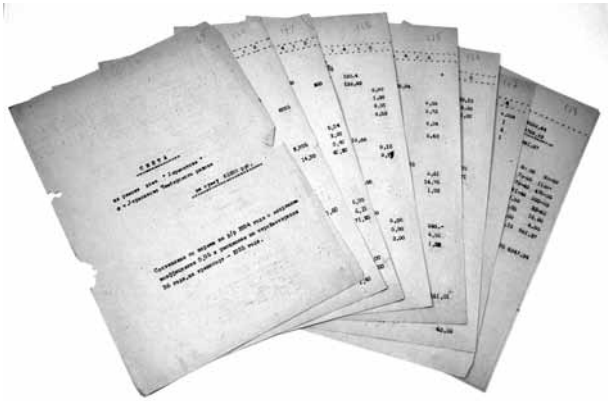
на место наличников **с продольной и поперечной распиловкой досок,** отстружкой, отборкой калевок и фаской, изготовлением и **установкой в каменные стены деревянных пробок** п.м 90»; «перекрыть железную кровлю с разборкой старого покрытия, **отборкой, выправкой и обрезкой старого железа,** покрытием вновь с добавлением нового железа на 50% с проолифкой железа, устройством надстенных желобов и покрытием карниза кв.м 100»; «окрасить масляной краской стен по прежде окрашенному **с расчисткой местами старой облупившейся окраски, проолифкой, шпаклевкой, частичной подмазкой, расшивкой трещин, пемзовкой, огрунтовкой и флейцовкой** кв.м 320»[3] (выделено **В. У.**).

Сметой предусмотрено заново изготовить и заменить («установить на место») оконных и дверных коробок 11 штук, оконных переплетов /створных/ — 70 кв. м; филенчатых дверей заново изготовить «с врезкой приборов» и установить на место 16 штук, а отремонтировать («исправить... со снятием их с места, заменой до 25% брусков и филенок с приготовлением их и с обделкой соответственно существующему рисунку») 12 штук; «водосточных труб с проолифкой железа и постановкой труб на место 85 погонных метров»; подоконных досок заменить 24 штуки, «ступеней с подступеньками» в деревянной лестнице 12 штук; «остеклить оконные пелеплеты бемским стеклом кв.м 96», «п.м фальца — 560»; разобрать «до основания прямоугольных голландских и угловых печей и сложить вновь с добавлением 50% нового кирпича шт. 5», то же — русских печей 1 шт.; разобрать «дымоходов с уборкой мусора и вновь сложить с приготовлением раствора и подноской материалов 35 п.м», «временных печей с очисткой годного кирпича и уборкой мусора кб.м 4,50»; «сделать чистой работы ворота по типу существующих с постановкой столбов, обшивкой последних и постановкой резного вершника с пригонкой, оставшихся деталей шт. 1», а также «произвести отчистку двора от мусора и сада с расчисткой дорожек с посыпкой песком, с утрамбовкой, подрезкой деревьев, окопкой, восстановлением скамеек, беседок»[4]. Указаны площадь двора и сада — 16 500 кв. м.

Имеется в смете и расчет того, сколько рабочих, каких специальностей и какой квалификации потребуется для выполнения работ, например: печников 2-го разряда, 4-го разряда, штукатуров 3-го разряда, плотников 5-го разряда, столяров 3, 4 и 5-го разрядов, землекопов 3-го разряда и т. д. Тщательно просчитано необходимое для ремонта количество строительных материалов — кирпича, глины, песка, гвоздей кровельных, штукатурных, кованых заершенных (именно такой кованый гвоздь был вынут из старой полусгнившей к тому времени доски во время реставрации барского дома в 1970-х годах, сейчас он хранится в фондах музея), проволоки печной, дверок, задвижек, петель, шурупов, скоб, шпингалет, пакли, смолы, даже — просеянной земли от разборки... Так, посчитано, что штукатурной дранки потребуется 364,98 тысячи штук.

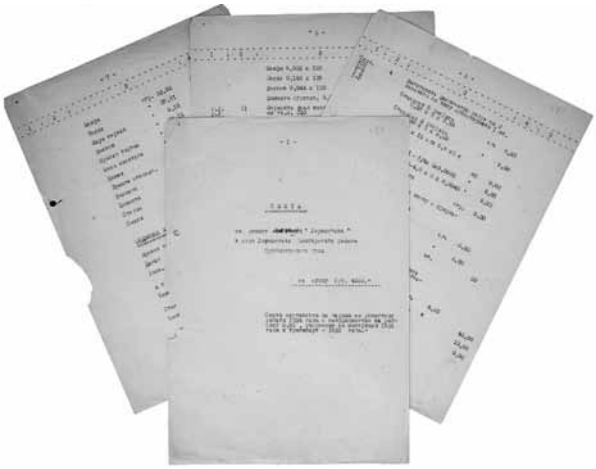
Пожалуй, одно из самых интересных указаний, обнаруженных нами в смете на ремонт барского дома, касается конструкции его стен. В статье «Конструкция барского дома в Тарханах», опубликованной в «Тарханском вестнике» №1 за 1993 год, П.А. Фролов подробнейшим образом рассмотрел этот вопрос. В частности, он пишет: «...трудно было поверить утверждению старожила Тархан П.И. Жилякова (1898 — 1983), что стены послепожарного господского дома не срубовые, а забранные в столбы, укрепленные в верхние и нижние обвязки, точно так же, как это делается при строительстве сараев. К тому же бревна не полноценные кругляши, а распиленные вдоль пополам на плахи, или так называемые пластины»[5]. Более того, отмечает автор статьи, в заключениях всех обследований барского дома (1925, конца 1960-х — начала 1970-х, 1982 гг.) указывалось, что каркас барского дома — деревянный сруб из полных круглых бревен.

Подтверждение справедливости сообщения тарханского старожила П.А. Фролов нашел в Пензенском госархиве (ГАПО), в акте осмотра барского дома от 1936 года. В нем сказано: «Стены деревянные, рубленные из пластин, поставленных вертикально и забранных в нижние и верхние обвязки... облицованы снаружи кирпичной кладкой»[6].



Смета на ремонт дома Лермонтова в с. Лермонтово Чембарского района Куйбышевского края

При этом автор статьи пишет: «В архиве музея не нашлось документов, подтверждающих сообщение старо-



Смета на ремонт часовни (исправлено: «могилы») Лермонтова в селе Лермонтово Чембарского района Куйбышевского края

жила Жилякова... в музее не сохранилось таких документов, относящихся к 1930-м годам»[7]. **Теперь такой документ в музее имеется.** В описываемой нами смете читаем: «Заменить **деревянных стен, забранных вертикально в обвязки, с заменой верхних и нижних обвязок** с предварительным временным креплением подкосами кирпичной облицовки, постановкой временных стоек под перекрытия, прокладкой изоляции и подмащиванием кв. 320»[8] (выделено **В. У.**).

Таким образом, приобретенный музеем документ еще раз неоспоримо доказывает тот факт, что после пожара 1908 года господский дом в Тарханах восстановлен управляющим Козьминым недобросовестно: вместо срубовых стен из цельных полноценных бревен им были построены стены из поставленных вертикально пластин.

Более того, документ уточняет важный момент, также касающийся конструкции стен барского дома: как именно деревянные части стен были связаны с кирпичной облицовкой. Ни в одном из вышеприведенных документов сведений об этом не имеется, только в «Инженерном заключении о техническом состоянии главного дома» проектного института «Спецпроектреставрация» (Москва) 1982 года сказано: «Деревянный сруб и прикрепленная к нему проволокой через три ряда кирпичей кирпичная стена... облицованная снаружи горизонтальными досками»[9].

В рассматриваемой нами смете находим информацию о том, каким образом во время ремонта барского дома 1936 — 1939 гг. кирпичная облицовка была скреплена с деревянными стенами: «связать кирпичную облицовку с деревянными стенами **с пробивкой сквозных отверстий шлямбуром и пришивкой заершенными коваными гвоздями»**[10]. Указано даже количество таких креплений: **«...мест 800».**

Так же подробно описаны все ремонтные работы по часовне. В смете имеется указание даже на то, что необходимо использовать старую штукатурку: «Перетереть старую штукатурку с приготовлением раствора с добавлением воды и алебастра, расчисткой щелей и трещин, смачиванием поверхности водой, заполнением раствором трещин и углублений и с затиркой поверхности теркой кв.м 1030»[11].

Следует отметить, что смета на ремонт часовни предусматривает гораздо меньший перечень работ, чем по барскому дому. Она не затрагивает несущие конструкции часовни, не предусматривает их замену, реконструкцию. Практически в смете обсчитан в основном косметический ремонт: покраска, побелка, грунтовка, шпаклевка, расчистка, а также замена дверей, остекление оконных переплетов, устройство ограждения. Не предусматривала эта смета на ремонт часовни и устройства доступа к склепу М.Ю. Лермонтова.

Новые документы, поступившие в фонды музея, проливают свет на ранее неизвестные факты в истории бытования барского дома, в котором будущий поэт прожил почти половину своей короткой жизни, создания музея М.Ю. Лермонтова в Тарханах, подтверждают выдвинутые в процессе научно-исследовательской работы гипотезы и предположения. Они, несомненно, значительно обогатили коллекцию документальных материалов музея-заповедника «Тарханы».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». Коллекция основного фонда письменных источников. Инв. № ЛОПИ – 1322.

[2] Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». Архив музея. Ф. 1, оп. 6/8, дело № 122.

[3] Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». Коллекция основного фонда письменных источников. Инв. № ЛОПИ – 1319.

[4] Там же.

[5] П.А. Фролов. В сб. «Тарханский вестник» № 1. Тарханы, 1993. С. 14.

[6] Там же. С. 18.

[7] Там же. С. 15.

[8] Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». Коллекция основного фонда письменных источников. Инв. № ЛОПИ – 1319.

[9] П.А. Фролов. В сб. «Тарханский вестник» № 1. Тарханы, 1993. С. 17.

[10] Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». Коллекция основного фонда письменных источников. ЛОПИ – 1319.

[11] Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы». Коллекция основного фонда письменных источников. ЛОПИ – 1323.

Геннадий ГОРЛАНОВ

СОВРЕМЕННИКИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА О ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

К XXI столетию слава М.Ю. Лермонтова как творческой личности оказалась бесспорной. Прав был поэт, заявлявший: «Мой гений веки пролетит». Нужна была особая интуиция, чтобы заявить так, если учитывать, что отношение критиков к опубликованному было далеко не однозначным. Возможно, эта крылатая строчка возникла как реакция на отрицательные мнения по поводу его стихов и прозы. При жизни Лермонтова дважды выходил роман «Герой нашего времени» (первый в апреле 1840 года) и публиковался небольшой сборник стихов в авторской редакции («Стихотворения М. Лермонтова», октябрь 1840 года). Печатались его стихи в «Отечественных записках», в «Москвитянине», в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» была опубликована «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», в «Современнике» — «Казначейша».

Признавая талант Лермонтова в целом, Бурачок Степан Онисимович, по сути дела, объявил вредными стихи и прозу писателя. Роман «Герой нашего времени» прокомментировал он в оригинально построенной статье «Разговор в гостиной» (впервые: «Маяк». 1840. Ч. 1. Гл. 4. С. 210 — 219). Некий «Ив< ан> Ив<аныч>» спорит с двумя mesdames в гостиной, высоко оценивающими роман Лермонтова. «Я в самой вещи, — рассуждает он, — развинтил героя и вот что нашел: внешнее построение романа хорошо, слог хорош; содержание — романтическое по превосходству, т. е. ложное в основании; гармонии между причинами, средствами, явлениями, следствиями и целью — ни малейшей, т. е. внутреннее построение романа никуда не годится: идея ложная, направление кривое. Оболочка светского человека схвачена довольно хорошо, черты духа и сердца человеческого обезображены до нелепости, — весь роман — эпиграмма, составленная из беспрерывных софизмов, так что **философии,**

религиозности, русской народности и следов нет. Всего этого слишком достаточно, чтоб угодить вкусу «героев нашего времени», но в то же время для человека здравомыслящего, т. е. для профана в современном героизме, слишком неотрадно: от души жалеешь, зачем Печорин, настоящий автор книги, так во зло употребил прекрасные свои дарования, единственно из-за грошовой подачки — похвалы людей, зевающих от пустоты головной, душевной и сердечной. Жаль, что он умер и на могиле поставил себе памятник «легкого чтения». Похожий на гроб поваленный — снаружи красив, блестит мишурой. А внутри гниль и смрад». Далее он бесцеремонно вскрывает «гроб» для необходимого «медико-литературного «следствия».

Нетрудно заметить, что за образом Ив. Ив-ча стоит сам Бурачок. Печорин, на его взгляд, никак не может выражать личность героя своего времени по той простой причине, что Печорин не личность, а обладатель низменных сторон жизни человека, вобравший в себя «грешные, грязные и порочные вещицы человеческие». Настоящим героем времени мог бы быть Максим Максимыч, если бы не попал под влияние Печорина. Иронизируя над дамами, восторгающимися романом, а заодно и над теми читателями, которые были в восторге от образа Печорина, он резюмировал: «*Итого:* воровство, грабеж, пьянство, похищение и обольщение девушки, два убийства, презрение ко всему святому, одеревенелость, парадоксы, софизмы, зверство духовное и телесное. Все это элементы первого акта похождений героя. В самом деле — должно ужасть как читаться! Так легко, утешительно! И все так мило — совершенно во вкусе образованного общества, особливо нежного пола! И так натурально — живая натура!»

Многих любителей словесности, разбиравшихся в литературном процессе, удивил критик и журналист Фаддей Венедиктович Булгарин, стоявший на тех же идейных позициях, что и Бурачок, но выступивший в защиту лермонтовского романа. Исследователи творчества Лермонтова находят многие причины для такого нестандартного решения. Возможно, дух соперничества переборол мировоззренческое единство. Оставим в сторонке гипотезы ученых относительно «причин» и обратимся непосредственно к статье, напечатанной в газете «Северная пчела» 30 октября 1840 года. Статья появилась в противовес суждениям Бурачка. Булгарин не скрывает своего полемического задора: «Из этого суждения (имеется в виду статья С.О. Бурачка. — **Г. Г.**) надлежало заключить, что роман «Герой нашего времени» есть ни более ни менее как подслушанная и ароматическая аква-тофана в прелестной стклянке из граненого горного хрусталя». Упоминаемое Булгариным словосочетание от латинского aduatohana означает сильнодействующий яд: первооснова его «вода Тюфаны» — от имени сицилийской отравительницы Теофании ди Адамо. Иными словами, роман «Герой нашего времени» есть не что иное как яд, которым автор травит неопытные души читателей.

Если верить Фаддею Венедиктовичу, то он прочитал роман, не смыкая глаз, за одну ночь («…когда я дочел до последней страницы, было шесть часов утра!»). После такого признания идут следующие рассуждения: «Я вовсе не знаю авто-

ра, никогда не видел его, ничего не читал прежде из его произведений, потому что не читаю тех журналов, в которых он печатает свои стихотворения... Не знаю и знать не хочу, какого он мнения обо мне, но, прочитав «Героя нашего времени», преклоняю пред автором мое литературное знамя и отдаю ему полный салют!» Слукавил здесь автор статьи («не знаю и знать не хочу, какого он мнения обо мне...» — **Г. Г.**). Мнение Лермонтова, вращавшегося в литературных кругах, где откровенно критиковали идейные позиции беспринципного Фаддея Булгарина, были известны издателю «Северной пчелы». Должно быть, известна ему была эпиграмма Лермонтова, написанная еще в 1837 году:

Россию продает Фаддей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй, он продаст жену, детей,
И мир земной, и рай небесный.
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль, заложена в казну.

Не будем уходить в дебри литературного процесса 30-х годов девятнадцатого столетия — для нас сейчас важны только мнения литераторов относительно творчества Лермонтова. Булгарин, удачно полемизируя с Бурачком, отрицая доводы своего оппонента, возвышал Лермонтова, делая ему неплохую рекламу: «Лучшего романа я не читал на русском языке! Это говорит вам романист, рассказчик и критик, которого многие почитают неумолимым, беспощадным и даже привязчивым критиком, потому что он говорит откровенно правду напыщенной бесталанности, дерзкой самонадеянности и пронырливому литературному корыстолюбию, прикрывающемуся глупым чванством. Вот юный автор, незнакомый мне и, вероятно, не благоприятствующий мне, судя по его литературным связям, в которые он мог попасть нечаянно. Этот юный автор с истинным, неподдельным дарованием, и я хвалю его сочинение с такою же радостию, как будто бы делился с ним его славою...» Какая искренняя самореклама. Прямотаки молодец Булгарин: не дожидаясь восхищений со стороны, и себя, и журнал похвалил, а заодно попытался перетащить юное дарование на свою сторону.

Полемизируя с Булгариным, С.О. Бурачок не остался в долгу. Мнения по поводу стихов Лермонтова он выразил опять-таки в оригинальной форме: в виде письма к поэту («Стихотворения М. Лермонтова. Письмо к автору. «Маяк».1840). В отличие от первой статьи относительно «Героя нашего времени» здесь тон высказываний носит откровенно морализаторский характер, напоминающий проповедь мудреного патриарха юному послушнику. При этом патриарх нисколько не сомневается в том, что глаголит истину. Вначале он решает похвалить юного поэта, будто снисходительно гладит по голове неразумное чадо: «Это замечательный стихотворец, очень и очень не последний, может быть первый из нынешних «стихотворцев». Стихи называются в тексте статьями (« В книжке 168 страниц и 27 статей»). Мягкое вступление заканчивается быстро, тон вскоре меняется: «Послушайте, умный поэт! Пока стихи ваши

были в вашем портфеле, они были неприкосновенны для критики. Вы их пустили в свет — не угодно ли вам стать поодаль и вместе с нами посмотреть на них глазом постороннего. Это, право, стоит труда». После такого вступления начинается и продолжается ёрническая экзекуция над каждым стихотворением («Журналист, читатель и писатель», «Дума» («Печально я гляжу на наше поколенье»), «1-е января» («Как часто, пестрою толпою окружен»), «И скучно и грустно...» и т. д. Процитировав строчки из «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»:

...И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатилася! —

Бурачок делает вывод: «Такие страницы, сказал Сегюр (имеется в виду французский историк и дипломат Луи Филипп Сегюр — **Г. Г.**), не достойны даже истории, не только поэзии. Но вы не виноваты: дух времени требует своих картин. Гении, которых вы изучали, которым, по порядку вещей, вы подражаете, сами предпочтительно воспевали подобные сцены кровавого, бурного молодечества. Говоря от души:

— О чем писать? —

вы живо чувствовали, что подобные сюжеты недостойны поэзии, но в то же время чувствовали, что такая поэзия будет доступнее для современного поколения...»

Вне критики оказались только «Молитва» и «Ветка Палестины». Главный недостаток остальных произведений критик видит в беспредельном эгоизме. Лирическое «я» и образ поэта для литературного патриарха одно и то же.

Свою лепту в интерпретацию лермонтовского текста внес поэт и критик, профессор Московского университета Степан Петрович Шевырев, работавший в «Москвитянине» и опубликовавший на страницах этого журнала «подробный и искренний разбор романа «Герой нашего времени» (1841, ч. 1, № 2) и «Стихотворения М. Лермонтова» (1841. Ч. 2. № 4). Роману в самом деле дан подробный анализ. Главное внимание, как и следовало ожидать, сосредоточено на образе Печорина. Скрупулезно рассматривая его характер, он, как доктор-психолог, определяет признаки болезни героя. Диагноз человека, «испорченного светом», ставится следующим образом: «...Есть болезнь физическая, которая носит в простонародии неопрятное название собачьей старости: это вечный голод тела, которое ничем насытиться не может. Этой болезни физической соответствует болезнь душевная — *скука* — вечный голод развратной души, которая ищет сильных ощущений и ими насытиться не может. Это самая высшая степень апатии в человеке, проистекающей от раннего разочарования, от убитой или промотанной юности». Может ли такой больной человек любить что-либо: музыку, природу, любовь, художественные творения? У Степана Петровича на этот счет однозначный ответ: нет, не может! И вообще такому ге-

рою критик отказывает в «русскости». Заразился Печорин бациллами эгоизма от западноевропейской «цивилизации». Вылечиться от такой болезни ему не суждено. Скука, которой страдал в Петербурге и на Кавказе, пагубно сказалась не только на нем самом, но и на окружающих его людях: Максиме Максимыче, Бэле, Вере, княжне Мери, Грушницком.

«Воспитана в нем неодолимая гордость духа, которая не знает никакой преграды и которая приносит в жертву все, что ни попадается на пути скучающему герою, лишь бы только ему было весело... Необъятное ему наслаждение — сорвать цветок, подышать им минутку и бросить его!» Образ Печорина, по мнению Шевырева, выполнен мастерской рукой, оттого-то и опасность заразы, идущей от него, значительная. Критик спешит обезопасить читателя от болезни: «Употребим же с пользою урок, предлагаемый поэтом. Бывают в человеке болезни, которые начинаются воображением и потом мало-помалу переходят в существенность. Предостережем себя, чтобы призрак недуга, сильно изображенный кистию свежего таланта, не перешел для нас из мира праздной мечты в мир тяжкой действительности».

Степан Петрович не обошел вниманием и стихотворения своего современника, посвятив их разбору страницы того же «Москвитянина» (1841, ч. 2, 3 4). «Прекрасные надежды видим мы, — пишет он, — и в стихотворце; но будем и здесь искренны, как были в первом нашем разборе. Нам кажется, что еще рано было ему собирать свои звуки, рассеянные по альманахам и журналам, в одно: такого рода собрания и позволительны, и необходимы бывают тогда, когда уже лирик образовался и в замечательных произведениях запечатлел свой оригинальный, решительный характер. Так, сожалеем мы, что нет у нас до сих пор полного собрания стихотворений князя Вяземского и Хомякова: были бы необходимы для того, чтобы обнять совокупные черты этих поэтов, сливающиеся в характеры цельные и означенные яркою личностью и в мысли и в выражении».

Обидные слова для Лермонтова, а главное, прозвучали они несправедливо. Шевырёв, в сущности, осуждает решение поэта выпустить свой сборник стихов. Главный недостаток критик видит в подражательности автора русским и зарубежным поэтам, в первую очередь Байрону («Мцыри»,1840, по содержанию своему есть воспоминание о героях Байрона»). Это по содержанию, а по форме «это маленькая лирическая поэма» «снята с «Шильонского узника» Жуковского» (поэма Байрона «Шильонский узник» переведена В.А. Жуковским — **Г. Г.**). «К стилю Жуковского принадлежат также: «Русалка», «Три пальмы» и одна из двух «Молитв». Изобретение в «Русалке» (1836) напоминает Гете; но формы стиха и выражения подслушаны у лиры Жуковского». Далее идет цитирование из «Русалки» («Русалка плыла по реке голубой...»). Стихотворение «Узник», «Ветка Палестины», «Памяти А.И. О-го», «Разговор между журналистом, читателем и писателем», «Дары Терека» напоминают совершенно стиль Пушкина». Даже такое оригинальное произведение, как «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», охарактеризовано как «мас-

терское подражание эпическому стилю русских песен, известных под именем собирателя их Кирши Данилова». Не хотелось бы представить себя на месте Лермонтова, читавшего эти надуманные, несправедливые суждения. Несправедливость «разбора» Шевырева заметили даже его единомышленники. А.С. Хомяков, упомянутый в положительном свете в статье критика, писал поэту Н.М. Языкову летом 1841 года: «В Москвитянине» был разбор Лермонтова Шевырёвым, и разбор не совсем приятный, по-моему, несколько несправедливый». Далее, в том же письме, Хомяков одобрил «благоразумные» действия раскритикованного поэта, отправившего в «Москвитянин» стихотворение «Спор Шата с Казбеком» (Хомяков А.С. Полн. собр. соч. — М., 1994. — Т. 8. — С. 104). Уже после гибели Лермонтова, в 1843 году, В.Г. Белинский саркастически вспоминал: «Всем известно, что в свое время г. Шевырёв даже взял на себя труд показать, кому именно подражал Лермонтов, и открыл, с свойственной ему критическою проницательностию, что Лермонтов подражал не только Пушкину и Жуковскому, но даже и господину Бенедиктову!! В доказательство удивительной способности г. Шевырёва открывать дух подражательности там, где нет его и тени, указываем, кстати, высказанное им в этой же статье мнение, будто бы Лермонтов в «Мцыри» подражал — Жуковскому!..» (Белинский В.Г. — Т. 7. — С. 622).

Среди читающей публики находились как сторонники суждений Шевырёва, так и его противники. Последних было больше. Впоследствии критик смягчился в своих суждениях, хотя полностью не отказался от своих мнений. В статье «Взгляд на современную русскую литературу» («Москвитянин», 1842, ч. 2. кн. 3) он высоко отозвался о значении творчества Лермонтова как мастера художественного слова, признав его продолжателем Пушкина, «его спутником, самым верным и ярким отблеском нашего великого гения».

Любителям словесности запомнилась статья Егора (Георгия) Федоровича Розена. Он, известный в те годы поэт, драматург и критик, опубликовал её в журнале «Сын отечества» (1843, № 3, отд. 6). Дружеские отношения у него были с Пушкиным и его близкими соратниками. Блюстителю традиций русского Парнаса не нравились стихи Лермонтова (впрочем, он неодобрительно отзывался и о прозе Н.В. Гоголя). По этой причине он самоотверженно полемизировал с «хвалителями» поэта, и в первую очередь с В.Г. Белинским, печатавшимся в «Отечественных записках». Для критика «все позволяется в сравнении». Естественно, на первый план выплывает Лира Пушкина. Сравним ли с ним Лермонтов? «Лермонтов удачно перенял легкость, и звучность, и самый склад стиха, ясность и гибкость языка и образ выражения Пушкина (не довольно ли для обмана чувств?), но не мог перенять ни тонкого вкуса, ни умственной грации, ни строгой отчетливости, ни высшей нежнейшей обворожительности его гения — словом, ему дался талант, но не дался гений Пушкина. Что же касается до *воображения,* то Лермонтов едва ли не перещеголял Пушкина и из этого источника развился бы и самобытно, если бы с теми атрибутами, к несчастию, не была соединена и *судьба* Евфориона».

Позиция выражена ясно. На этом можно было бы и остановиться, если не дальнейший детальный разбор конкретных произведений. «Первая пиеса Лермонтова вроде *молодого* Пушкина оканчивалась совершенною бессмыслицею, проскользнувшею в пылу сочинения, а ее никто и не заметил». В данном случае имеются в виду некоторые несовершенства в стихотворении «Смерть поэта». Далее в поисках ляпсусов поэта Розен начинает с «двух молитв», затем в круг внимания входят «Ветка Палестины», «Ребенку», «Памяти А.И. О-го», «Сосна». Надо отдать должное: критик, поставивший своей целью найти ошибки, отыскивает их. «К сожалению, — пишет он, — мы и в «Дарах Терека» находим несколько странных промахов и недосмотров!

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен!

Плач тут вовсе нейдет: для чего плакать Тереку? Да и в самой пиесе мы не видим ни малейшей тому причины. Он воет от избытка своих диких сил, как лев ревет в пустыне. Это неудачное подражание стихам Пушкина о буре:

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

Далее автор, позабыв, что Терек уже не злится, а с лукавой лаской говорит Морю-Каспию, опять назвал его *сердитым*. На Тереке всплывает, *белая как снег, голова* с размытой косой; это голова молодой казачки! Мы этого не понимаем: только у старухи могла быть белая как снег голова! Поэт, вероятно, хотел сказать: лик, ибо головы, *покрытой* чем-то белым, нельзя назвать *белою головою*, Каспий взыграл, *веселья полный*; отчего же он этот милый ему дар принял *с ропотом*?» Как видим, Егор Федорович разбирает текст только в прямом значении, не учитывая специфики поэтического строения речи.

Процитировав строчки «Сосны» («На севере диком стоит одиноко // На голой вершине сосна...»), критик задается вопросом: «отчего *сосна* (критик имеет в виду ударение на последнем слоге — **Г. Г.**), правильнее же сказать: сосна (ударение у критика — на первом слоге), дочь севера, растущая на родной почве, в родной стихии холода, свежая и зеленая во всякое время и весьма к лицу одетая в ризу снега, — отчего, спрашиваем, сосна все мечтает о дщери жаркого климата, о пальме, которая также растет у себя *дома* и дышит родным зноем, и некстати *грустит* в этой пиеске? Мы не видим ни малейшей умственной связи между этих двух предметов! Не все равно ли, что сказать: лапландка все мечтает о бедунике? Или белая медведица Ледовитого моря — о стройной газели в жарких ливийских песках?» Если подходить формально, то ударение в слове «сосна» можно поставить на первом слоге. Именно так ставилось ударение в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1794, — т. 5. Стр. 662). Однако уже во времена Лермонтова допускались две формы ударения: на первом и на втором слоге. Выбранный Лермонтовым вариант оказался правильным. Передо мной не стоит задача вступать в полемику с Розеном. Никто не запрещает

ему иметь свою точку зрения, тем более, будем объективны, все его найденные «блошки» продуманны и во многом, хотя и не всегда, обоснованны. Сам он, судя по тону высказываемого, остался доволен своими глубокомысленными замечаниями: «Но довольно! Мы исполнили печальный долг добросовестного критика и теперь позволяем себе отдохнуть на тех произведениях нашего поэта, где мы можем вместе с публикою радоваться его таланту». К числу удачных, по мнению Розена, можно отнести «Спор», «Любовь мертвеца», «Родину», «Казачью колыбельную песню», «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Дары Терека», хотя в последней, как я отмечал, также найдены недочеты». Трудно судить, как бы отреагировал сам Лермонтов на предъявленные обвинения, так как критическая статья появилась после подлого убийства Лермонтова, в 1843 году. Заботившийся о русской словесности Розен опубликовал ее в назидание новым молодым талантам, рвущимся, как и Лермонтов, к незаслуженной славе.

Нельзя не упомянуть и мнения о стихах Лермонтова классика русской прозы Н.В. Гоголя. Литературоведы находят его влияние на незаконченные прозаические вещи «Вадим», «Княгиня Лиговская», на мистическую повесть «Штос». Лермонтов лично знаком был с Гоголем, встречались с ним на дне рождения прозаика. Взгляды на эстетическую сущность литературного творчества Гоголь выявил в рассуждениях «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», ставших составной частью в знаменитых «Выбранных местах из переписки с друзьями», вышедших впервые в Санкт-Петербурге в 1847 году. Из литературного процесса писатель выделяет трех поэтов: «Три первостепенных поэта: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, один за другим, в виду всех, были похищены насильственной смертью, в течение одного десятилетия, в поре самого цветущего мужества, в полном развитии и сил своих, — ветреное племя. Со смертью Пушкина остановилось движение поэзии нашей вперед. Пушкина нельзя заменить, ни в ком из них еще нет самоцветности. Их даже не следует называть по именам, кроме одного Лермонтова, который себя выставил вперед больше других и которого уже нет на свете. В нем слышатся признаки таланта первостепенного; поприще великое могло ожидать его, если бы не какая-то несчастная звезда, которой управленье захотелось ему над собой признать». (Гоголь Н.В. Собр. соч. в 8 т. — М., «Правда». Т. 7. 1984. С. 374 — 376). Гоголь упрекает поэта за пренебрежение к своему таланту. «Но никто еще не играл так легкомысленно с своим талантом и так не старался показать к нему какое-то даже хвастливое презренье, как Лермонтов». Ни одно стихотворение «не возлелеялось чадолюбиво и заботливо». По мнению Гоголя, стих его не получил «собственной твердой личности и бледно напоминает то стих Жуковского, то Пушкина; повсюду — излишество и многоречие» (С. 375). Нетрудно отметить влияние на Николая Васильевича статей С. Бурачка, С.П. Шевырева, Е.Ф. Розена. Как чуткий творческий человек, Гоголь называет Лермонтова в числе трех выдающихся поэтов и в то же время отмечает несамостоятельность, «изли-

шество и многоречие». В таких воззрениях на талант Лермонтова сказывается противоречивость большого писателя. Вот проза... Проза, в которой он был признанный мастер. Это дело другое. На его взгляд, «никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой!» (с. 375).

Обобщая высказывания современников Лермонтова о его творчестве, можно сказать о негативном отношении критиков к поэзии и к роману «Герой нашего времени». Кому-то может показаться противоречивым, но именно такой негатив сыграл свою положительную роль в пропаганде творчества Лермонтова. Раз о нем говорят, стало быть, он привлекает внимание. Если сам царь прочитал «Героя нашего времени» и дал ему отрицательную характеристику, так и дворовые должны были не отставать от царя и прочитать книгу, чтобы в конечном счете поддержать его высочайшее превосходительство Николая Павловича.

Главным ориентиром при анализе произведений Лермонтова являлась нравственная сторона его творчества. Названные мною критики осуждали поэзию и прозу Лермонтова за необычность эстетических ценностей, отличающихся от тех, которых придерживались авторы статей. Прогнозируемые ошибки отыскивались в текстах. При этом не обращалось внимания на оригинальность и самобытность русского таланта.

На самобытность лермонтовского творчества обратил внимание В.Г. Белинский, рассматривавший содеянное писателем как целостную философскую систему, не забывая при этом своеобразие эстетических и духовных ценностей. Можно только удивляться интуиции критика, предвосхитившего в своих работах суждения лермонтоведов XX века. Анализу стихотворений Лермонтова критик посвятил 4 статьи под названиями «Стихотворения М. Лермонтова» и пять раз выступил по поводу «Героя нашего времени». Кроме того, о Лермонтове шла речь в письмах и общелитературных обозрениях, таких как «Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году» («Литерат. газ».: 1844 г. № 1). В письме к В.П. Боткину 6 февраля 1843 года он писал: «Я не читаю стихов (я только перечитываю Лермонтова, все более и более погружаясь в бездонный океан его поэзии)...» О критическом таланте Белинского разговор должен быть особый. Впервые о народности творчества Лермонтова ещё в 40-х годах XIX века заговорил В.Г. Белинский в споре со славянофилами. Отрицая основные постулаты своих идейных противников, именно Виссарион Григорьевич выделил из множества русских писателей неизвестного тогда начинающего поэта в отзыве на выход из печати поэтического сборника в 1840 году. «...Уже недалеко то время, когда имя его в литературе сделается народным именем и гармонические звуки его поэзии будут слышны в повседневном разговоре толпы, между толками её о житейских заботах...»[1] Такой вывод критик сделал в сравнении с теми, кто, по его мнению, «занимается стукотнёю звучных слов и богатых рифм».[2]

[1] *Белинский В.Г.* Стихотворения Лермонтова. — С.-Петербург. 1840. // М.Ю. Лермонтов в русской критике. — М., 1951. — С. 186.

[2] Там же. — С. 186.

Татьяна КОЛЬЯН

А.А. СТОЛЫПИН И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ «СРЕДНИКОВО (ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ)»

К 100-летию со дня первой публикации

Александр Аркадьевич Столыпин родился в Петербурге 30 декабря 1863 г. (по старому стилю) в семье свиты Его Императорского Величества генерал-майора Аркадия Дмитриевича Столыпина и Натальи Михайловны, урожденной княжны Горчаковой. Мальчика крестили 15 февраля 1864 г. в С.-Петербургском Морском Богоявленском соборе, восприемниками были родственники: министр иностранных дел князь Александр Михайлович Горчаков и жена тайного советника М.М. Устинова Софья Александровна[1].

Александр был самым младшим ребенком в семье, где уже были дети: Михаил (р. в 1859, убит на дуэли молодым), Петр (р. в 1862 — будущий премьер-министр) и Мария (р. в 1861, впоследствии в замужестве Офросимова). Был еще брат Дмитрий (1846 — до 1899) — от первого брака Аркадия Дмитриевича с Е.А. Устиновой.

Дети из этой семьи, по родословному древу, состояли в троюродном родстве с М.Ю. Лермонтовым, т. к. их рано умерший дед, генерал-майор Дмитрий Алексеевич Столыпин (1785 — 1826), был родным братом бабушки поэта Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной.

Бабушка Петра и Александра Столыпиных, Екатерина Аркадьевна (1791 — 1853), урожденная Анненкова, оставшись вдовой, продолжала поддерживать тесные связи с многочисленной родней мужа. Она была очень гостеприимна. Ее сестра, Елизавета Аркадьевна Верещагина, задушевная подруга Е.А. Арсеньевой, в одном из писем 1830-х гг. к дочери А.М. Верещагиной-Хюгель так характеризовала семейный быт Столыпиных, живших в то время в Петербурге:

«И так теперь все у ней [Екатерины Аркадьевны] ночуют Шангиреи и Саша Баранов из артиллерийской школы. Шангиреи имеют

[1] Кольян Т.Н. Столыпины по документам Государственного архива Пензенской области. // Тарханский вестник. Вып. 22. 2009. С. 195, 196.

приют у Елизаветы Алексеевны, но все у нас. Также Николинька Шангирей в пансионе, а в воскресенье у нас, потому что свободнее едят. В Петербурге столы очень умеренны, а у нас по-московски, все полно, с чаем сколько хочешь»[2].

Столыпины, как всегда, делили свой кров с многочисленной родней. Братья Шан-Гиреи: Аким, Алексей и Николай — тоже отпрыски столыпинского рода, только по женской линии. Неудивительно, что и Лермонтова в этой семье принимали как близкого родственника, «без церемоний».

М.Ю. Лермонтов, будучи студентом Благородного пансиона, а потом Московского университета, часто бывал в Москве у вдовы-генеральши Екатерины Аркадьевны Столыпиной, четыре лета с 1829 по 1832 гг. он гостил в ее имении Середниково, под Москвой. Яркие воспоминания о середниковской жизни летом 1830 г. — с увеселительными прогулками, катаньями, кавалькадами, хождением (пешком) в Троице-Сергиевскую лавру на богомолье — оставила в своих Записках предмет юношеской влюбленности поэта Екатерина Сушкова.

В Середникове Лермонтов написал несколько лирических стихотворений, некоторые из них имеют авторские пометки: «Сидя в Середникове у окна», «Середниково. Вечер на бельведере» и т. п. Здесь он работал над трагедией «Испанцы», над вариантами поэмы «Демон».

Отец мемуариста, Аркадий Дмитриевич Столыпин (1821 — 1899), приходился Лермонтову двоюродным дядей, хотя был моложе своего племянника на семь лет. В Середникове юный Лермонтов, увлеченный своими романтическими переживаниями, воплощавшимися в любовных стихах, находил время делить с Аркашей его детские забавы. Со слов Аркадия Дмитриевича, биограф поэта П.А. Висковатов записал, что Лермонтов получал удовольствие в том, «чтобы клеить с Аркадием из папки латы и, вооружась самодельными мечами и копьями, ходить с ним в глухие места воевать с воображаемыми духами. Особенно привлекали их воображение развалины старой бани, кладбище и так называемый «Чертов мост»[3].

Описание такого ночного похода сохранилось в одной из черновых тетрадей Лермонтова: «Середниково. — В Мыльне. — Ночью, когда мы ходили попа пугать». Речь идет о стихотворении «Сижу я в комнате старинной...» (Середниково, 1831).

Позднее они часто встречались в Петербурге, где Аркадий сначала воспитывался в частном пансионе, а с 1838 г. служил в «лейб-гвардии в конной артиллерии юнкером»[4]. Уже упомянутая нами его тетушка Е.А. Верещагина в письме к дочери характеризовала юного Аркадия так: «...Слишком добр и всех рад кормить... без разбору, и все у него юнкера в комнате закуриваются и все на его щет»[5].

---

[2] Бойко С.А. Московской тропой поэта. // Тарханский вестник № 2. 1994. С. 41.

[3] Висковатов П.А. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987. С. 100

[4] Бойко С.А. Московской тропой поэта... С. 42, 43.

[5] Там же. С. 43.

Аркадий Дмитриевич прожил долгую и интересную жизнь, закончив карьеру генерал-адъютантом, генералом от артиллерии и кавалером множества орденов. Он был участником Крымской и Русско-Турецкой войн. Во время Крымской кампании, в Севастополе, Аркадий Дмитриевич познакомился с Львом Толстым, дружеские отношения с которым сохранял много лет.

О Петре Аркадьевиче Столыпине написано много книг, а о его брате Александре известно гораздо меньше.

Некоторые биографические сведения об Александре Аркадьевиче Столыпине находим во вступительной статье к Дневникам его сына, Аркадия Александровича Столыпина, опубликованным протоиереем Павлом Недосекиным и литературоведом Е.Н. Егоровой[6].

Александр Аркадьевич был на год младше своего брата Петра и рос под его опекой. Их детство прошло на литовской даче Столыпиных в Колноберже и в подмосковном имении Середниково. Оба брата окончили С.-Петербургский университет: Петр — физико-математический факультет, Александр — филологический. В университете Александр подружился с сыном Л.Н. Толстого Сергеем, с которым потом около года служил в Министерстве внутренних дел. Молодые люди в шутку именовали себя «полуграфом Толстыпиным», составив одну фамилию из двух своих.

Свое призвание Александр Аркадьевич нашел на журналистском поприще. Он начал как поэт. В 1882 г. в ж. «Вестник Европы» он опубликовал несколько своих стихотворений, а в 1889 г. в «Русском вестнике» напечатал поэму «Сандэлло». Как журналист он начал печататься в газете «Кавказ», а стал известен в 1902 г., когда редактировал «Петербургские ведомости», из которых ушел по требованию Плеве, недовольного направлением газеты. С 1904 по 1917 г. А.А. Столыпин работал в г. «Новое время», плодотворно писал и часто печатался. Он был активным членом монархической партии октябристов «Союз 17 октября», название которой связано с царским манифестом от 17 октября 1905 г. Долгое время возглавлял добровольное общество «Русское зерно», главной целью которого было изучение и распространение передового зарубежного опыта.

Александр Аркадьевич был женат на Ольге Николаевне Мессинг (? — 1953) и имел единственного сына Аркадия (1894 — 1990), участника Первой мировой войны, потом белогвардейского движения. После 1919 г. семье — родителям и сыну — удалось воссоединиться в Белграде (Югославия). Александр Аркадьевич умер в Белграде 23 ноября 1925 г., похоронен на Новом кладбище[7].

В 1914 г. в № 1 журнала «Столицы и усадьбы» появились воспоминания А.А. Столыпина «Средниково. Из семейной хроники». Эти воспоминания привлекли к себе внимание читателей в частности и тем, что в них рассказывается о М.Ю. Лермонтове.

---

[6] Аркадий Столыпин. Дневники 1919 — 1920 годов. Иван Романовский. Письма 1917 — 1920 годов. Москва — Брюссель. 2011. С. 4 — 15.

[7] www.people.su/104450

Александр Аркадьевич Столыпин не знал ни своего деда, Дмитрия Алексеевича Столыпина, доблестного героя Бородинского боя, умершего задолго до его рождения, ни своей бабушки, хорошо знавшей и любившей Лермонтова. Поэтому его рассказы о Середникове и Лермонтове фактически не всегда точны. Но он и не претендует на документальную достоверность, ссылаясь на тех людей, в интерпретации которых он слышал те или иные рассказы.

А.А. СТОЛЫПИН

СРЕДНИКОВО (ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ)

Старинный барский дом
С полуразрушенной теплицей...
.....
И сад за дремлющим прудом...
М.Ю. Лермонтов[8]

Этот сад за дремлющим прудом, этот старинный барский дом, увенчанный бельведером, соединенный подковообразной колоннадой с четырьмя каменными флигелями, это строгое и простое в своей классической красоте произведение Растрелли[9] дорого созвучиями своего имени любителям нашей родной поэзии: несколько лучших своих стихотворений Лермонтов пометил словом «Средниково».

В это родовое столыпинское гнездо переселилась из Пензенской губернии бабушка Лермонтова, Арсеньева (рожденная Столыпина), когда для воспитания молодого поэта явилась необходимость в близости большого города[10]. Имение это принадлежало моему отцу, Аркадию Дмитриевичу Столыпину, рано осиротевшему, и управлялось опекунами[11]. Впоследствии (в начале 70-х годов) отец мой продал Средниково богатому купцу Фирсанову[12], дочери ко-

[8] Неточное цитирование строк из стихотворения Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен...»:

... высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд...

[9] По другим сведениям, середниковский барский дом построен архитектором И.Е. Старовым. — Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 501.

[10] М.Ю. Лермонтов и его бабушка Е.А. Арсеньева гостили в Середникове в летнее время в 1829, 1830, 1831 и, возможно, в 1832 гг. Хозяйкой имения в то время была Екатерина Аркадьевна Столыпина (1791 — 1853), урожденная Анненкова, — бабушка мемуариста, вдова генерал-майора Дмитрия Алексеевича Столыпина (1785 — 1826), брата Е.А. Арсеньевой.

[11] Опекунами над имением были генерал-майорша Е.А. Столыпина и братья ее мужа Николай, Александр и Афанасий Алексеевичи Столыпины. // Бойко С.А. Московской тропой поэта. — Тарханский вестник № 2. 1994. С. 38.

[12] А.Д. Столыпин продал Середниково купцу Фирсанову в 1868 г.

торого, Вере Ивановне, оно сейчас принадлежит. Для меня лично Средниково вдвойне дорого по воспоминаниям раннего детства.

Едва ли не одно из самых первых воспоминаний моих — это колонна, прислонившись к которой я горько плакал: какой-то старик дразнил меня «Александрой Аркадьевной», потому что по моде того времени совсем маленьких детей одевали девочками. В пору нашего детства мы жили в Средникове и лето и зиму. Были снежки, катанье на салазках, а в дурную погоду беготня и игры по всему дому. Однажды играли в войну. Старший брат Михаил поставил мою сестру на часы и дал ей охотничью двустволку, которую она держала наперевес, стоя в темном коридоре. Брат мой Петр с разбегу наткнулся носом на дуло ружья и, весь окровавленный, упал в обморок. Можно себе представить волнение нашей матери, пока, в трескучий мороз, за тридцать верст, привезли из Москвы доктора. Горбинка на носу брата Петра осталась навсегда следом этого происшествия...

Отец мой был года на четыре моложе Лермонтова[13], что в детстве составляет громадную разницу, поэтому настоящими товарищами Лермонтова и его ближайшими друзьями были двоюродные братья отца — Алексей и Дмитрий Аркадьевичи[14]. В особенности первый, известный по прозвищу Монго, — ровесник Лермонтова и товарищ по кавалерийскому училищу, Монго умер рано, и я его не знал. Дмитрия Аркадьевича хорошо помню. Из современников и родни Лермонтова, рассказывавших мне о нем, я знал еще старшую сестру отца, старушку Игнатьеву[15], и Эмилию Шан-Гирей, рожденную Верзилину[16], прозванную «розой Кавказа». Про нее ходила легенда, что она была косвенною причиною смерти поэта, но она это отрицала. В глубокой старости она сохранила следы замечательной красоты.

Часто я допытывался, был ли Лермонтов отгадан в раннем детстве, признавали ли в нем будущего великого поэта, русскую славу? По-видимому, этого не было. В то время все не только писали стихи, но стихотворное искусство входило в образование юношества как обязательный предмет, наравне с музыкой и рисованием. Теперь стихотворное творчество мальчика было бы отмечено как исключительное признание, но тогда это было общим правилом. Мой

---

[13] Аркадий Дмитриевич Столыпин, как видно по метрическому свидетельству (ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 2976, л. 18), родился в Москве 26 декабря 1821 г. Таким образом, он был моложе Лермонтова, родившегося 2 октября 1814 г., на 7 лет.

[14] Алексей Аркадьевич (1816 — 1858) и Дмитрий Аркадьевич (1818 — 1893) Столыпины — сыновья Аркадия Алексеевича Столыпина (1778 — 1825), тайного советника и сенатора, брата Д.А. Столыпина и Е.А. Арсеньевой.

[15] Игнатьева Полина (Прасковья) Александровна — урожденная Воейкова, дочь Екатерины Аркадьевны Столыпиной от первого брака с А.В. Воейковым (1779 — 1815), участником войны с Наполеоном, полковником, умершим от ран. Была замужем за Алексеем Дмитриевичем Игнатьевым, чиновником земельного ведомства. // Бойко С.А. Указ соч. С. 43.

[16] Шан-Гирей Эмилия Александровна (1815 — 1891) — урожденная Клингенберг, падчерица генерала П.С. Верзилина. С 1851 г. — жена Акима Павловича Шан-Гирея (1818 — 1883), троюродного брата М.Ю. Лермонтова.

отец мне рассказывал: «Настолько не могли предвидеть развития лермонтовского гения, что в университетском пансионе Мюральда и дома говорили, что Лермонтов пишет стихи лучше меня, но зато я лучше рисую»...

Одно из ранних стихотворений Лермонтова «У врат обители святой» приурочивается обыкновенно к его первому роману, предметом которого была барышня Хвостова[17], часто гостившая в Средникове. Будто бы во время общей поездки в один из ближних монастырей Хвостова из шалости подала слепому нищему камень, и Лермонтов сравнил это с ее отношением к его отвергнутой любви:

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
Но кто-то камень положил
В его протянутую руку[18].

Я расспрашивал старушку Игнатьеву, помнит ли она это. Она добродушно рассмеялась: «Писать-то Лермонтов писал, но только не из любви, а в насмешку... Хвостова была невозможно аффектированная и пренесносная барышня, над которой все смеялись. Все нарочно притворялись влюбленными в нее, и тогда начиналось представление. Кокетничала она, например, так: прикажет оседлать себе лошадь и кружится по двору мимо колоннад. Ездила плохо, но воображала, что неотразима. И вот, как на втором или третьем кругу поравняется с молодежью, устроит так, что шпильки не держат прически и волосы распустятся по ветру. Этого-то представления с волосами и ждали каждый день, говорили ей, что она похожа на Диану, и всякий вздор... Конечно, Лермонтов — умница и первый насмешник — нисколько в Хвостову влюблен не был, но в его стихотворении про нищего сказался настоящий поэт: сила красивого сравнения заставила его написать эту вещь в серьезном тоне»...

---

[17] Хвостова, урожденная Сушкова, Екатерина Александровна (1812 — 1868) — мемуаристка, предмет юношеского увлечения Лермонтова, которой он посвятил так называемый «сушковский» цикл любовной лирики. В 1838 г. Сушкова вышла замуж за дипломата А.В. Хвостова.

[18] В своих воспоминаниях Е.А. Сушкова так рассказывала историю создания стихотворения «Нищий» во время их посещения Троице-Сергиевской лавры:

«На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: «Пошли вам Бог счастие, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!»

Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, чтоб пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола, в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги <...> Окончив писать, он вскочил, тряхнул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне нововышедшие из-под его карандаша стихи». — М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.

Часто я расспрашивал про наружность Лермонтова. Он был некрасив, сознавал это и в ранней молодости, когда человек весь соткан из самолюбия, страдал от этого. Глаза его были хороши — живые, юркие. В особенности он проигрывал от сравнения с двоюродным братом Алексеем Аркадьевичем, который, судя по портретам, был красив необыкновенно, а по отзывам современников считался самым красивым человеком в России. Такова же была и его сестра, Мария Аркадьевна Вяземская[19], которая в семидесятилетнем возрасте производила на меня впечатление античного изваяния. Говорят, что государь Николай Павлович, гордившийся своей внешностью, имел слабость ревновать к успехам Алексея Аркадьевича и не скрывал своей нелюбви к нему. По крайней мере, на его всеподданнейшем прошении о заграничном паспорте (в то время без Высочайшего разрешения нельзя было ездить за границу) государь собственноручно написал: *«Никогда, никуда»*. Эта совершенно исключительная резолюция наделала в свое время много шума.

Алексей Аркадьевич умер вскоре после севастопольской кампании. Под Севастополем он отличился большой храбростью и был представлен к Георгиевскому кресту. Узнав об этом и продолжая свою своеобразную оппозицию, он подал прошение о замене Георгиевского креста Станиславом на шею, так как намерен после войны выйти в отставку, а при фраке и белом галстуке Станиславский крест красивее! Дерзость эта не имела последствий за смертью обоих действующих лиц этого странного и неравного состязания.

В кавалерийском училище Лермонтов носил прозвище Маёшка[20], а Алексей Аркадьевич — Монго. Не знаю, имело ли смысл слово «Маёшка», «Монго» было названием собаки Столыпина. При всей дружбе, соединявшей Монго с Маёшкой, между ними бывали размолвки. Уже будучи офицерами, они сильно поссорились из-за того, что Лермонтов проболтался о связи своей с одной дамой. На замечание Столыпина, что порядочные люди так не поступают, Лермонтов возразил, что его товарищам это не в диковинку и потому легко молчать, а для него, при его некрасивой наружности, это «все равно что получить Андреевскую ленту... не скрывать же».

Несдержанность языка — несдержанность во всех отношениях погубила бедного Лермонтова. Но не одною избалованностью можно объяснить эту несдержанность. Если восстановить в воображении общество того времени, нужно выделить небольшой кружок избранных, настолько выдающийся по уму и образованию, что он и сейчас поражал бы нас своим блеском, своим духовным богатством. К таким избранникам, несомненно, принадлежал Лермонтов. Все же остальное было до того убого, до того дико и первобытно, что не могло не вызывать насмешки, а при постоянных сношениях и досадливого, нетер-

[19] Вяземская Мария Аркадьевна (1819 — 1889), урожденная Столыпина, в первом браке, с 1837 г., за поэтом И.И. Беком, овдовев, в 1844 г. вышла замуж за князя Павла Петровича Вяземского.

[20] Маёшка — от фр. Mayeux — комического персонажа, популярного во французской литературе 1830—1840-х гг.

пеливого отпора. Одна из блестящих и милых современниц Лермонтова, г-жа Цурикова, рожденная Сталь[21], говорила мне, что Лермонтов умел бывать очаровательным, но тогдашнее московское общество своим жеманством, своим залезанием в душу и бесцеремонностью своих сплетен так его злило, что он иногда становился груб и невыносим. Однажды, узнав, что он заболел, она его посетила в больнице. «Он лежал желтый, посмотрел на меня такими злыми глазами, что я никогда не забуду, и просил оставить его в покое... А потом очень мило и забавно каялся, рассказывая, как ему в этот день до ужаса надоели московские кумушки, так что и на друзей не хватило терпения».

В глухой провинции при мне доживал свой век один из полковых товарищей Лермонтова. Человек неумный и, разве что, грамотный, гулял он по улицам в отставном лейб-гусарском мундире, собирал кое-какие сплетни и пробавлялся неинтересными полковыми воспоминаниями. Встретит, бывало, меня в гимназическом мундирчике, похлопает по плечу и скажет: «Молодец, настоящий кавалергардик!» Это была высшая похвала, которую он мог надумать. Я иногда к нему приставал:

— Вы знали Лермонтова, расскажите что-нибудь про него?

— Лермонтова знал: неприятный был человек... и в полку знал, и вместе на Кавказе были. Хвастун и бретер. Однажды мы пикником поехали на Бештау. Попойка была... И ямщики перепились. Назад возвращаться шестериком мы решили без ямщиков. Я сел форейтором, а Лермонтов на козлы. Потом оглядываюсь, а уже вместо Лермонтова сидит майор с Владимиром на шее. Представьте: шестериком править и того не сумел! И всех задирал и всем от него доставалось, — положим, ко мне он не смел лезть, но другим от него проходу не было! Вот, говорят, он все писал, а я вам скажу, что не знаю, когда за кутежами он и успел бы написать что-нибудь путное. А если и написал, вы, пожалуйста, не верьте: все ложь, ложь и ложь!

Слова «все ложь» он выкрикивал раздраженным старческим голосом, а я почтительно выслушивал «товарища» Лермонтова и думал: «Ну уж, батюшка, если кому-нибудь доставалось от насмешек, так тебе в первую голову!»

Несчастная тень прошлого — свидетельство о том, в какой духовной пустыне задыхался еще не созревший, мятежный гений.

«Столицы и усадьбы» № 1, 1914.

Вступительная статья и примечания подготовлены Т.Н. Кольян

[21] Цурикова, урожденная Сталь, — возможно, родственница барона А.К. Стааль фон Гольштейна, полковника лейб-гвардии Гродненского гусарского полка во время службы в нем Лермонтова.

Роман ДАВЫДОВ

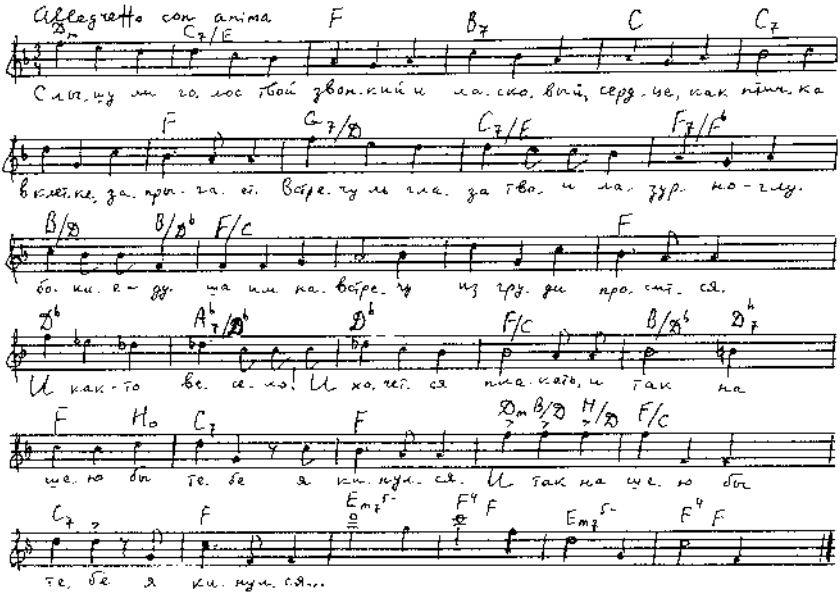
МУЗЫКАЛЬНАЯ ЛЕРМОНТОВИАНА

«СЛЫШУ ЛИ ГОЛОС ТВОЙ»

Друзья часто в шутку называли основоположника русской классической музыки Михаила Ивановича Глинку (1804 — 1857) личным композитором А.С. Пушкина, и он гордился этим званием. Публикуемый же сегодня романс на стихи М.Ю. Лермонтова — образец редкого обращения Глинки к творчеству младшего современника.

Глинка в период с марта по ноябрь 1848 года находился в Варшаве. За этот период им созданы романсы «Заздравным кубком» на пушкинские стихи, «Песнь Маргариты» из «Фауста» И.В. Гёте, знаменитая «Камаринская» для симфонического оркестра и публикуемая вокальная миниатюра. Обладая неплохим тенором, впервые исполнил ее сам под собственное фортепианное сопровождение. Необычным и в то же время вполне логичным является ритм произведения, передающий волнение поющего. Это сказывается в мнимом несовпадении текста и мелодии. «И так на шею бы тебе я кинулся». Фраза звучит дважды, и оба раза в слове «тебе» ударение «неправильно» падает на первый слог. При повторении этого слова автор музыки даже ставит в своих нотах знак акцента на слабую долю такта: «тебе».

Посчастливилось исполнять этот романс на концерте в честь 175-летия нашего великого земляка. Я аккомпанировал своему другу, заслуженному артисту России Анатолию Постнову — замечательному певцу, в репертуаре которого было огромное количество музыкальных произведений, в том числе на лермонтовские строки. Анатолий Васильевич, недавно ушедший из жизни в расцвете творческих сил, всегда вникал в суть сочинения, никогда не стараясь во что бы то ни стало выпятить себя.



СЛЫШУ ЛИ ГОЛОС ТВОЙ…

Стихи М.Ю. Лермонтова
Музыка М.И. Глинки

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

Александр ТУГАРОВ

1914 — 1918. ВОЙНА. «МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ МИРОВУЮ ТРАГЕДИЮ»

Философское эссе

100 лет назад, летом 1914 года, начиналась война. Первая из двух мировых. Война, которая могла и должна была стать предостережением для человечества. Горький урок для России и других государств о политических и социально-экономических последствиях глобальных и локальных войн. Вступало в войну одно государство — Российская империя, завершало другое — Советская Россия. Могло ли быть иначе? Об истории так не судят.

Что может напоминать в старой Пензе о тех, уже далёких годах? Где-то квартировались запасные полки. Через железнодорожную станцию шли воинские эшелоны на запад, на фронт. Сложилось так, что почти весь театр тех военных действий стал теперь ближним зарубежьем. Заграница, не Россия. Может сложиться мнение, что тогда там и надо прежде всего вспоминать о событиях столетней давности? Но, с другой стороны, не начнись то, что известно каждому из школьных учебников как Первая мировая война, судьба и большинства сегодняшних пензенцев сложилась бы по-другому. Начавшаяся в 1914-м война предопределила во многом жизненный путь уже семи поколений россиян.

По дорогам и весям родного края ушли на фронты «империалистической», как считают краеведы, 503 земляка из каждой тысячи мужчин, годных к воинской службе. При этом надо учесть, что Пензенская губерния была далеко не прифронтовой. Глубинка России. Сколько из них погибло, попало в плен, затерялось на чужбине, не вернулось домой, стало калеками? Именно в последствиях Первой мировой следует искать начало социального брожения, истоки будущего «великого перелома» в деревне.

Запасные полки в Пензе состояли из оторванных от семей, домов и земли крестьян. В них умело вел свою большевистскую пропаганду Василий Кураев (чьё имя по-прежнему носит улица в самом

центре Пензы), выполняя приказ своих партийных вождей «превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

На полках областной Лермонтовской библиотеки лежат отечественные научные журналы роковых военных лет. На страницах — отметки карандашом. Сделаны они современниками событий — пензенской земской интеллигенцией начала XX века. Просматривая страницы с такими отметками, можно реконструировать настроения в образованных слоях провинциального сообщества тех лет и понять философские мысли о начавшейся войне, о том, что ей предшествовало, и о том, что, возможно, последует после её окончания.

«В жизни народов, как и в жизни человека, идеи предшествуют событиям, хотя и нередко из них возникают». Идея войны, как это часто бывает, предшествует самой войне. И мимо пензенского интеллигента на самом рубеже веков не проходит мысль о том, *«дело»* философов по отношению к войне сводится в области мышления к *«двоякой задаче».* Особенно заинтересовала читателя та её сторона, согласно которой *«они призваны, путем критического и тщательного изучения общества и его строя на современной ступени культуры, ясно установить те многообразные перемены, которые совершились в войне, как явлении общественном».* (Камаровский Л.А., гр. К вопросу о философии войны // «Вопросы философии и психологии», 1900, май — июнь, № 3, книга 53, с. 355).

Годы, предшествовавшие войне, порождали в образованных, интеллектуальных кругах повышенный интерес к идее национального самосознания. Поэтому не случайно, что карандаш читателя аккуратно подчёркивает на страницах журнала своеобразные рассуждения не самого известного, но весьма оригинального автора тех лет:

«Вы помните, как полупьяный Астров-Станиславский (в «Дяде Ване») молча вытанцовывает камаринскую под душераздирающий стон гитары? Всмотритесь в исказившееся странною улыбкою лицо Станиславского. Глаза его где-то блуждают, чего-то ищут. И мучительным гнётом давит душу зрителя вопрос: что они видят? Они видят душу России»;

«…есть многострадальная, коллективная душа России; она стремится воплотить священные заветы своих ясновидцев, и то пытается явить миру какую-то высшую правду, то бессознательно разрушает все заложенные устои»;

*«Хватить через край», «заглянуть в бездну» — вот типичные черты русской души, столь гениально и неоднократно отточенные Толстым и Достоевским. Не эти ли черты именно решают судьбу России?» (*Налепинский Т. Душа Польши. Опыт иррационального исследования // «Вестник Европы», 1909, август, книга 8-я, с. 507, 510, 529).

Душа России, душа Польши, душа Украины! Та же боль, те же проблемы, как будто не прошёл век! И вот уже заметки не на полях журнала царского времени, а на сайте современного Интернета: *«Жаль ее, Украину. Кто бы 23 года*

назад мог предположить, что так все получится...» В принципе, после распада Советского Союза украинцам «отломился» один из лучших кусков Российской империи.

Какая завидная промышленность отошла бывшей Советской Украине! От авиазавода «Антонов» и атомных электростанций до знаменитых винодельческих хозяйств Крыма. А ещё огромные пространства тучного плодородного чернозёма, лучшее сельское хозяйство в СССР, уголь, металлы, мощные заводы военно-промышленного комплекса, НИИ, университеты, консерватории, театры, стадионы, сотни и сотни километров побережья тёплых морей, курорты, порты, дороги, 50 миллионов активного и образованного населения...

Украина исторически была самой обжитой и развитой частью империи. Как говорилось в известном советском фильме, «и кузница, и житница, и здравница». На её лакомые земли тысячу лет посягали все возможные и невозможные захватчики: монголо-татары, турки, поляки, литовцы, пруссы, французы, австрийцы. Однажды шведский король надумал воевать под Полтавой (где теперь Швеция, а где — Полтава?). У Гитлера тоже были безграничные виды на Украину.

Одним словом, когда 23 года назад жителям Украины отошла от СССР едва ли не лучшая его часть (включая «подаренный» в «золотой век» социализма Крым), многие народы бывшей империи с завистью подумали: «Вот свезло же им так свезло!» Однако годовой ВВП нынешней Украины на душу населения даже ниже, чем у самой бедной по европейским меркам Албании. Соседние Польша и Россия обгоняют Украину по этому макроэкономическому показателю почти в четыре раза. И теперь самое обидное для амбициозных политиков независимой Украины: у соседей-белорусов, которых многие из них считают «упёртыми совками», ВВП в два раза больше.

Без комментариев! И всё же. Конечно, голые экономические показатели не могут раскрыть, а тем более заменить «душу Украины», но тем не менее... Наглядный урок все нам на тему: «До чего можно всё испортить неэффективным управлением и бездарной государственной политикой!» Как самый печальный и трагичный результат — Украина весны этого года фактически оказалась в состоянии самой настоящей гражданской войны!

Вновь листаем журналы начала прошлого века с сохранившимися пометками карандашом на полях. Предвоенные годы стали временем осмысления необходимости и возможности преодоления последствий революционной эпохи и порождаемых ею настроений («деспотизма») как в практике социальной жизни, так и в философии, в мировоззренческих вопросах.

Провинциальный читатель стал свидетелем диалога русских мыслителей о «философии деспотизма» и «философии утопизма».

Ещё в 1907 году С.Л. Франк утверждал, что в России *«идейная критика деспотизма велась и закончилась победоносно почти исключительно в области*

прикладной политики». Но при этом если оказалась достаточно обстоятельно выяснена практическая несостоятельность реальной политической системы, опирающейся на деспотизм, то остался не только не решённым, но даже почти не поднимавшимся вопрос о самих философских принципах, лежащих в основе этой политической системы.

«*Деспотизм есть господство человека над человеком, господство неограниченное и руководимое лишь произволом самого господствующего. В этом, широком смысле деспотизм есть не исключительно политическое понятие, а общая социологическая и морально-правовая категория*». (Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // «Русская мысль. Литературно-политическое издание», 1907, март, книга III, с. 95).

Уже в 1913 году, рассуждая по поводу книги кн. Е.Н. Трубецкого о Вл.С. Соловьёве о революционных событиях 1905 — 1906 гг. в России, С.А. Котляревский обратил внимание читателя на то, что «*эта катастрофическая эпоха ознаменовалась разрушением ряда утопий — политических и социальных, национальных и культурных».*

К числу таких несостоятельных утопий им были отнесены мысли о том, что Россия может перейти от полного отрицания политической свободы к её абсолютно-последовательному осуществлению; от своей глубокой хозяйственной отсталости к социальному порядку, недоступному для современной передовой демократии; от глубокого культурного отчуждения между её образованными классами и народными массами к полному взаимному пониманию и единству.

Но ещё более важным в своеобразном философском диалоге предвоенной поры оказалось то, что в последующие после революционных событий годы *«поражён был самый дух утопизма».* Его сущность заключается не столько в том, что человек хочет достигнуть своей цели при помощи невыполнимых средств, и даже не столько в том, что выбирается невыполнимая цель, сколько в признании за цель того, что есть простое средство.

Утопичен был в те годы взгляд на всеобщее избирательное право в России, когда оно признаётся осуществлением совершенной справедливости; утопичен и взгляд на обобществление орудий труда, когда к нему приурочивается конец господства социальной необходимости и начало царства социальной свободы.

«Такой утопизм отражает одну из самых распространённых слабостей человеческого ума — утрату чувства перспективы, при которой так легко относительное принимается за абсолютное». (Котляревский С. Философия конца // «Вопросы философии и психологии», 1913, сентябрь — октябрь, книга 119 (IV), с. 315.)

Согласно рассуждениям С.Л. Франка о философских предпосылках деспотизма как синонима революционности, *«подлинная и глубочайшая предпосылка деспотизма»* заключена в идее непогрешимости, в своеоб-

разном, по существу мистическом сознании обладания абсолютной истиной.

Провинциальному читателю следовало при этом обратить внимание на то, что простая убеждённость, уверенность в своей правоте не даёт обоснования деспотизму, поскольку убеждённость не противоречит признанию за людьми права иметь иные убеждения.

Вместе с тем, только та вера, которая состоит в сознании *«безусловного, сверхрационального, мистического проникновения в абсолютную истину»*, устраняет равноправие между людьми и даёт верующему внутреннее право на деспотическое господство над людьми.

«Сознание непогрешимости или обладания абсолютной правдой состоит в том, что Божество, высший идеал, отождествляется с каким-либо конкретным человеком, учреждением, с какой-либо отдельной верой, церковью, партией — словом, с какой-либо земной, человеческой инстанцией». (Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // «Русская мысль. Литературно-политическое издание», 1907, март, книга III, с. 106).

Возвращаясь к осмыслению революционных событий в России через понимание «философии конца утопизма», С.А. Котляревский отмечает, что было много причин, почему в *«нашем недавнем прошлом так сильно чувствовался этот дух утопизма»*. Восприимчивость к отвлечённым идеям не находила в русском обществе «*достаточного противовеса в опыте ежедневной работы над устроительством жизни; между «созерцанием» и «действованием» образовалась как бы непроходимая пропасть»*. Результатом такого положения дел стало это *«чувство идейной безответственности»*, которое так пагубно сказалось в революционные годы государственного и общественного кризиса; этот ещё более *«пагубный максимализм».*

Сложилось впечатление, что русское общество, казалось бы, так долго готовилось к минуте, когда окончится его вынужденное бездействие, но всё-таки оказалось совершенно неподготовленным — «*не в смысле даже пробелов в своём воспитании, наивностей и иллюзий, а в смысле коренных навыков ума и чувства»*. Когда эта минута действия действительно оказалась такой кратковременной, когда так болезненно почувствовалось противоречие между огромностью пережитого и скудостью достигнутого, тогда перед русским обществом с необычайной силой и необходимостью стала «*задача самосознания, т.е. самооценки».*

Такая самооценка ведет не к ограничению и покаянию, а к тому *«духовному процессу, который скорее передаётся греческим словом κάθαρση, столь неточно переводимым через русское «покаяние».*

С одной стороны, приходилось возвращаться на землю, к исторической обыденщине, к задачам, которые, казалось, требовали более кропотливого неблагодарного труда и неутомимой выдержки, чем «*вдохновенья и орлиных полётов».* Речь шла теперь не об осуществлении права на землю, а об улучше-

нии крестьянского хозяйства, не о полной демократизации самоуправления, а о переходе к бессословности и понижении земского ценза.

Появился и ряд других задач, «*оттеснённых среди бури и натиска»,* но оказавшихся столь же неотложными: поднятие «*производительности земледельческого и промышленного труда вообще»,* распространение общего и профессионального образования, развитие мелкого кредита и кооперации и т. д.

«А рядом с этим выцветала и теряла всякое обаяние пышная митинговая политическая риторика, в которой ещё так недавно русский обыватель видел такую непреодолимую разрушающую и созидающую силу». (Котляревский С. Философия конца // «Вопросы философии и психологии», 1913, сентябрь — октябрь, книга 119 (IV), с. 316.)

Провинциальный читатель статей в серьёзных столичных журналах довоенной поры имел возможность на мировоззренческом уровне понять необходимость преодоления в русском обществе последствий преобладания настроений деспотизма и утопизма. Всё чаще такое преодоление связывалось с изменениями как в образе жизни, так и в способе мышления.

С.Л. Франк особо отмечал — ценность демократии не в том, что *«она есть власть всех, а в том, что она есть свобода всех».* Истинное значение демократии состоит не столько в передаче «*власти в руки всех или в руки большинства»*, сколько в «*ограничении каждой индивидуальной воли волею всех остальных членов общества»*.

В этом случае получается, что «*демократическая деспотия содержит в себе внутреннее противоречие двух антагонистических идей — идеи деспотизма или опеки и идеи самоопределения, и это противоречие исторически проявляется в том, что деспотизм большинства является всегда лишь переходной ступенью к деспотизму немногих или одного».* (Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // «Русская мысль. Литературно-политическое издание», 1907, март, книга III, с. 111.)

В годы революции в России *«культу официальной государственности»* оказались противопоставленными *«чисто анархические инстинкты и настроения, сильные в разрушении, но совершенно бесплодные в созидании»*.

В России особенно опасны всякого рода утопические представления и идеализация возможностей государства, т. к. «*они обрекают на разочарование и тем лишь усиливают наш природный анархизм».* Поэтому здесь *«важен совершенно трезвый взгляд, признающий всю культурную ценность и необходимость государства, всё значение его в национальной жизни, но без преувеличения и идеализации».*(Котляревский С. Философия конца // «Вопросы философии и психологии», 1913, сентябрь — октябрь, книга 119 (IV), с. 332.)

Таким образом, в сознании провинциального читателя ещё до Первой мировой войны формировалась мысль о том, что переход от деспотии к демократии оказывается не просто внешним событием политической истории. Прочно

и окончательно такой переход может совершиться лишь на почве внутренней, духовной эволюции, на почве развития нравственно-философского миросозерцания и умонастроения.

После 1905 — 1906 гг. в России появляются попытки самостоятельного религиозно-философского построения, причём, какова бы ни была их теоретическая ценность, чувствуется их зависимость от этого совершающегося духовного перелома — как она чувствуется и в «Вехах» — не только дать популярное объяснение перелому, но и проложить дальнейшие пути для мысли и дела.

Наступившие годы Первой мировой войны принесли провинциальному читателю и новые настроения, и новые воззрения на жизнь. Идея войны сопровождала саму войну. Война отражалась в рассуждениях русских мыслителей, и война, в свою очередь, определяла их идеи в эти годы.

В научных журналах военной поры местный читатель искал ответ на волнующий его вопрос о главном противнике — «германце», его культуре, психологии. Определить ценность германской культуры стремились и русские мыслители: *«…её можно подвести под понятие культуры с сильно развитой формальной стороной, но с весьма ограниченным пониманием идейного содержания».*

Некоторые из них считали, что современная им «*германская философия*» была проникнута весьма любопытной борьбой с так называемым «психологизмом». Опасность виделась в том, что изгнание «психологизма» было равносильно изгнанию всякой человечности, всяких намёков на живую личность в угоду бесстрастному и абстрактному рационализму. При этом пренебрежении к живому человеку становился понятен возникавший в Германии «*культ специализации».* Каждый порядочный немец стремится прежде всего *«быть специалистом и гордиться тем, что превосходно знает свой узкий Fach, свою специальность, сколь бы это ни делало его односторонним».*

Такой «специализированный человек», понятно, очень легко укладывается в рамки всякого рода социальных организаций. Отдавая себя на служение какому-нибудь узкому делу, человек естественно сознаёт себя главным образом как члена более обширного целого, а не как самостоятельную и самодовлеющую личность.

«На этой почве и укрепляется характерный для современных германцев культ государственности. В глазах немца приобретает огромное значение всё, что связано с государством; самого себя он привык ценить, главным образом, с точки зрения своего положения в государстве». (Хвостов В.М. Нравственное мировоззрение «сверх-народа» (К характеристике германской культуры // «Вопросы философии и психологии», 1915, март — апрель, книга 127 (II), с. 184.)

Наибольший интерес вызывали статьи, содержавшие философскую оценку войны, всего происходившего в те годы. Главное виделось в том, что непопра-

вимо и глубоко колебалась вера россиян в современную им культуру: из-за её устоев вдруг выглянуло на них в годы войны такое «*страшное звериное лицо*», что они невольно отвернулись от него с «*отвращением и недоумением*».

Из речи 13 декабря 1915 года по поводу 10-летия со дня смерти кн. С.Н.Трубецкого: «*В свирепствующей теперь небывалой исторической буре не только реками льётся кровь, не только крушатся государства, не только с неудержимой стремительностью, — чуть не каждый день, — передвигаются границы, не только гибнут и восстают народы, — происходит и нечто другое.*

В нашем внутреннем, слабом, человеческом суде относительно всего, что нами прожито, и надо всем, во что мы так благодушно и серьёзно верили, совершается жуткая перемена: крушатся старые идеалы, блекнут прежние надежды и настойчивые ожидания; столь привычная нашим умам картина предстоящего культурному человечеству близкого и счастливого будущего, когда и в политических, и в общественных, и в экономических отношениях с широкою полнотою осуществятся требования разума и справедливости, уплывает в тусклую, если не бесконечную даль». (Лопатин Л.М. Современное значение философских идей князя С.Н.Трубецкого // «Вопросы философии и психологии», 1916, январь — февраль, книга 131 (I), с. 30.)

Выход виделся в поиске новых путей. Люди устроены так, что, когда они чего-нибудь ищут, они невольно обращаются к близкому и знакомому им и о нём спрашивают, не может ли оно помочь им и поддержать в их исканиях. Представлялось, что в переживаемом россиянами положении они должны были поступить таким же образом. Дело в том, что ещё в конце предыдущего века в России возникло самостоятельное философское направление, которое серьёзно работало над вопросами, получившими в годы войны такую большую остроту. Его представители, прежде всего Вл.С. Соловьёв и кн. С.Н. Трубецкой, своей положительной задачей ставили «*оправдание духовного понимания мира*».

В России к событиям Первой мировой войны добавились революционные события 1917-го и потребовали своего философского осмысления. Коренной недостаток научно-философского миросозерцания тех лет виделся в его «*всеохватывающем и сплошном гипотетизме*». Оно всё сплеталось из гипотез, притом взятых в таком широком масштабе и размахе, что едва ли могла когда-нибудь идти речь об их исчерпывающем и действительном доказательстве в этом виде.

Совершенно естественным начинало казаться то, что наметившаяся коренная перемена в общем миропонимании должна была также вести за собой весьма существенные изменения в таких областях знания и жизни, которые не имели прямого отношения к умозрительным задачам философии.

Вместе с тем на страницах журналов продолжала осмысливаться сильно затянувшаяся к тому времени война. Становилось понятно, что, чем бы ни

кончилась переживаемая людьми грозная и кровавая борьба народов, после её завершения они уже не будут смотреть на жизнь, на мир, на человеческую историю и на их собственное будущее теми глазами, какими смотрели на них раньше.

Неизбежным результатом такой войны должно было стать полное изменение самочувствия в тогдашнем человеке. Дело в том, что современники тех событий накануне войны серьёзно думали о приближении *«светлого завершения исторического процесса»,* о том, что *«его страдная пора уже миновала и её кровавый трагизм рассеялся».*

До местного читателя доходило со страниц журналов тревожное предчувствие русскими мыслителями будущего и приближающихся перемен:

«…бывают эпохи, когда в пересмотре основ общепринятого миросозерцания не только не чувствуется прямой нужды, но когда всякая серьёзная попытка в этом направлении кажется в глазах большинства ненужным покушением на установившуюся душевную и умственную гармонию и потому встречается недоброжелательно.

И бывают другие эпохи, когда самые коренные вопросы мысли и жизни встают перед сознанием с неудержимой силой, и критическая переоценка принятого за истину делается насущной потребностью уже не отдельных любителей философских исследований, а для всякого живого и серьёзного ума. Для такого массового пробуждения поисков за новой истиной причина обыкновенно лежит не столько в логических, сколько психологических мотивах: она заключается в резкой и общей перемене человеческого самочувствия.

И вот мне представляется, что именно в ближайшие к нам дни должно наступить напряжённое искание новых решений проблемы бытия, новых идеалов деятельности, новых примирений для противоречий жизни». (Лопатин Л. Неотложные задачи современной мысли // «Вопросы философии и психологии», 1917, январь — февраль, № 1, книга 136, с. 77.)

Революция 1917-го превращалась для мыслителей в эпилог войны. Местный интеллигент, по-прежнему читавший толстые столичные журналы с карандашом в руках, уже почувствовал философскую рефлексию на происходившие события, которые уже начали привлекать к себе самое пристальное внимание. Философия войны постепенно вытеснялась философией революции:

«В самые бурные времена истории, когда массы увлекаются наиболее радикальными теориями и мечтают о возможности коренной и быстрой перестройки общества по указаниям этих теорий, навыки подсознательной психики дают себя знать на каждом шагу. Теории остаются всё-таки на поверхности сознания, и новые политические убеждения никогда не в состоянии тотчас же переделать старых, веками укоренившихся нравов. Вот почему радикальные теории, применённые на практике, никогда не дают тех результатов, которые от них ожидались.

Дело в том, что люди, которым приходится применять их и на которых эти теории осуществляются, остаются пропитанными старыми навыками и старыми тенденциями. Новые правительства, иногда сами того не замечая, начинают копировать приёмы старых, ими же горячо осуждавшиеся, а «свободные» граждане продолжают себя вести совершенно так, как они вели себя при «старом режиме».

В результате в эти бурные эпохи свобода нередко обращается в ещё горший деспотизм, а равенство на практике состоит в новом неравенстве, где прежние угнетатели становятся гонимыми, а угнетённые превращаются в угнетателей. Тот факт, что человеческое поведение определяется не столько рассуждением, сколько эмоциями, самые же эмоции направляются тенденциями, глубоко заложенными в подсознательной сфере, приводил и будет приводить к тому, что жизнь постоянно разбивает мечты людей о возможности скоро и просто переменить в корне общественные и политические порядки». (Хвостов В.М. Социальная связь // «Вопросы философии и психологии», 1918, январь — февраль, март — апрель, № 1 — 2, с. 83.)

Безымянный для нас местный читатель этого журнала старательно подчеркнул на последней странице карандашом: *«Следующий № выйдет осенью».* Как оказалось, не вышел. Прочитанный им в Лермонтовской библиотеке номер журнала оказался последним. Наступили другие времена с другой философией, другими авторами и другими читателями. Завершилось и наше путешествие по страницам журналов военной поры. Провинциальному читателю читать больше о мировой войне было нечего.

Давно завершил свой жизненный путь на земле пензенской последний солдат той войны. Оказались на долгие десятилетия забытыми в своей стране те, кто вступил в смертный бой за веру, царя и, главное, Отечество. Не вспоминаются пленные чехи, австрийцы, словаки, для которых на несколько лет, пусть чужим, но домом стали села и деревни среднерусских губерний?

В этой почти забытой войне многое было впервые. Особенно по масштабам применения. С грохотом ползущие на окопы противника танки. Отравляющие пары хлора, перед которыми бессильны пуля и шашка. Авиация в небе, концлагеря для пленных на земле. Массовые расстрелы заложников из мирного населения. Целенаправленное уничтожение памятников и ценностей европейской культуры. Первая в истории человечества массовая эмиграция рабочей силы из Азии и Северной Африки в Западную Европу как прямой результат значительного сокращения численности населения.

Идея «сверхнарода» в немецкой философии, впервые по-настоящему материализованная на этой войне. И отношение к ней «русской души» на уровне обыденного, повседневного сознания. Пелагея Михайловна Сызганова, урождённая Шекунова, родом из Казанской губернии, русская женщина, с мая 1895-го по июль 1909-го родившая девятерых детей, среди которых моя ба-

бушка Варвара. В её сохранившемся «женском альбоме» — поэтические записи военных лет под псевдонимом «Полина», выражающие (с сохранением орфографии и пунктуации автора) отношение к «германцу»:

Я не подамъ руки свободной
Ожесточённому врагу;
Скорей погибну благородно,
Но твёрдость воли сберегу.

А вот, уже более личное, в целом лиричное, даже интимное, но также «отмеченное» той войной:

.....
Война окончена, безъ мира, договоровъ,
Безъ золъ взаимныихъ укоровъ,
Окончена... и нечего ужъ ждать!
Рокъ более къ тебе его не возвратитъ,
Такъ было близско счастіе подъ рукою,
Такъ медлила, играть пошла судьбою,
Такъ уж не жди — он больше не придётъ.

Миллионное исчисление жертв войны. В таком количестве и так бессмысленно в современную эпоху люди гибли впервые. Итогом войны оказалась та Европа, которая, как показало время, уже никогда не стала прежней. Всё ещё забытая война?

Но самым значимым последствием Первой мировой оказалось наступившее состояние российского общества. Ещё в самый разгар войны в том же солидном научном журнале появились слова:

«...безвольная неврастения — диагноз болезни русской жизни был им поставлен верно и убедительно. Прав он был и в своём оптимизме. Чеховская полоса русской жизни отошла в прошлое. Мы видели так много тяжкого, мучительного, мы познавали своё объективное бессилие и настроение окружающей жизни, ***мы переживаем мировую трагедию.*** *Но к этим сплошным осенним сумеркам, где тоскливо моросит дождь, а в будущем ожидается длинная и сырая ночь, к этому царству неврастенической тоски, к миру дяди Вани и трёх сестер — Россия уже не может вернуться».* (Котляревский С.А. Миросозерцание князя С.Н. Трубецкого // «Вопросы философии и психологии», 1916, январь — февраль, книга 131 (I), с. 49.)

Не вернулась. Но вместе с тем произошло в скором времени нечто такое, что вот уже век бросает «живую личность» в России из огня да в полымя. И забывается многое. Нередко повторяются старые ошибки. Далеко не всегда извлекаются уроки.

Так как же? Забытая война? Или война-предостережение? Скорее всего, и то и другое. Но в самый последний момент уходящей в небытие истории прежней России, пусть не очень громко, не как на митинге, прозвучали слова, несущие по-прежнему оптимизм как ожидание:

«Когда темно кругом и темно впереди, чтобы не упасть духом, не растеряться, не прийти в отчаяние, а бодро делать своё дело, — надо очень крепко верить, что нет такого мрака, которого не рассеют лучи вечного света!» (Лопатин Л. Неотложные задачи современной мысли // «Вопросы философии и психологии», 1917, январь — февраль, № 1, книга 136, с. 80.)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Камаровский Леонид Алексеевич, граф — известный в России юрист (1846 — 1912).

2. Налепинский Тадеуш, псевдоним Svastica, сотрудник журнала «Аполлон» (1900-х гг.). (См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. — Т. 4. — М., 1960. — С. 330)

3. Франк Семён Людвигович — русский философ и религиозный мыслитель (1877 — 1950).

4. Котляревский Сергей Андреевич — русский историк, писатель, правовед, политический деятель (1873 — 1939).

5. Хвостов Вениамин Михайлович — российский философ-неокантианец, специалист по римскому праву, социолог, последователь Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля (1868 — 1920).

6. Лопатин Лев Михайлович — русский философ-идеалист, психолог, многолетний председатель Московского психологического общества и редактор журнала «Вопросы философии и психологии» (1855 — 1920).

7. Трубецкой Сергей Николаевич, князь — русский религиозный философ, публицист и общественный деятель (1862 — 1905) .

8. Соловьёв Владимир Сергеевич — русский религиозный мыслитель, поэт, публицист, литературный критик; стоял у истоков русского «духовного возрождения» конца XIX — начала XX в. (1853 — 1900).

9. «Вопросы философии и психологии» («Вопросы философіи и психологіи») — журнал, издававшийся в Москве (1889 — 1918) при Московском психологическом обществе; содержание журнала составляли статьи по этике, гносеологии и другим философским вопросам, а также статьи по психологии, в том числе экспериментальной; вскоре после появления стал крупнейшим русским философским журналом.

10. «Русская мысль. Литературно-политическое издание» — один из самых распространённых литературно-политических журналов, выходивший в Москве с 1880 года ежемесячно; закрыт в 1918 году как «буржуазный орган печати», далее печатался за рубежом — в Софии, затем в Праге и позже в Париже вплоть до 1927 года.

11. «Вестник Европы» («Вѣстникъ Европы») — русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1918 год в Санкт-Петербурге (продолжал традицию одноимённого журнала, основанного в 1802 году Н. М. Карамзиным.

12. «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» — сборник статей русских философов начала XX века о русской интеллигенции и её роли в истории России; издан в марте 1909 г. в Москве.

Владимир ШИГИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЯТЫНИ

Главы новой книги «Севастополь — город русской славы»*

Иди в град сей… Пади там ниц, место ибо сие свято есть…
Преосвященный Иннокентий Таврический
о Севастополе

Кто теперь помнит штурмана прапорщичьего ранга Ивана Батурина? Да наверное, почти никто? Неизвестно, где и когда родился, неизвестно, где и когда почил. Кому он был нужен, этот безвестный штурман? Мало ли таких было до и после него! Всех ведь и не упомнить. Да и сделал ли он в своей жизни что-нибудь такое, чтобы его помнить потомкам? Но в том-то и дело, что сделал! В нелегкой и серой жизни штурмана был все же звездный час, озаривший его имя.

Осенью 1783 года штурман прапорщичьего ранга Иван Батурин был назначен руководить «описной партией», посланной с дозорного корабля Азовской флотилии «Модон» в Ахтиарскую бухту. Батурин и его люди должны были положить на карту берег от Херсонесского мыса до Бельбека. Батурин избрал для съемок высотные холмы, с которых открывалась широкая перспектива рейда, с большим заливом, тянущимся до подножия Инкермана. От северных холмов Батурин двигался к югу, и его взгляду предстала неповторимая панорама берега.

Десять бухт причудливым узором очертили побережье. На берегу Большого залива сиротливо белела деревенька Ахтиар: десяток убогих домишек. За ними в глубине — поросшая дубняком и можжевельником долина. С юго-запада береговую линию замыкал прямоугольный кряж, с трех сторон омываемый морем. На Севере — изгибы реки Бельбек. В ее излучине — селение, еще одно — у подножия Инкермана, на реке Черной (Чурук-Су, или Инкерманке).

** Полностью книга московского писателя, капитана первого ранга В.В. Шигина выходит в 2014 г. в издательстве «Вече».*

Каждое селение в несколько домов. Батурин подробнейше запечатлел на своей карте Большой залив (так тогда называли будущую Севастопольскую бухту) и его берега с развалинами древнего Херсонеса.

У истоков российской славы будущего Севастополя стоит и имя гения мирового военного искусства А.В. Суворова. Именно ему удалось одержать на берегах Ахтиарской бухты чрезвычайно важную победу над турецким флотом, причем победу бескровную и оттого еще более значимую. Случилось это в 1778 году, когда турецкие корабли с десантом на борту вошли в Ахтиарскую бухту для поддержки татарской смуты. Подтянув войска и воздвигнув на берегах бухты батареи, Суворов фактически блокировал турок. Видя, что идея десанта полностью провалилась, а дальнейшее нахождение в Ахтиаре грозит голодом и истреблением, турки, не теряя времени, бежали в Константинополь. Бескровная и важная победа, закрепившая российское господство в Крыму, не осталась незамеченной в Петербурге. Наградой за нее Суворову от Екатерины Второй была украшенная бриллиантами золотая табакерка с портретом императрицы и надписью: «За вытеснение турецкого флота из Ахтиарской гавани и от крымских берегов». То была самая первая награда россиян за Севастополь...

А осенью 1782 года, а именно 17 (28) ноября, в Большой залив вошли фрегаты «Осторожный» и «Храбрый». Ими командовали бывалые капитан-лейтенанты Иван Берсенев и Степан Юрасов, участники знаменитой Средиземноморской экспедиции, герои Чесмы. Так определилась судьба Ахтиара. Сколь символичны были названия первых российских судов, пришедших в будущий Севастополь! Над древними херсонесскими бухтами затрепетал на ветру Андреевский флаг...

Рейд был признан лучшим на всем Черном море. Потемкин просил президента адмиралтейской коллегии графа Ивана Чернышева поторопиться с подробным изучением места для постройки нового города и гавани. Капитан 1 ранга Иван Максимович Одинцов, фрегаты которого стали на якорь в Ахтиаре, получил распоряжение проделать подробнейшие съемки и промеры на предмет устройства портовых сооружений. Это была первая зимовка, подробных сведений о ней ждали в адмиралтействе.

Команды фрегатов Одинцова разместились на зиму в опустевшем селении Ахтиар. Кругом не было ни души, и моряки оказались в положении своеобразных «робинзонов» на тихих херсонесских берегах. Они ладили сети, ружья для охоты на диких коз, а главное, отстраивались и чинили жилье. Начальник эскадры Одинцов вместе с капитан-лейтенантом Юрасовым подготовили карту и донесение в Петербург. Одинцов писал в коллегию: «С начала пребывания моего в Ахтиарской бухте прошлого 1782 года с 17-го ноября по 7 марта 1783 года порученной мне эскадры фрегаты стоят на одних якорях посредине самой бухты; при перемене якорей канаты всегда бывают целы, потому что грунт — ил мягкий; при всех бываемых крепких ветрах волнения никакого не бывает, кроме вестового, от которого при ветре немалое волнение; а по утешении — зыбь, но безвредная. В разных местах опущены с грузом доски, также и фрега-

ты осматриваемым при кренговании, однако червь нигде не присмотрен: сему причина — часто бываемая при остовом ветре, по поверхности губы из речки Аккерманки, пресная вода, в губе превеликое множество дельфинов, или касаток; но они безвредны».

Ныне почти забытый поэт Семен Бобров пришел на севастопольскую землю вместе с полками екатерининских гренадер. Именно он первым воспел ее возрождение:

Я в Херсониде многохолмной
Под благодатным небосклоном
. . . . . .
Найду Гельвецию с хребтами,
Найду Сатурнову страну...

Сатурнова страна... Каждый ищет ее для себя, и каждый находит что-то свое. Россия нашла ее в пределах древнего Херсонеса. Священный город возвращался к своей прародине как высший дар, как чудо, дарованное Господом, как награда за подвиги русских воителей.

Вступил лишь в Херсонес, пошел лишь Долгоруков,
Единой славою его гремящих звуков.
Отверзся Перекоп, пришел в подданство Крым,
И веки что творят, то летом он одним...

Так откликнулся на обретение Тавриды еще молодой Гавриил Державин.

По желанию Потемкина начальником всего южного флота был послан герой Чесмы вице-адмирал Федот Алексеевич Клокачев, дотоле командовавший Азовской флотилией. Готовясь к отъезду из столицы, он получил ордер главноначальствующего в Новороссийском крае генерал-аншефа Григория Потемкина о перебазировании морских сил в Ахтиарскую бухту.

«Собрав повсюду теперь находящиеся корабли и прочие суда, идти в море могущие, кроме тех, кои нужны для примечания в Керченском проливе, — призывал наместник, — войтить со всеми в гавань Ахтиарскую, где командующий войсками в Крыму генерал-поручик граф де Бальмен учинил отряд, как ради сражения, так и для работ в тамошних укреплениях». Этот документ свидетельствует о том, что вопрос о перебазировании был решен задолго до присоединения ханства.

Ранней весной Клокачев был уже на юге. Вступив в командование Черноморским флотом, Клокачев еще в Таганроге подписал распоряжение о формировании двух отрядов судов. Сперва под вице-адмиральским флагом переход морем предстояло совершить двум фрегатам, бомбарде и двум шхунам. После под контр-адмиральским флагом надлежало плыть фрегату, кораблю, шхуне и боту. Судя по всему, наличные морские силы были малы. К концу апреля удалось ввести в строй еще пару фрегатов, исключить из списка суда, служившие для грузовых перевозок. Эскадра под его флагом вошла в Большой залив и приняла салют фрегатов Одинцова. Переход из Керчи в Ахтиарскую бухту совершила легкая эскадра в составе 44-пушечных фрегатов «Крым», «Пос-

пешный», «Стрела», «Победа», «Перун», старых 16-пушечных кораблей «Хотин» и «Азов» (переоборудованного в бомбардирское судно), слабо вооруженных шхун «Победитель», «Измаил» и «Вячеслав», палубного бота «Битюг». Общая численность судовых команд достигла 1300 человек.

Солнечным утром 2 (13) мая 1783 года колонна судов эскадры торжественно миновала устье бухты под грохот артиллерийских орудий и повернула в Южную гавань, где бросила якоря у будущей Корабельной стороны. На салют фрегатов отвечали полевые батареи. Расставленные по реям и вантам матросы «Осторожного» и «Храброго», перемещенные из глубины бухты к устью, построенные на берегах солдаты Капорского и Днепровского полков многократно кричали азовцам раскатистое «Ур-р-ра!».

Долго пустовавшая, грустившая в ожидании прибытия рачительных хозяев Ахтиарская бухта наполнилась и повеселела. Эскадра военных судов, на которых периодически раздавались звон склянок и трели дудок, приводивших в движение людей, деловито сновавшие между судами и берегом шлюпки убедительно говорили о том, что российские морские служители пришли сюда надолго, точнее сказать, навсегда. А Клокачев уже требовал к себе составленные планы и осмотрел берега до самого Херсонеса. Он нашел маленькую Ахтиарскую бухту неудобной для своих одиннадцати кораблей. Становиться на якорь в Большом заливе, открытом западным ветрам, было небезопасно. Кроме того, следовало подумать об укреплениях, начало которым положил Суворов. Клокачев избрал самую обширную из бухт, впадающих в залив с юга. Отныне она называлась Южной, или Гаванью, и была облюбована для стоянки эскадры. Строения, к устройству которых предполагал приступить немедленно Клокачев, должны были расположиться не к востоку, а к западу — на пространстве между двумя бухтами. Здесь и быть порту.

«Без собственного обозрения нельзя поверить, чтоб так сия гавань была хороша!» — восклицал Клокачев, утверждая, что в Европе ничего подобного этому не видывал. Он писал в адмиралтейство, исчисляя все выгоды и достоинства учреждаемого порта: «Здесь сама природа такие устроила лиманы, что сами по себе отделены на разные гавани, то есть военную и купеческую».

* * *

Рождение Севастополя неотделимо от рождения российского Крыма. 2 февраля 1784 года было окончательно ратифицировано присоединение Крыма к России и учреждение Таврической губернии. А уже 10 февраля был издан высочайший указ об устройстве «крепости большой Севастополь, где ныне Ахтияр и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение».

А еще через двенадцать дней Севастополь был открыт «для всех народов, в дружбе с Империею НАШЕЮ пребывающих, в пользу торговли их с верными НАШИМИ подданными».

Почему морской порт на Черном море получил имя Севастополь? В прессе часто пишут, что Севастополь переводится с греческого как «город, достойный поклонения», «город славы» и т. д. Но на самом деле это не так! Перевод слова «Севастополь» четок и однозначен — «Священный (севастос) город (полис)». Можно только поражаться прозорливости Екатерины Второй, которая, дав столь великое имя новому городу, предначертала его необычную судьбу. Будем же ей за это благодарны!

А уже в 1787 году состоялась знаменитая поездка императрицы Екатерины Второй в южные пределы Российской империи. Конечной точкой этой поездки стал только что основанный Севастополь.

В Севастополе гостям устроили демонстрацию флота с выходом кораблей в море. Иностранные наблюдатели передавали свои впечатления следующим образом: «Между тем как их величества сидели за столом, при звуках прекрасной музыки внезапно отворились двери балкона, и взорам нашим представилось величественное зрелище: между двумя рядами татарских всадников мы увидели залив верст на 12 вдаль и на 4 в ширину; посреди этого залива, в виду царской столовой, выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в два года. Государыню приветствовали залпом из пушек...»

Линейные корабли, фрегаты и бомбардирские суда не только салютовали императрице, но и вели затем прицельную стрельбу по специально подготовленным целям, разрушая макеты крепостей меткими попаданиями ядер и поджигая их брандскугелями. Екатерина побывала на флагманском корабле, ради чего для нее была сшита адмиральская форма. В кают-компании государыня провозгласила тост за господ офицеров и за русский народ, способный на все, даже «выплескать моря и сдвинуть горы».

Каждый день приносил что-то новое: росли стены зданий, стропила покрывались крышей, из печных труб валил первый дымок. Уже явственны были очертания города. Величину его можно было видеть по охвату земли, от Южной бухты до той, которая ныне именовалась Карантинной. По всему этому пространству уже намечался рисунок будущих улиц, берущих начало от площади у самой гавани. Уже набережная кое-где одевалась камнем, и радовала глаз свежеструганым деревом маленькая пристань на западном мысу...

Это был Севастополь, и пусть у него еще не было официального названия, но в душах и сердцах своих первых новых обитателей он уже обретал свое извечное сокровенное имя, то, что когда-то было дадено ему свыше... Именно отсюда уходили в свои походы корабли эскадры адмирала Федора Федоровича Ушакова. Сюда они возвращались с победами: Фидониси и Тендра, Керчь и Калиакрия, Корфу... Все это слава севастопольских моряков и слава Севастополя.

* * *

Севастополь и Нахимов... Имя Нахимова давно стало олицетворением служения Отечеству для многих поколений россиян. С именем Нахимова связана

целая эпоха нашего флота с победами при Наварине и Синопе, кавказскими десантами и великой Севастопольской эпопеей. Ни один из отечественных флотоводцев никогда не был столь обожаем и любим соратниками при жизни, как адмирал Нахимов. Ни один не удостоился такой общенародной любви после своей гибели, как он. Нахимова помнят, им восхищаются, его чтят. Что же такого совершил этот человек, что и сегодня в его честь называют военно-морские училища и улицы, боевые корабли и площади? Почему и сегодня молодые лейтенанты надевают свои фуражки с особым шиком, «по-нахимовски», а седые адмиралы с гордостью носят на груди, как высшую награду моряка, ордена его.

С началом обороны Севастополя от англо-французской армии осенью 1854 года черноморцы затопили на входе в Севастопольскую бухту свои корабли. На входе в бухту, преграждая путь возможному прорыву неприятельского флота, легли на дно семь судов. Обходя на катере обреченные суда, вице-адмирал Корнилов говорил плачущим матросам:

— Грустно уничтожать свой труд!.. Но надобно покориться необходимости! Москва горела, а Русь от этого не погибла!

Экипажи затопленных кораблей с пушками и абордажным оружием были сразу направлены на создаваемые бастионы. Там уже вовсю трудились солдаты гарнизона и местные жители. На бастионах неотлучно находились и Корнилов с Нахимовым. Они же назначили своего младшего товарища контр-адмирала Истомина командиром важнейшей оборонительной позиции города — Малахова кургана.

Душой обороны Севастополя стал Корнилов. Его, как и Нахимова, видели всюду. Скромный Нахимов, не раздумывая, признал старшинство своего младшего товарища и помогал ему во всем, не зная ни сна, ни отдыха.

В чем же главная заслуга вице-адмирала Корнилова? Да прежде всего в том, что именно он вдохнул веру в защитников брошенного на произвол судьбы города, именно он сумел задать столь высокий дух патриотизма и мужества, что его с лихвой хватило до конца обороны. Сошедшие по его приказу на берег моряки привнесли на бастионы то особое отношение к выполнению своего долга, каким во все времена славился наш флот. Бастион воспринимался ими не иначе как корабль, ведь командовали там их же командиры кораблей, а служба правилась согласно морскому уставу по боцманским свисткам. А потому дрались моряки за бастионы, как за свои корабли, на которых ни при каких обстоятельствах нельзя спускать Андреевского стяга. Впоследствии с каждым днем обороны количество матросов на бастионах из-за больших потерь уменьшалось, но их боевой дух и морские традиции оставались неизменными.

Подойдя к городу, союзники начали окапываться и устанавливать осадные батареи. И вот грянуло 5 октября — день первой генеральной бомбардировки Севастополя. Едва началась пальба, Корнилов и Нахимов были уже на линии огня. Объезжая под выстрелами линию обороны, они встретились на 5-м бастионе. Затем Корнилов поспешил на Малахов курган. Мог ли кто тогда знать, что адмиралы видятся в последний раз?

Буквально через час только что прибывший на курган Корнилов будет смертельно ранен ядром в пах. Упав наземь, он успеет еще прошептать подбежавшим к нему офицерам:

— Отстаивайте же Севастополь!

Буквально на следующий день матросы выложили из ядер на месте гибели адмирала памятный крест. Позднее же здесь будет поставлен памятник: умирающий Корнилов, показывающий рукой на раскинувшийся у подножия кургана город, а ниже — его слова, обращенные потомкам: «Отстаивайте же Севастополь!». А сам Малахов курган матросы станут теперь называть не иначе как Корниловским бастионом.

Из последнего приказа вице-адмирала В.А. Корнилова: «...Будем держаться до последнего. Отступать нам некуда — сзади нас море. Всем начальникам я запрещаю бить отбой; барабанщики должны забыть этот бой. Если кто из начальников прикажет бить отбой, заколите такого начальника, заколите барабанщика, который осмелится ударить позорный бой. Товарищи, если бы я приказал ударить отбой, не слушайте, и тот подлец будет из вас, кто не убьет меня...»

По распоряжению Нахимова останки Корнилова погребли во Владимирском соборе подле могилы Лазарева. Глядя, как опускают гроб, Нахимов сказал:

— Здесь хватит места еще на одного. Этим третьим буду я!

Как отмечают современники, вице-адмирал не желал пережить обороны Севастополя, твердо решив погибнуть здесь, но не отступить...

7 марта 1855 года защитников города постиг новый тяжелый удар: погиб от попадания ядра в голову бессменный комендант Малахова кургана контр-адмирал Владимир Иванович Истомин. Нахимов тяжело переживает смерть еще одного своего верного соратника. В письме к его брату Константину он пишет: «Общий наш друг Владимир Истомин убит неприятельским ядром... Оборона Севастополя потеряла в нем одного из своих главных деятелей, воодушевленного постоянно благородною энергиею и геройской решимостью... По единодушному желанию всех нас, бывших его сослуживцев, мы погребли тело его в почетной и священной могиле для черноморских моряков в том склепе, где лежит прах незабвенного адмирала Михаила Петровича и первая, вместе высокая жертва защиты Севастополя — покойный Владимир Алексеевич. Я берег это место для себя, но решил уступить ему...»

Из воспоминаний пехотного офицера: «На пятом бастионе мы нашли Павла Степановича Нахимова, который распоряжался на батареях, как на корабле, и ядра свистели около, обдавая нас землей и кровью убитых».

Из записей адмирала Нахимова: «В последние дни, после заката солнца, когда в Севастополе наступает совершенная тишина в воздухе, неприятель бросает к нам конгревовы ракеты; вчера выпустили шестьдесят. Ракеты, бросаемые неприятелем, разрывные и с сильным зажигательным составом».

Из воспоминаний артиллерийского офицера: «Каждый из защитников после жаркого дела осведомлялся прежде всего, жив ли Нахимов, и многие

Фрагмент панорамы Ф.А. Рубо «Оборона Севастополя»

из нижних чинов не забывали своего отца-начальника даже и в предсмертных муках. Так, во время одного из штурмов рядовой полка графа Дибича-Забалканского лежал на земле близ Малахова кургана. «Ваше благородие! А, ваше благородие!» — кричал он офицеру, скакавшему в город. Офицер не остановился. «Постойте, ваше благородие! — кричал тот же раненый в предсмертных муках. — Я не помощи хочу просить, а важное дело есть!» Тогда офицер возвратился к раненому. «Скажите, ваше благородие, адмирал Нахимов не убит?» «Нет», — отвечал офицер. «Ну, слава Богу! Я могу теперь умереть спокойно…» Это были последние слова умирающего».

Оборона Севастополя продолжается: бомбардировки сменяются атаками, а атаки новыми бомбардировками. Огромна убыль в людях, в тылу процветает воровство и спекуляция, но бастионы по-прежнему держатся. Достается и союзникам. Болезни, холод и русские ядра наносят и им немалый урон.

Кровопролитные бои идут постоянно за передовой Камчатский люнет. В один из дней, когда люнет был почти захвачен внезапной атакой французов, туда прибыл Нахимов. Присутствие любимого начальника удесятеряло силы. Всюду кипела рукопашная. Нахимов каким-то чудом оставался еще жив. Французы тем временем обошли люнет с тыла. Теперь адмирал с горсткой матросов оказался в полном окружении. В этот критический момент на выручку Нахимову устремляется генерал Хрулев. С криком: «За мной благодетели!» — он увлекает случайно оказавшихся рядом солдат. Камчатский люнет переходит несколько раз из рук в руки. Наконец французам удается его окончательно захватить. Но адмирал в окружении верных матросов все же пробивается на Малахов курган, где немедленно организует обстрел захваченного люнета. В бою за Камчатский

люнет Нахимов был сильно контужен, но, зная, какое гнетущее впечатление произведет это известие на подчиненных, старательно скрывает свою контузию.

А 6 июня началась генеральная бомбардировка города. Главный удар союзники на этот раз решили нанести по Селенгинскому, Волынскому редутам и Камчатскому люнету, прикрывавшим Малахов курган. По этим маленьким укреплениям била почти вся артиллерия союзников. А затем начался штурм. В атаку на бастионы бросилось более сорока тысяч человек. На редутах и люнете после жестокой бомбардировки оставалось не более шестисот защитников... Бой был отчаянный. Матросы дрались штыками и банниками. Французский командующий генерал Пелисье еще пять раз поднимает войска на приступ, но каждый раз они отбрасываются с огромными потерями. Союзников громят пушки с бастионов, их накрывают бомбические орудия с маневрирующих по бухте кораблей и пароходов. Штурм буквально захлебывается кровью. Первыми, не выдерживая, откатываются англичане, за ними французы. Севастополь одержал еще одну победу!

Жить Нахимову оставалось совсем немного. Смерть, которой он каждодневно бросал вызов за вызовом, уже стояла за его спиной...

И вот он наступил, роковой день 28 июня 1855 года. Утром Нахимов с адъютантами верхом отправился осматривать бастионы. Давая указания, он доехал до Малахова кургана. Поговорив с матросами, взял подзорную трубу и поднялся на банкет. Его высокая фигура в адмиральских эполетах была прекрасной мишенью для стрелков неприятеля. Бывшие рядом офицеры попросили его поберечься. Нахимов им не ответил, продолжая молча рассматривать в трубу позиции неприятеля. Рядом с ним просвистела пуля.

— Они сегодня довольно метко стреляют! — заметил Нахимов.

В этот момент грянул новый выстрел, и адмирал без единого стона упал на землю. В сознание Нахимов уже не приходил. Утром 30 июня его не стало.

* * *

Великая Отечественная война пришла в Севастополь в 3 часа 15 минут 22 июня. Еще не прозвучал ни один залп на западной границе, еще не погиб ни один солдат, а Священный город уже встретил врага, и первые жертвы на алтаре Великой Отечественной были его...

Хроника того страшного утра такова. В 3 часа 7 минут посты воздушного наблюдения Черноморского флота обнаружили приближение большой группы неизвестных самолетов.

Вскоре в небе над Севастополем уже ревели моторы невидимых самолетов. Еще минута, и ударили лучи прожекторов, громыхнули зенитки. Так началась Великая Отечественная.

История сохранила нам имена первых ее жертв. Фашистская донная мина упала на дом и разнесла его в клочья. В огне взрыва погибли: Александра Белова (бабушка), Варвара Соколова (дочка) и Леночка Соколова (внучка).

За долгую и кровопролитную войну еще погибнут миллионы и миллионы, но именно этим трем выпала страшная участь открыть скорбный и бесконечный мартиролог. Запомним же и мы их имена!

А 30 октября война докатилась и до стен самого города. И снова предначертание или совпадение? Ведь именно в октябре 1854 года началась первая оборона Севастополя. Причем если тогда она началась высадкой войск европейской коалиции на побережье восточной Евпатории, то в 1941 году именно в том же месте танковую колонну врага встретили матросы 54-й батареи береговой обороны Черноморского флота. На наручных часах командира батареи лейтенанта Ивана Заики было 16 часов 35 минут, когда он скомандовал:

— Пеленг 42... Дистанция 35 кабельтовых... По вражеским танкам... Залп!

Так началась вторая великая оборона, оборона, вновь явившая миру феномен Севастополя. Чего только не испробовали захватчики под Севастополем, чтоб сломить дух его защитников! Лучшие гренадерские дивизии, укомплектованные двухметровыми саксонцами, и лучший авиакорпус генерала Рихтгофена, уже превративший в развалины Ливерпуль, Варшаву и Крит, сотни танков и сотни тысяч бомб, десятки тяжелых и сверхтяжелых батарей, не имевших аналога в мировой истории, включая 420-миллиметровые гаубицы — «уничтожители крепостей» — «Гамма Мерзер» и «Гамма Гаубитце», 615-миллиметровые «Карлы» и 813-миллиметровую «Дору», один снаряд которой весил более семи тонн. Многим позже, вспоминая о битве за Севастополь, Манштейн писал: «В целом во Второй мировой войне немцы никогда не достигали такого массированного применения артиллерии, как в наступлении на Севастополь...» Что ж, более чем исчерпывающее признание!

Многие ли из городов мира могут записать в свои анналы, что под их стенами полегли сразу несколько армий? Только два: Сталинград, где нашли свой конец 6-я немецкая и румынская армии, и Севастополь...

С декабря 1941 года по июль 1942-го Севастополь фактически полностью перемолол сильнейшую в вермахте 11-ю армию лучшего стратега Третьего рейха фельдмаршала Манштейна. Под стенами черноморской твердыни захватчики положили около 200 тысяч своих солдат, почти весь изначальный списочный состав этой армии. Но главное значение ВЕЛИКОЙ обороны Священного города даже не в этом. Подставив свою грудь под удар сильнейшей фашистской армии, Севастополь тем самым спас всю страну!

Спустя годы после окончания войны историки дотошно просчитают возможные варианты развития событий летом страшного 1942 года в случае, если бы немцам удалось сходу овладеть Севастополем. Все при этом сходятся в одном: не было бы героической обороны Севастополя в 1941 — 1942 годах, не удалось бы остановить немцев у Сталинграда, не удалось бы отстоять Кавказ. И в этом величие подвига Севастополя.

В дни обороны города в нем был писатель Евгений Петров, тот самый — автор и создатель бессмертного Остапа Бендера. Потрясенный увиденным, он написал: «...87 лет назад каждый месяц обороны был приравнен к году, то теперь

к году должен быть приравнен каждый день. Сила и густота огня, который обрушивает на Севастополь неприятель, превосходит все, что знала до сих пор военная история... Города почти нет. Нет больше Севастополя с его акациями и каштанами, чистенькими тенистыми улицами, парками, небольшими светлыми домиками с железными балкончиками. Он разрушен. Но есть другой, главный Севастополь — город адмирала Нахимова и матроса Кошки, хирурга Пирогова и матросской дочери Даши. Сейчас это город моряков и красноармейцев, из которых просто невозможно кого-либо выделить, поскольку все они герои...»

Атакует морская пехота

Мир застыл, ошеломленный новым подвигом Священного города. Американская «Нью-Йорк Таймс»: «Оборона Севастополя... была великолепным событием в мировой истории. Теперь мы понимаем, что после Севастополя Москва и Сталинград не могли пасть и что сила русского народа, в конечном счете, добьется победы. Оборона Севастополя — это достижение духа советского народа, духа, проявившегося в горячей ненависти к врагу и в страстной любви к самому маленькому камню, лежавшему на русской земле...»

Английская «Таймс»: «Мы отдаем должное блестящему вкладу в общее дело, сделанному Севастополем. Севастополь стал синонимом безграничного мужества, его оборона безжалостно смешала германские планы. В течение длительного времени Севастополь возвышался как меч, острие которого было направлено против захватчиков».

Даже фашистская печать вынуждена была, сквозь зубы, признать подвиг Священного города: «Германская армия натолкнулась под Севастополем на героический отпор. Город оказался неприступной крепостью, осада которой не предусматривалась».

Участник обороны Севастополя поэт-фронтовик Г. Поженян посвятил подвигу защитников города такие строки:

...А он горел, и отступала мгла
От Херсонеса и до равелина.
И тень его пожаров над Берлином
Уже тогда пророчеством легла.

* * *

Мужество наших воинов под стенами Севастополя, как и под стенами Сталинграда и Москвы, в горах Кавказа, на Курской дуге и под Ленинградом, переломило ход войны. Россия расправила плечи, и началось изгнание захватчиков из родных пределов. А 18 апреля 1944 года части Советской армии вышли на подступы к Севастополю.

Немцы не желали отдавать Севастополь без боя, и вокруг города были возведены два мощнейших оборонительных рубежа, четыре укрепленные полосы, сотни дотов и минных полей. Тысяча восемьсот орудий, сто самолетов. В окопах сидела целая армия, да какая — 17-я, лучшая из лучших, почти полностью состоявшая из отборных гренадерских полков, укомплектованных ветеранами, видевшими Париж, Варшаву и Кавказ!

Весной 1944 года у стен русской святыни эта армия была разгромлена и полностью уничтожена в придачу с румынским корпусом. Остатки ее были сброшены под скалы Херсонесского мыса, а там добиты и пленены.

Наши войска взяли Севастополь в ходе непрерывного трехдневного штурма. Врагам понадобился почти год, нам — три дня! Чудо? Случайность? Нет! Закономерность! Священный город не желал терпеть фашистскую сволочь в своих стенах. Может, именно поэтому севастопольская земля горела у захватчиков в буквальном смысле? Город исторгнул от себя всю нечисть. Но штурм Севастополя не был легок, и священная земля еще не раз щедро омылась кровью российской.

5 мая Сталин дал приказ на штурм Севастополя. Главный удар наносила 51-я армия. Острие ее атаки было нацелено на Сапун-гору. Отвлекающий удар наносила 2-я гвардейская армия. Она атаковала Мекензиевы горы. Одновременно вдоль берега рвалась Приморская армия, ее задача — лишить немцев возможности эвакуироваться. Во главе всей операции — маршал Василевский.

И немцы попались в устроенную им западню! Приняв отвлекающий удар за главный, они перекинули все свои резервы к Мекензиевым горам. Так предопределился исход битвы за Севастополь.

Штурм знаменитой Сапун-горы длился девять часов и был страшно кровав. Сколько я не искал число погибших в этой небывалой по ярости схватке, нигде так и не нашел точных цифр. Да так ли уж это и важно сегодня? Севастопольская земля сама знает, сколько своих верных сынов накрыла она навсегда каменистым пологом.

Красные флаги победы взвились над Сапун-горой на исходе 7 мая. А 9 мая был освобожден и сам город.

Немцы бежали к мысу Херсонес. Отдельные пытались было держать оборону у Стрелецкой бухты, но были с ходу сбиты. Все попытки командующего немецкой армией генерала Альмандингера хоть как-то сгруппировать свои войска ровным счетом ни к чему не привели. Солдаты вышли из подчинения и бежали в тщетной надежде спастись — туда, где два года назад они добивали ране-

ных и изможденных защитников Севастополя. Каждому воздала священная земля по делам его!

Освобожденный Севастополь. 1944 г.

Ровно в полдень 12 мая 1944 года на мысе Херсонес смолк последний выстрел. 25-тысячная колонна пленных гитлеровских вояк потянулась по севастопольским дорогам, еще двадцать тысяч заплатили за свое посягательство на Святыню жизнями.

Двести пятьдесят суток понадобилось врагу, чтобы ворваться на улицы Севастополя. Три дня длился наш штурм. В чем причина столь большой разницы?

Ответ прост: в мужестве российского воина, которому помогала сама севастопольская земля! Ныне поколение фронтовиков уходит. С каждым годом редеют и редеют их ряды. Но остается память о тех, кто защитил Родину, закрыл грудью Севастополь.

Вскоре после освобождения Севастополя его посетили Черчилль и Рузвельт, прибывшие в феврале 1945 года на Ялтинскую конференцию.

Осмотрев руины города, Черчилль выразил свое сомнение Сталину, удастся ли восстановить Севастополь и не лучше и проще было бы вообще отстроить его на новом месте. Истории известен дословный ответ Сталина:

— Севастополь будет возрожден как русский город!

Послевоенный Севастополь — это город военных моряков и корабелов, рыбаков и науки, город ослепительно белых домов из инкерманского камня под голубым небом. Севастополь — это город двух цветов: белого и голубого. Флотская форма и облака, паруса яхт и поражающие изяществом линий лайнеры — это белый. Матросские воротники и бьющая о берег волна — голубой.

Тогда казалось, что все самое худшее уже позади, а впереди лишь радость и счастье. Тогда можно было ночи напролет гулять по улицам, не допуская даже мысли о том, что с тобой может что-либо случиться. Тогда наш военно-морской флот непрестанно пополнялся новейшими ракетоносцами, а рыболовецкий — самыми современными супертраулерами. Тогда дни военно-морского флота, равно как и дни цветов, превращались в столь массовые народные гуляния, равных которым не было нигде и никогда. Весь город и весь флот выходили

на улицы. Гремела музыка. Над головами танцующих в ночном небе с треском рассыпались искры салютов, и никто не мог предположить, что до беды осталось уже совсем немного, что истоки ее уже затаились в строящемся ударными темпами секретном объекте «Заря» — даче последнего генсека в Фаросе.

* * *

Прошло всего лишь несколько лет, когда предательство и измена политиков раскололи великую державу. И если иные города и веси восприняли случившееся как нечто неизбежное, чему нельзя ни противиться, ни сопротивляться, то над Севастополем сразу же взметнулись ввысь флаги сопротивления и борьбы: красные революционные и бело-синие Андреевские, созывающие под свою сень всех тех, кому была дорога наша держава. А ночами на обагренных кровью севастопольских камнях стали появляться надписи, призывающие не склонять голов: «Севастополь — Москва! Крым — Россия! Наше дело правое! Мы победим!» В те смутные дни остался верен Отечеству и присяге доблестный Черноморский флот во главе со своим доблестным командующим адмиралом Игорем Касатоновым. На все щедрые посулы врагов города и флота адмирал отвечал неизменное: «Я русский моряк и своей честью не торгую! И флот, и Севастополь принадлежат России, и мы будем драться за каждую пядь нашей земли!»

Так чей же он все же сегодня, согласно всем международным и юридическим правилам, Священный город России? Ответ на этот вопрос однозначен: согласно всем существующим документам Севастополь всегда принадлежал и сегодня принадлежит только России. Не будем давать волю эмоциям, а поглядим лишь документы — они бесстрастны и правдивы. Вот первые из них:

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 402
от 25 октября 1948 г.
Москва, Кремль

О мероприятиях по ускорению восстановления Севастополя

Совет министров СССР отмечает, что восстановление города Севастополя и главной военно-морской базы Черноморского флота осуществляется крайне медленно. При существующих темпах восстановление города и военно-морской базы может быть закончено не ранее 10 — 15 лет, что является совершенно недопустимым.

Совет министров СССР считает неотложной государственной задачей всемерное ускорение восстановления Севастополя как первоклассной военно-морской крепости и ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Закончить восстановление Севастополя и главной военно-морской базы Черноморского флота в течение ближайших 3 — 4 лет.

2. Выделить для восстановления Севастополя на 1949 — 1952 гг. 1523 млн. рублей капиталовложений, в том числе:

а) на восстановление города (жилого фонда, культурных учреждений, объектов здравоохранения и коммунального хозяйства) — 414 млн. рублей;

б) на восстановление военно-морской базы — 700 млн. рублей, в том числе на строительство жилых домов, казарм, служебных и культурно-бытовых учреждений — 200 млн. рублей;

в) на восстановление промышленных предприятий и транспорта — 409 млн. рублей.

Предложить Госплану СССР начиная с 1949 года выделять целевым назначением капиталовложения для восстановления Севастополя.

8. Возложить выполнение строительно-монтажных работ:

а) на Управление по восстановлению г. Севастополя при Совете министров РСФСР..

57. Выделить г. Севастополь в число городов республиканского подчинения.

58. В целях обеспечения выполнения задач по быстрейшему восстановлению г. Севастополя создать при Совете министров СССР Управление по восстановлению Севастополя.

Назначить начальником Управления по восстановлению Севастополя при Совете министров СССР т. Комзина И.В., освободив его от обязанностей заместителя министра строительства военных и военно-морских предприятий.

59. Совет министров СССР считает восстановление г. Севастополя и военно-морской базы важнейшей государственной задачей и обязывает Председателя Совета министров РСФСР т. Родионова, министра вооруженных сил СССР т. Булганина, министра строительства военных и военно-морских предприятий т. Дыгай и руководителей соответствующих министерств и ведомств установить личный контроль за выполнением в срок заданий по восстановлению Севастополя, предусмотренных настоящим Постановлением.

Председатель Совета министров Союза ССР И. Сталин.
Управляющий делами Совета министров СССР Я. Чаадаев.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О выделении города Севастополя
в самостоятельный административно-хозяйственный центр

Выделить город Севастополь в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом и отнести его к категории городов республиканского подчинения.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР И. Власов.
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. Бахмуров.
Москва
29 октября 1948 года

СОВЕТ МИНИСТРОВ РСФСР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1082
от 29 октября 1948 года. Москва

Вопросы города Севастополя

В связи с выделением города Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр и отнесением его к категории городов республиканского подчинения, Совет министров РСФСР постановляет:

1. Обязать Министерство финансов РСФСР и Крымский облисполком выделить бюджет города Севастополя из бюджета Крымской области на 1948 год и не позднее 20 ноября 1948 года представить его на утверждение Совета министров РСФСР.

2. Обязать Госплан РСФСР совместно с министерствами и ведомствами РСФСР и Крымским облисполкомом в пределах планов хозяйственного и культурного строительства и планов материально-технического снабжения Крымской области на 1948 год выделить план хозяйственного и культурного строительства и план материально-технического снабжения города Севастополя и представить к 20 ноября 1948 года на утверждение Совета министров РСФСР.

3. Обязать Госплан РСФСР, Министерство финансов РСФСР, министерства и ведомства РСФСР в дальнейшем выделять город Севастополь в государственном плане и бюджете отдельной строкой.

Председатель Совета министров РСФСР М. Родионов.
Управляющий делами Совета министров РСФСР И. Падежнов.

СОВЕТ МИНИСТРОВ РСФСР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 15 февраля 1954 г. № 156. Москва

О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР

Учитывая территориальное тяготение Крымской области к Украинской ССР, общность экономики и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Совет министров РСФСР постановляет:

считать целесообразным передать Крымскую область из состава РСФСР в состав УССР;

просить Президиум Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о передаче Крымской области в состав УССР и войти в Президиум Верховного Совета СССР с соответствующим представлением.

Председатель Совета министров РСФСР А. Пузанов.
Управляющий делами Совета министров РСФСР И. Груздев

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР

Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета РСФСР постановляет:

передать Крымскую область из состава РСФСР в состав Украинской ССР.

Настоящее постановление внести на утверждение Президиума Верховного Совета СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. Тарасов.
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР И. Зимин.
5 февраля 1954 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УКРАИНСКОЙ ССР.

О представлении Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросу передачи Крымской области в состав Украинской ССР

Обсудив представление Президиума Верховного Совета Российской СФСР по вопросу передачи Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР, внесенное на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, Президиум Верховного Совета Украинской ССР со своей стороны считает, что передача Крыма Украинской ССР, учитывая общность их экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи, вполне целесообразна и является свидетельством безграничного доверия великого русского народа украинскому народу.

Украинский народ с сердечной благодарностью и одобрением встретит решение о передаче Крыма Украинской ССР как новое проявление заботы ЦК КПСС и Советского правительства о дальнейшем укреплении нерушимой дружбы и братской связи между русским и украинским народами. Правительство Украины уделит должное внимание делу дальнейшего развития народного хозяйства Крыма, повышению материального и культурного благосостояния трудящихся Крымской области.

Соответственно представлению Президиума Верховного Совета Российской СФСР Президиум Верховного Совета Украинской ССР постановляет:

просить Президиум Верховного Совета Союза ССР передать Крымскую область из состава Российской СФСР в состав Украинской ССР.

Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Д. Коротченко.
Секретарь Президиума Верховного Совета Украинской ССР В. Нижник.
г. Киев, 13 февраля 1954 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР

Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

утвердить совместное представление Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Ворошилов.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Н. Пегов.
Москва, Кремль
19 февраля 1954 г.

ЗАКОН О ПЕРЕДАЧЕ КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ ИЗ СОСТАВА РСФСР
В СОСТАВ УКРАИНСКОЙ ССР

Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Утвердить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 года о передаче Крымской области из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

2. Внести соответствующие изменения в статьи 22 и 23 Конституции СССР.

Что следует из всех приведенных выше документов? Только то, что в 1948 году Севастополь был выведен из состава Крымской области и подчинен напрямую Москве. С ТЕХ ПОР НИКТО И НИКОГДА НИКОМУ ЕГО НЕ ПЕРЕДАВАЛ!!! Чтобы не быть голословным, пусть читатели поглядят еще несколько весьма интересных документов уже 1954 года о передаче Украине не Крыма (как многие думают!), а всего лишь Крымской области. Это, согласитесь, далеко не одно и то же: Крым — полуостров со всем, что на нем находится, а область — всего лишь территориальное административное образование...

Нельзя не верить своим глазам!.. А потому кто, будучи в трезвом уме и нормальном рассудке, может опровергнуть то, что в состав Украины была передана только Крымская область (а не весь Крым!) без Севастополя, который к тому времени уже не входил в ее состав без малого шесть лет? А потому с правовой точки зрения российская принадлежность Священного города не вызывает

сомнений ни у кого. Но как же все же могло случиться, что Севастополь попал в чужие руки чужого, пусть даже пока еще нам дружественного, государства? Ответ на этот вопрос, с одной стороны, прост: пользуясь борьбой за власть тогдашних российских руководителей, город попросту... украли. Оказывается, при желании в наше время можно воровать у соседнего государства даже целые города! С другой стороны, свет на вопрос внезапного попадания Священного города под украинскую длань сокрыт покровом тайны, ибо мы до сих пор не знаем (и неизвестно, узнаем ли когда-нибудь вообще) все тайные пружины неведомого нам сговора…

Что же ждало Севастополь? Российская сторона свою позицию тогда определила в Постановлении Верховного Совета Российской Федерации от 9 июля 1993 года «О статусе города Севастополя», где однозначно сказано: Севастополь — российский город! Теперь слово за Украиной. Когда же, наконец, сосед вернет украденное! Двум братским народам и дальше жить вместе, невзирая на политические амбиции иных случайных властителей. Но справедливость должна быть рано или поздно восстановлена. Нельзя зваться братом и другом, его же обворовав.

Сегодня снова, как и множество раз прежде, именно Севастополь стал камнем преткновения для многочисленных явных и скрытных врагов России, именно здесь претерпели снова крах их коварные замыслы. За ходом этой неравной борьбы с тревогой и надеждой следила вся Россия, поддерживая и ободряя севастопольцев.

Тогда в эпоху самого страшного нашествия Запада, в эпоху развала великой страны, утери духовных ценностей и великого национального духа именно Севастополь вновь становится символом нашей борьбы за Великую Россию, за завтрашний день русского народа. Севастопольцы так и не смирились с происшедшим, так и не склонили головы. Несмотря на все потуги оккупантов, Севастополь так и не был до конца покорен, он так и не сдался на милость победителей. О долгой двадцатитрехлетней борьбе в бандеровской оккупации уже много написано и еще больше будет написано.

Священный город держался из последних сил, он сражался и верил, что восторжествует его правое дело, а победа будет за ним. Да иного просто и не могло быть! Ведь вместе со Священным городом в это верила и вся Россия. И настал день, и пришел час, когда Севастополь вышвырнул оккупантов со своей священной земли.

* * *

С началом антигосударственного переворота в Киеве в конце 2013 — начале 2014 года Севастополь оказался перед трудным выбором. С одной стороны, жители города не испытывали никакой симпатии к олигархической клике президента Януковича и не собирались выступать на защиту его интересов. С другой стороны, они не могли допустить прихода к власти в Киеве оголтелых

националистов, несущих угрозу Священному городу, который, более 20 лет подвергаясь насильственной украинизации и этнической ассимиляции, отстаивал свое право на русскую историю и русский язык.

В последующие недели события в Севастополе и вокруг него развивались столь стремительно, что политики даже не всегда успевали на них реагировать.

18 февраля 2014 года севастопольцы потребовали от Януковича жестко восстановить конституционный порядок на Украине. Тогда же стало известно, что четверо сотрудников севастопольского «Беркута» были ранены бесчинствующими бандеровцами на Майдане.

19 февраля в Севастополе возле Главного управления МВД состоялся массовый митинг людей, пришедших к зданию милиции, чтобы не допустить проведение севастопольскими активистами «евромайдана» митинга в поддержку киевских экстремистов. В тот же день в президиуме горсовета Севастополя признали, что гражданская война уже идёт. Сам же горсовет Севастополя принял решение о функционировании в городе формирований по охране общественного порядка. В первый же день в отряды по охране общественного порядка записалось более 200 человек.

19 февраля состоялось экстренное совещание председателя городского совета Севастополя с председателями районных в городе советов. Темой совещания стала политическая ситуация на Украине. Участники заседания обсудили вопросы подготовки к возможным провокациям и захватам зданий со стороны радикально настроенных сил, взаимодействия с правоохранительными органами, оперативного обмена информацией, а также вопросы обеспечения деятельности общественных формирований по охране порядка.

21 февраля Верховная Рада Украины запретила проведение объявленной руководством СБУ антитеррористической операции в стране.

В тот же день казачий атаман Севастополя Бебнев заявил, что, если Янукович потеряет власть, «мы штурмом возьмем МВД, СБУ и воинские части Украины в Севастополе». В тот же день украинский олигарх Коломойский заблокировал счета в севастопольских отделениях принадлежащего ему «Приватбанка», лишив денег бюджетников и пенсионеров. С этого момента начинается фактическая экономическая блокада Севастополя новыми украинскими властями. Пять севастопольских автобусов, направлявшиеся на «антимайдан» в Киев, подверглись нападению, были заброшены бутылками с горючей смесью в городе Тальное Черкасской области и были вынуждены вернуться.

22 февраля в Севастополе цветами и объятиями встретили вернувшихся из Киева милиционеров и беркутовцев.

23 февраля на флагштоках перед главным административным зданием Севастополя возмущенными происходящими в стране событиями горожанами был поднят государственный флаг России. Это явилось ответом севасто-

польцев украинским властям, постоянно насаждающим в русском городе свои порядки, не желающим считаться с тем, что этот город не хочет говорить на чуждом ему языке и принимать чуждую ему культуру. На площади Нахимова в Севастополе состоялся самый многочисленный митинг за последние десятки лет, в котором приняли участие более 30 тысяч человек. На митинге был принят следующий текст резолюции:

1. В настоящее время на Украине произошел государственный переворот. Власть захватили украинские националисты, которые немедленно начали репрессии против работников милиции и политических оппонентов.

2. Деятельность Верховной Рады нелегитимна — севастопольцы ее не признают. Чтобы вернуть ситуацию в законодательное поле, мы требуем от депутатов Верховной Рады фракции «Партии регионов» и Коммунистической партии Украины сложить свои полномочия. Свое решение от имени Севастополя довести до регионов Украины и Автономной Республики Крым.

3. Поручить избранному городскому голове незамедлительно приступить к формированию городского исполнительного комитета, отрядов поддержки охраны правопорядка и создание муниципальной милиции в целях обеспечения нормальной жизнедеятельности города.

На митинге городским руководителем был избран Алексей Михайлович Чалый — севастополец, сын советского инженера и офицера, генеральный директор промышленной группы «Таврида Электрик», создатель мемориального комплекса «35-я батарея». А. Чалому было поручено создать исполком городского совета Севастополя. Выступления на митинге сопровождаются скандированием: «Россия! Россия!» На въезде в Севастополь установлены противотанковые ежи.

24 февраля в Севастополе решением депутатов создан исполнительный орган городского совета: Севастопольское городское управление по обеспечению жизнедеятельности города, руководителем которого назначен А.М. Чалый.

Проукраинскими чиновниками городской администрации была предпринята попытка не допустить А.М. Чалого к руководству городом, но попытка была пресечена жителями города. УВД Севастополя объявило, что не будет выполнять преступные приказы Киева. Бандеровский «Правый сектор» объявил о том, что они готовятся сформировать «поезд дружбы» для «зачистки» Крыма и Севастополя.

25 февраля на подъездах к Севастополю введено усиление на блокпостах. Охранные пункты организованы на трассе Инкерман и Ялтинской трассе. Кроме милиции и украинских сотрудников ГАИ, на блокпостах находятся члены народных дружин — обычные горожане, вызвавшиеся защищать город. Они ничем не вооружены. На рукаве у них либо белая повязка с надписью: «Русский блок», либо Георгиевская ленточка. В Севастополе продолжается формирование отрядов народной самообороны. Председатель координаци-

онного совета по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности города Алексей Чалый сообщил собравшимся около здания СГГА горожанам о том, что в городе в ближайшее время будет создан антитеррористический центр. «Перед лицом реальной угрозы принято решение о создании антитеррористического центра, объединяющего и координирующего деятельность отрядов самообороны», — сообщил Алексей Чалый. В городах России прошли массовые митинги в поддержку Крыма и Севастополя.

26 февраля 2014 года в Севастополе состоялась встреча депутата Государственной Думы России, председателя политической партии «Родина» А.А. Журавлева и председателя координационного совета Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности Севастополя А.М. Чалого. Обсуждались вопросы сотрудничества между Севастополем и регионами Российской Федерации. Киевские путчисты так и не решились использовать для захвата власти в Крыму и Севастополе армию, не будучи уверенными в ее лояльности. На сайте «Альтернатива» опубликовано сообщение: «Судьба Украины решается в Киеве на Майдане. Сейчас судьба Украины решается в Севастополе. Если в ближайшие дни Крым официально выйдет из подчинения Киева, уже через несколько недель может «посыпаться» весь юго-восток, а к концу этого года, не исключено, от Украины останется «обмылок» из десятка областей. Фактически сейчас все желающие выступить против государственного переворота и нацистской власти в Киеве могут ехать в Севастополь. Если освобождение страны от нацистов и начнётся, то только оттуда». На площади Нахимова состоялся 15-тысячный митинг, в котором приняла участие российская певица Вика Цыганова.

27 февраля спущен украинский флаг со здания горсовета Севастополя. Координационный совет под руководством А.М. Чалого полностью контролирует экономическую ситуацию в Севастополе. В Севастополь прибыла делегация Совета Федерации России. «Мы сейчас находимся в Севастополе и видим невероятный накал страстей. Население города готовится к самообороне против боевиков «Правого сектора», — заявил НСН член комитета Совета Федерации по международным делам И. Морозов. — На въезде в город сделаны блокпосты, которые охраняют народные дружины. Полиция в городе выполняет свои функции, но тут очень много добровольцев-дружинников. Они готовятся защищать свой город, как они говорят, от «пришельцев зоны Бендеры». Мне кажется, что это очень опасные настроения, подогреваемые кем-то из центральной части Украины», — говорит сенатор. В Севастополь прибыла большая делегация депутатов Государственной Думы России. Среди них Н. Валуев, И. Роднина, В. Терешкова и другие. Их восторженно встретили жители города. Севастопольские ветераны-афганцы, оставаясь патриотами города, верными своему народу, объединились в подразделение по обеспечению защиты Севастополя. «Афганское» подраз-

деление объявило, что будет выполнять свои функции до восстановления конституционного порядка.

В ночь с 27 на 28 февраля севастопольские отряды самообороны на одном из блокпостов пресекли попытку ввоза в город взрывчатого вещества мощностью четыреста килограммов в тротиловом эквиваленте.

1 марта городской совет Севастополя официально отказался подчиняться киевским властям. Состоялось внеочередное заседание сессии Севастопольского городского совета. Депутаты передали полномочия исполнительной власти координационному совету по созданию управления по обеспечению жизнедеятельности Севастополя, который возглавляет А. Чалый. Кроме этого, депутаты вынесли решение о том, чтобы присоединиться к крымскому референдуму. Милиция Севастополя окончательно перешла на сторону народа. В Севастополе состоялся митинг солидарности с городами юго-востока Украины. Корабли береговой охраны Украины в спешке покинули Севастополь. Лидер пробендеровской партии «Удар» Кличко из Киева потребовал расторгнуть соглашение о пребывании Черноморского флота России на территории полуострова.

2 марта в Севастополь прибыла одна из святынь Великой Руси нынешнего времени — мироточивая икона Божией Матери Семистрельная, имеющая ещё одно название — «Умягчение злых сердец». Встречать чудотворный образ на площадь Нахимова вышли тысячи севастопольцев. Молебен перед иконой в сослужении духовенства совершил благочинный севастопольского округа протоиерей Сергий Халюта. Икону в город Севастополь привезла российская делегация. В пути прямо в самолете чудотворный образ вновь обильно замироточил. Состоялось обращение Инкерманского Свято-Климентовского мужского монастыря к жителям Севастополя, в котором монахи призвали севастопольцев стоять до конца, обещая им свою духовную поддержку. Командующий украинскими ВМС контр-адмирал Березовский принял присягу на верность жителям Крыма и Севастополя.

3 марта в Севастополе создана городская прокуратура.

4 марта на заседании Правительства Москвы С. Собянин распорядился выработать предложения по поддержке Севастополя. Он перечислил направления, по которым может быть оказана помощь. Это социальная поддержка, образование, здравоохранение, ЖКХ, финансовая поддержка. Мэр отметил, что и ранее Москва оказывала Севастополю прямую социальную поддержку. В частности, сейчас сотрудничество ведется в транспортной и культурной сферах. В ближайшее время будет подготовлен нормативный акт о новых мерах помощи. В Волгограде на Мамаевом кургане прошел митинг в поддержку жителей города-побратима Севастополя.

6 марта депутаты Севастопольского городского совета на внеочередной сессии приняли историческое решение:

1. Городу Севастополю войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта Российской Федерации.

2. Поддержать решение Верховного Совета Автономной Республики Крым о проведении общекрымского референдума и принять участие в проведении общекрымского референдума 16 марта 2014 года.

7 марта над зданием бывшего СБУ в Севастополе установлен российский флаг. Более 65 тысяч человек приняли участие в митинге-концерте в поддержку Крыма в Москве.

9 марта объявлено, что городская администрация Севастополя переводит все делопроизводство на русский язык. На центральной площади города Севастополя прошла акция «Российский флаг». Флешмоб под лозунгом «Сделай правильный выбор!» собрал около тысячи жителей, которые изобразили российский триколор на площади Нахимова. Севастопольцы поднимали белые, синие и красные листки над головой. Они пели гимн города и скандировали: «Севастополь, Крым, Россия!» Мэр Москвы С. Собянин заявил, что Москва окажет посильную помощь населению Севастополя и Крыма. Районным депутатам поручено представить в совет территориальных органов власти свои предложения по поддержке братского народа. Ранее Сергей Собянин поручил правительству столицы проработать вопросы оказания помощи жителям крымской автономии и города русской воинской славы. В частности, мэр столицы предложил увеличить размер выплат ветеранам, проживающим в Севастополе, которые ежегодно ко Дню Победы получают материальную помощь от московских властей.

10 марта в Киеве официально признали, что больше не могут контролировать Севастополь. Блокпосты на подступах к Севастополю переведены на усиленный режим работы.

11 марта состоялся телефонный разговор между председателем координационного совета по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности города А. Чалым и мэром Москвы С. Собяниным. Руководители городов обсудили ситуацию, складывающуюся в Крыму и Севастополе, и первоочередные экономические вопросы, а также запланировали личную встречу для утверждения совместного плана действий по развитию Севастополя. Достигнута договоренность о том, что Москва и Севастополь подпишут новое соглашение о сотрудничестве. «Отношения между городами выйдут на новый уровень», — заявил С. Собянин. Мэр Москвы сообщил, что на заседании правительства российской столицы 11 марта принято Постановление об оказании поддержки Севастополю в сфере городского хозяйства, транспорта, образования, здравоохранения, культуры и социального обеспечения. Московские власти направят в качестве гуманитарной помощи Севастополю 30 единиц городского транспорта, 15 единиц коммунальной техники, специальный транспорт по линии социальной защиты населения, оборудование и средства ухода за пожилыми людьми и инвалидами, 20 тонн медикаментов, а также 30 комплектов для компьютерных классов в школах. Кроме того, принято решение об оказании единовременной материальной помощи

ветеранам-севастопольцам в размере 5 тысяч рублей на человека. А. Чалый обратился с просьбой выделить для больниц города современное медицинское оборудование. Мэр Москвы дал поручение включить в состав гуманитарного груза 113 наименований (это около 500 — 600 единиц) современной медицинской техники.

17 марта

Окончательные результаты референдума в Севастополе утверждены. За воссоединение с Россией проголосовали 95,6% избирателей. Севастопольский горсовет переименован в Законодательное собрание города-героя Севастополя. В полдень над зданием Севастопольской городской администрации был поднят государственный флаг Российской Федерации. Общественная организация «Революционный комитет «Севастополь — Крым — Россия» учредила медаль «За освобождение Крыма и Севастополя». На лицевой стороне медали изображена летящая над Крымом богиня победы Ника с лавровым венком в руках. На обратной стороне надпись: «За освобождение Крыма и Севастополя». Носиться медаль будет на Георгиевской ленте.

На внеочередном пленарном заседании Севастопольского городского совета депутатский корпус единогласно проголосовал за решение о статусе города-героя Севастополя: «Исходя из прямого волеизъявления народов Крыма на референдуме 16 марта 2014 года, которое показало, что народы Крыма высказались за вхождение в состав России и, следовательно, за выход из состава Украины, руководствуясь Декларацией о независимости Республики Крым, принятой на внеочередном пленарном заседании АРК 11 марта 2014 года и внеочередном пленарном заседании Севастопольского городского совета 11 марта 2014 года, Севастопольский городской совет решил:

1. Поддержать Верховный Совет Крыма в решении о провозглашении АРК независимым государством, в котором город-герой Севастополь имеет особый статус. Обратиться ко всем государствам мира с призывом признать независимое государство, созданное народами Крыма.

2. Со дня вступления в силу настоящего решения на территории города Севастополя не применяется законодательство Украины, не исполняются решения ВР Украины и иных государственных органов Украины, принятые после 21 февраля 2014 года. Законодательство Украины, кроме указанного п. 1 настоящего решения, применяется на территории Севастополя до принятия соответствующих нормативных актов города Севастополя.

3. Деятельность государственных органов на территории города Севастополя прекращается. Их полномочия, имущество и денежные средства переходят к органам, определенным Севастопольским городским советом.

4. В целях защиты прав и свобод граждан, субъектов экономической деятельности, суды на территории Севастополя продолжают функционировать. При этом их решения, касающиеся применения законодательства Украины

на территории города Севастополя, не должны противоречить настоящему решению. Высшими судебными органами на территории Крыма являются действующие апелляционные суды, находящиеся на территории Республики Крым и города Севастополя.

5. Все учреждения, предприятия, иные организации, учрежденные Украиной или с её участием, на территории города Севастополя становятся учреждениями, предприятиями и иными организациями, учрежденными городом Севастополем.

6. Государственная собственность Украины, находящаяся до принятия настоящего Решения на территории города-героя Севастополя, является собственностью города Севастополя.

7. Город Севастополь в лице Севастопольского городского совета обращается к Российской Федерации с предложением о принятии города Севастополя в состав РФ в качестве субъекта РФ со статусом города федерального значения.

8. Настоящее решение вступает в силу со дня его принятия» — гласит текст исторического решения городского совета Севастополя.

18 марта

В Кремле подписан договор о вхождении Крыма и Севастополя в состав России на правах двух субъектов Федерации — республики и города федерального значения. Этому предшествовало выступление Владимира Путина по итогам общекрымского референдума и обращения властей полуострова к Москве.

Президент России назвал решение, которое с учётом совокупности внутренних и внешних факторов принимает Россия, трудным. По его словам, Россия не хочет раздела Украины, Россия хочет с ней дружить, хочет, чтобы туда пришли мир и согласие. Но сейчас разговаривать в Киеве, уверен Путин, не с кем. Он убеждён, что там нет легитимной власти. Не отреагировать на просьбу крымчан в Москве, по словам Путина, не могли — как он выразился, «это было бы предательством».

В Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца депутаты Госдумы, члены Совета Федерации, министры и губернаторы. На первых рядах представители Крыма и Севастополя. Зал приветствовал их стоя.

Владимир Путин заявил, что референдум в Крыму прошел в полном соответствии с международными правовыми нормами. В голосовании приняло участие более 82% избирателей, более 96% высказалось за воссоединение с Россией. Цифры предельно убедительные.

Из выступления Владимира Путина: «Чтобы понять, почему был сделан именно такой выбор, достаточно знать историю Крыма, знать, что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России. В Крыму буквально всё пронизано нашей общей историей и гордостью. В Крыму — могилы русских солдат,

мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым — это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и родина русского Черноморского военного флота. Крым — это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести».

В.В. Путин напомнил, что, когда в 1954 году Крым передали Советской Украине, крымчан никто не спрашивал. Но это была формальность. Все жили в большой стране. Но в 1991 году Крым оказался в составе независимого государства — Украины.

Из выступления Владимира Путина: «И когда Крым вдруг оказался уже в другом государстве, вот тогда уже Россия почувствовала, что её даже не просто обокрали, а ограбили. Вместе с тем надо тоже откровенно признать, что и сама Россия, запустив парад суверенитетов, способствовала развалу Советского Союза, а при оформлении распада СССР забыли и про Крым, и про главную базу Черноморского флота — Севастополь. Миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись за границей, в одночасье оказались национальными меньшинствами в бывших союзных республиках, а русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделённым народом в мире. Сегодня, спустя уже много лет, я слышал, как крымчане, совсем недавно, говорят, что тогда, в 1991 году, их передали из рук в руки просто как мешок картошки. Трудно с этим не согласиться».

В 90-х у России просто не было возможности защитить соотечественников за рубежом. В Москве рассчитывали, что Украина станет добрым соседом. Но этого не произошло.

Из выступления Владимира Путина: «Раз за разом предпринимались попытки лишить русских исторической памяти, а подчас и родного языка, сделать объектом принудительной ассимиляции. И конечно, русские, как и другие граждане Украины, страдали от постоянного политического и государственного перманентного кризиса, который сотрясает Украину уже более 20 лет. Понимаю, почему люди на Украине хотели перемен. За годы «самостийности», независимости власть, что называется, их «достала», опостылела просто».

Из выступления Владимира Путина: «Но те, кто стоял за последними событиями на Украине, преследовали другие цели: они готовили государственный переворот очередной, планировали захватить власть, не останавливаясь ни перед чем. В ход были пущены и террор, и убийства, и погромы. Главными исполнителями переворота стали националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты. Именно они во многом определяют и сегодня ещё до сих пор жизнь на Украине. Ясно и то, что легитимной исполнительной власти на Украине до сих пор нет, разговаривать не с кем. Многие госорганы узурпированы самозванцами, при этом они ничего в стране не контролируют, а сами — хочу это подчеркнуть — часто сами находятся под контролем радикалов. Даже попасть

на приём к некоторым министрам нынешнего правительства можно только с разрешения боевиков Майдана. Это не шутка, это реалия сегодняшней жизни». В условиях мятежа в Киеве всем несогласным с действиями боевиков угрожали репрессии.

Из выступления Владимира Путина: «И первым на очереди был, конечно, Крым, русскоязычный Крым. В связи с этим жители Крыма и Севастополя обратились к России с призывом защитить их права и саму жизнь, не допустить того, что происходило, да и сейчас ещё происходит и в Киеве, и в Донецке, в Харькове, в некоторых других городах Украины. Разумеется, мы не могли не откликнуться на эту просьбу, не могли оставить Крым и его жителей в беде, иначе это было бы просто предательством». Совсем недавно Запад признал независимость края Косово, который объявил независимость от Сербии. Но голос жителей Крыма и Севастополя в Европе и США слышать не хотят.

Из выступления Владимира Путина: «Верховный Совет Крыма сослался на Устав Организации Объединённых Наций, в котором говорится о праве нации на самоопределение. Кстати, и сама Украина, я хочу это напомнить, объявляя о выходе из СССР, сделала то же самое, почти текстуально то же самое. На Украине воспользовались этим правом, а крымчанам в нём отказывают. Почему? Почему-то то, что можно албанцам в Косово (а мы относимся к ним с уважением), запрещается русским, украинцам и крымским татарам в Крыму. Опять возникает вопрос: почему? От тех же Соединенных Штатов и Европы мы слышим, что Косово — это, мол, опять какой-то особый случай. В чём же, по мнению наших коллег, заключается его исключительность? Оказывается, в том, что в ходе конфликта в Косово было много человеческих жертв. Это что — юридически правовой аргумент, что ли? В решении Международного суда по этому поводу вообще ничего не сказано. И потом, знаете, это даже уже не двойные стандарты. Это какой-то удивительный примитивный и прямолинейный цинизм. Нельзя же всё так грубо подвёрстывать под свои интересы, один и тот же предмет сегодня называть белым, а завтра — чёрным».

Путин назвал ситуацию в Крыму и в Севастополе абсолютно аналогичной признанию западными державами независимости Косово, процитировав решение по этому поводу Международного суда ООН. В документе говорится, что «никакого общего запрета на одностороннее провозглашение независимости не вытекает из практики Совета Безопасности». Так что общее международное право не содержит какого-либо применимого запрета на провозглашение независимости.

Президент заявил, что, если бы силы самообороны Крыма и Севастополя вовремя не взяли ситуацию под контроль, в Крыму могли бы быть жертвы.

Из выступления Владимира Путина: «Не верьте тем, кто пугает вас Россией, кричит о том, что за Крымом последуют другие регионы. Мы не хотим раздела Украины, нам этого не нужно. Что касается Крыма, то он был и останется

и русским, и украинским, и крымско-татарским. Повторю, он будет, как и было веками, родным домом для представителей всех живущих там народов. Но он никогда не будет бандеровским!»

Обращаясь к жителям Крыма и Севастополя, президент подчеркнул, что вся Россия восхищалась их мужеством, достоинством и смелостью.

Из выступления В.В. Путина: «Основываясь на результатах референдума, который прошел в Крыму, опираясь на волю народа, вношу в Федеральное Собрание и прошу рассмотреть Конституционный закон о принятии в состав России двух новых субъектов Федерации: Республики Крым и города Севастополя, а также ратифицировать подготовленный для подписания Договор о вхождении Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию. Не сомневаюсь в вашей поддержке!»

Прямо в Георгиевском зале Кремля Владимир Путин, председатель Госсовета Республики Крым Владимир Константинов, премьер-министр республики Сергей Аксенов и мэр Севастополя Алексей Чалый подписали межгосударственный договор о принятии Республики Крым в Российскую Федерацию и образовании в ее составе новых субъектов. Крым и Севастополь недавно объявили о своей независимости, поэтому договор межгосударственный.

Такого в российской истории еще не было. Теперь обе палаты российского парламента должны этот договор ратифицировать. Также президент внес на рассмотрение Совета Федерации проект закона о принятии в состав России двух новых субъектов — Республики Крым и города-героя Севастополя.

Бесконечно долгая и невероятно многообразная жизнь Севастополя вместила в себя практически всю историю мира. Чего только не происходило здесь! Но неизменно из эпохи в эпоху, из века в век прослеживалась неразрывная связь этой земли с Россией. Здесь обитали пращуры наших предков, крестились наши князья и богатыри, отсюда шел свет православия, и здесь рождалась наша азбука, отсюда пришла к нам мудрость и понимание прекрасного, здесь сражались и погибали наши великие герои. Порой может показаться, что столько событий просто невероятно для одного города. Но на самом деле ничего удивительного здесь нет, ибо это не просто город — это Севастополь!

Трижды в течение только трех последних столетий именно Священный город являлся одним из основных форпостов России в ее противоборстве с пытавшейся сокрушить нас Европой.

Так было в 1787 — 1791 годах, когда наше государство было вынуждено вести кровопролитную борьбу сразу на два фронта: на Балтике и на Черном море. Именно Севастополь стал в ту пору олицетворением выдающихся морских побед при Фидониси, Тендере и Керчи. Именно выйдя из Севастополя, флот, предводительствуемый святым Федором Ушаковым в победном сражении при Калиакрии, поставил и победную точку во всей долгой борьбе с алчной Европой.

Так было спустя сто лет в Крымской войне, когда Россия вновь подверглась яростной атаке объединенной против нее Европы. На этот раз Севастополь становится центральным пунктом этого нападения. Именно под его стенами, истекая кровью, вражеские полчища были вынуждены отказаться от своих планов расчленения и уничтожения нашего Отечества. Россия вновь выстояла благодаря своей священной земле!

Очередное нашествие Европы, на этот раз уже фашистской... И опять Севастополь в эпицентре грандиозного сражения за независимость Отечества. Опять ценой своей крови он обеспечивает разгром врага на Волге и Кавказе. Именно с отчаянных рукопашных схваток на Херсонесском мысу начинается трудный, но неотвратимый поворот той Великой Отечественной войны.

В 2014 году именно Севастополь после почти четверти века оккупации первым поднял знамя борьбы с украинским национализмом и первым сбросил с себя вражеские оковы.

...Жизнь не стоит на месте, события вокруг Священного города развиваются стремительно, а потому, когда ты, читатель, будешь читать эти строки, в судьбе Севастополя произойдет немало новых значимых событий. Но уже сегодня ясно, что Севастополь вернулся домой. Он возвращается в Россию! Это возвращение не было легким, впереди севастопольцев тоже ждет еще немало трудностей. Но главное уже сделано. Севастопольцы твердо знают, что, как бы ни был тернист этот путь, они снова с Россией. И это уже навсегда.

Только что история написала очередную главу жизни Священного города, главу его борьбы за право быть русским.

И как знать, может быть, провидение вновь остановило свой выбор на Священном городе, чтобы именно с него начать собирание российских земель, чтобы именно с него началось возрождение нашего Отечества, возрождение нашего самосознания и нашего духа, а потому счастлив народ, имеющий свою священную землю. Счастлив потому, что, обладая этим божественным талисманом, он не может не возродиться. Каждое поколение, уходя, оставляет детям самое сокровенное и дорогое, а потому и мы должны и обязаны сохранить нашим потомкам то, что в свое время было завещано нам — великую святыню России — Севастополь.

Роман КОМАРОВ

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДАР ЕВГЕНИЯ БЕЛЯНКИНА

2 июля 2014 года исполнилось 90 лет со дня рождения русского писателя-фронтовика, нашего земляка Евгения Осиповича Белянкина.

Лучше подарка, чем торжество исторической справедливости — возвращение Крыма в Россию, — на юбилей Е. Белянкина, автора романа «Оборона Севастополя», трудно придумать.

Ровно десять лет назад к своему юбилею писатель получил телеграмму:

«Уважаемый Евгений Осипович!

Поздравляю Вас с 80-летием.

Талантливый и самобытный писатель, фронтовик, Вы создали немало замечательных произведений, которые знают и любят поклонники современной отечественной литературы. Ваше творчество — это попытка всестороннего осмысления прошлого и настоящего России, серьезных проблем, волнующих общество.

Желаю Вам доброго здоровья, вдохновения и успехов. В. Путин».

О Крыме в составе России тогда мечтать еще не приходилось. Разве что грезить, и то с горьким осадком. Серьезно никто и помыслить не мог, что автор телеграммы совсем скоро (по историческим меркам) оправдает чаяния и надежды Евгения Белянкина, у которого на то были свои мотивы.

В 1942 году под Севастополем погиб его старший брат Николай. Сам Евгений в ноябре того же года добровольцем вступил в ряды Красной армии. Правда, на передовую он попал не сразу. Сначала стал курсантом Ульяновского военного училища связи. Затем в Тамбове закончил окружные курсы младших лейтенантов. И только в мае 44-го Евгений Белянкин оказался на фронте.

В автобиографии потом он скупо напишет: «Первый бой принял под Минском в Белоруссии командиром пулеметного взвода.

Е.О. Белянкин. 1940-е гг.

В составе гвардейской дивизии освобождал Польшу, Восточную Пруссию. Штурмовал Кенигсберг. Дважды был ранен, но возвращался на фронт. Награжден орденами Отечественной войны 1 и 2-й степеней, орденом Красной Звезды, медалью «За взятие Кенигсберга» и другими».

Одну из военных фотографий лейтенант Белянкин подпишет: «После выполнения боевого задания мои солдаты, верные боевые друзья. Июль 1944 года. Лен. фронт». И припишет: «В это время взят пленный у р. Нарвы».

А спустя 60 лет в романе «Кенигсбергская рапсодия» писатель создаст автобиографический образ командира пулеметного взвода Павла Вашенцева:

«В Мазурских болотах немцы остервенело сопротивлялись. Бросали части СС в психическую атаку. Не жалели танки, не жалели авиацию.

Однажды пулеметный взвод Вашенцева поддерживал штрафную роту.

Пьяные эсэсовцы шли на них почти в рост. А в небе шел воздушный бой. Все взрывалось и гудело.

Неожиданно один из пулеметов затих. Павел бросился к нему, оттащил убитого пулеметчика. В душе все горело — Павел сам встал за пулемет... Он не помнил, как закончился бой, пришел в себя, когда связной Ванюшка, тряся за плечи, в непривычной тишине ему кричал:

— Товарищ лейтенант, вас срочно... срочно к телефону».

Это будет лишь завязка романа. Белянкин скромно умолчит, что именно в том бою его впервые ранило, первый раз — в ноги, второй раз — в шею. Пули настигли его на подступах к Кенигсбергу, когда он разведывал местность. А было ему тогда всего двадцать лет. Тогда он и дал слово: «Останусь жив — напишу роман». Писатель Е. Белянкин слово сдержал. Написал грандиозный роман, который стал главным итогом всей его жизни. С лаконичным посвящением: «Памяти брата Николая, погибшего под Севастополем». На книгу ушло 40 лет работы. По крупицам писатель собирал материал, каждый год ездил в город русской воинской славы... За долгую литературную жизнь у Белянкина не раз менялись интересы, но «Оборона Севастополя» прошла через его биографию сквозной темой.

За этот роман-эпопею писатель был удостоен литературной премии «Золотой венец границы». В Пензенской области родился и вырос один из главных героев книги — маршал Крылов. В газете «Пензенская правда» будет опубли-

кована рецензия, в которой отметят: «Книга Евгения Белянкина стала настоящим событием. Рассекреченные недавно документы, биографии, воспоминания, малоизвестные факты — всё это впервые собрано в одно целое, легло в основу книги, которая по праву может быть поставлена в один ряд с военно-историческими произведениями Льва Толстого и Сергеева-Ценского».

Такие оценки дорогого стоят. Как и слова адмирала И. Касатонова: «Благодарю за личный вклад в дело становления государственности великой России».

Доброе искреннее слово порой важнее любых наград. Может, поэтому собранные в коробку ордена и медали Евгения Белянкина так и не найдут себе места на его груди. Разве что совсем изредка, в исключительных случаях — 9 мая. Хотя до конца жизни он не пропустит ни одного парада. Следы наград и их ощущение сохранит лишь выносливая гимнастерка, тоскливо зияя дырявыми отметинами. Она до сих пор висит в старом шкафу в родовом доме Белянкиных на его малой родине. В своей автобиографии он напишет: «Я родился 2 июля 1924 года в селе Зубрилово Балашовского уезда (теперь Тамалинский район Пензенской области). Детство прошло в городе Ртищево, куда меня увезли ребенком. В четырнадцать лет вернулся в родные места. Красивое поэтическое село над Хопром, связанное с Державиным, Крыловым, Борисовым-Мусатовым, конечно, вызывало у меня немало художественных ассоциаций. Писать стал рано». Действительно, в живописном селе Зубрилово прошло его отрочество. Отсюда, из дома на Майской улице, уходил он на фронт. Сюда он вернулся живой с победой. Здесь в периоды, когда не писалось, черпал он вдохновение. Сюда каждый год возвращался: тянуло к родне, которая постепенно таяла…

Сейчас рядом с родовым домом писателя стоит, возвышаясь в человеческий рост, памятник — огромная глыба, вырванная из скалы. На ней два слова: «Евгению Белянкину». Она как символ громадной судьбы и личности. С ней теперь стойко ассоциируется Вислый камень — «герой» одноименного романа, первого крупного произведения Белянкина. Это был его литературный дебют в 1958 году, за который он получил высокую оценку самого Шолохова. Приведем отрывок из романа: «Заболачивал местность Вислый камень, загораживал нам вид на широкий простор Хопра, не давал проехать по-человечески… Чего греха таить, мешал… жить, работать, вперед двигаться. А теперь посмотри — какая ширь! Как хотите, не могу не выпить этой водицы… По справедливости, вода целебная. С какой силой бьет, как всё поворачивает!»

Сам Вислый камень до сих пор сохранился. Сполз к воде, зарос, но по-прежнему цел. Иногда появляется мысль его вытащить, привести в порядок. Не покидает и другая надежда: может быть, дом на Майской улице превратится в музей, а сама она возьмет себе фамилию Белянкина.

Для многих будет открытием, что родительский дом семейства Белянкиных, где в семи железных шкафах в человеческий рост хранится сейчас весь рукописный фонд, оставшийся от писателя, таит в себе страшный секрет (страшный прежде всего для филологов). Известно, что именно Евгений Оси-

пович одним из первых стоял у истоков творческой судьбы Василия Шукшина. После скандала с распределением того на Свердловскую студию кинохроники, куда Василий, разумеется, не поехал, был период, когда неприкаянный, без прописки, оставшись один на один с Москвой, он шатался по друзьям и приятелям, в том числе жил у Е. Белянкина в квартире, рядом со станцией метро «Аэропорт». Спать Вася любил на полу — так привычнее. По утрам получал от Белянкина «прожиточный минимум» на день. Собрата по перу надо выручать. Вечерами под творческим надзором старшего друга Василий писал литературные зарисовки. Вместе потом редактировали. Белянкин требовал, чтобы Вася поменьше «тащил чернуху», писать сильно можно и без натурализма.

Как так вышло, что их свела судьба? Очень просто: за Шукшина попросили. Это был уговор — с Ольгой Михайловной Румянцевой, женщиной удивительной. Она в Васе души не чаяла, а он Ольгу Михайловну называл второй мамой.

Уговор был такой: Румянцева натаскивает Васю по русскому и литературе, с которыми он не шибко дружил, а за Женькой — творческая кухня. «Парень ведь одаренный. Расписать Васю только малость», — просила Румянцева. Так на свет появлялись шукшинские рассказы: «Срезал», «Светлые души», «Степкина любовь».

Спустя годы при встрече Шукшин каждый раз обещался Белянкину по «Вислому камню» снять фильм: «Обязательно сниму, помяни мое слово!» Однако обещание свое не сдержал… Однажды Евгений собрал все шукшинские черновики и рукописи, которые остались у него на квартире, и вывез в Зубрилово. Отдал сестре с просьбой: «Сохрани». Та убрала рукописи в ящик. Как знать, потом, может, сгодятся в растопку. «И что с ними стало?» — всегда повисал вопрос у всех, кто впервые слышал эту историю. «Что? Что? — защищался Белянкин, а в голосе проскальзывала досада. — Кто же мог представить, что он будет Шукшин. Вася и Вася. Съели его рукописи. Мыши».

С голодухи мыши жрали всё подряд. Про рукописи долго никто не вспоминал. Когда же их спохватились, полезли в ящик, они просыпались в руки трухой.

Схожая судьба оказалась и у первых мальчишеских проб пера Е. Белянкина. Хотя уже в них проявился его дар, которым он обязан живописным родным местам. Хопер здесь, в зубриловской округе, причудливо извилист: то аскетично бледен и худ; то, будто делая вдох, расправляет плечи и соблазняет течением. Среди его изгибов есть такие места, где, переплыв на другой берег, сразу теряешься: только что был в Пензенской области, и вдруг тебе на — уже топчешь и мочишь пески саратовских земель. Вода в Хопре — «бальзам-нарзан» (любимая присказка Евгенича, из уст его она частила). Ради нее каждый год просвещенные узники городов, разрывая рабские цепи, идут на бунт и подаются в бега от своих хозяев за сотни километров. Таким образом, Хопер одновременно и разделяет, проводит границу, и, словно нитью, скрепляет, сшивает разрозненные лоскуты областей в единое полотно родины.

Так же и проза Белянкина. Она, как Хопер, сшивает и плетет. Талантливый ученик, издатель, боксер, главный редактор журнала «Oilmarket» Дмитрий Мо-

сиенко в 2011 году вспоминал: «Помню, как поразила меня когда-то записочка, стоявшая на рабочем столе Евгения Осиповича. Это было краткое рукописное напоминание самому себе: «Вязать нити — ткать полотно романа». В этой строчке, как весь мир в капле чистой воды, отражалось творческое кредо Евгения Осиповича. Плести полотно романа, плести из красивых и крепких нитей. Отсюда большое внимание писателя к первозданной красоте русского языка, его зычной мелодии, ритмичной силе. Из этой драгоценной нити он сплетал не только сюжетные линии и характеры героев романов, но и творческие способности мальчишек, с которыми занимался в студии наш наставник». Строки этих воспоминаний вошли в сборник «IV литературные чтения имени Евгения Белянкина». Начиная с 2008 года стало традицией ежегодно проводить их в селе Зубрилово. Они собирают писателей и поэтов разных мастей, начинающих и опытных, музыкантов, просто интересующихся, а также учеников писателя — состоявшихся журналистов, ученых, представителей других творческих профессий. Каждое второе воскресенье июля зубриловский клуб оживает. На входе звучат, зазывая, задорные русские песни от «Тамалинских сударушек». Красочные, в народных костюмах, они, «Сударушки», — душа чтений. Без них эти чтения просто невозможно представить. Как гармониста лишить гармоники. Может быть, потому, что в рядах «Сударушек» давний творческий друг Белянкина — поэтесса Инна Федосеева. Немало тамалинских песен написано именно на ее стихи. В том числе и «Белянкинский вальс». В зале встречает портрет Белянкина на белой растяжке в виде почтового конверта. Взгляд озабоченный, проницательно-мудрый, будто сквозь время он смог подглядеть, что стало с его малой родиной. Нет больше гордости: на усадьбу князей Голицыных смотреть страшно, четырехэтажную мельницу-кормилицу тоже растащили до основания, позабыли дорогу к Вислому камню. Тревожно смотрит Белянкин, задумчиво. Но белый цвет, делая в зале ярче, как бы символизирует: времена меняются, однако не все так плохо. Остается тяга к творчеству. И все, кто будет сейчас выходить на сцену, кто напечатан в сборнике, приуроченном к чтениям, тому живое доказательство. Главное, верить. Человеку — всякому — нужна вера. Евгений Белянкин искренне, преданно верил в талант и волю. И не только верил. Но и изучал их. И развивал. В себе и в своих подопечных. Он был потрясающий, глубоко проницательный психолог, что позволяло ему свою литературную деятельность активно и крайне продуктивно совмещать с деятельностью наставнической. Более того, они взаимообогащали друг друга. Отнюдь не всякий, кто обладает талантом, готов и способен развить талант в другом. Евгений Осипович и мог, и хотел. Результатом его научно-практических изысканий стала книга «Как стать талантливым». Популярно написанная, она — кладезь новых идей и подходов для психологии творчества. Альтруист Белянкин досадовал: «Помню, как я сам пробивался в творчество, старался найти себя. Слышал, что, мол, талант не пропадет — «талант сам пробьется». Теперь-то я знаю, насколько обманчив этот миф... На моих глазах не реализо-

вались многие одаренные люди... Общество теряет таланты. А их много. Они рядом. В большинстве они даже не ведают о том, что в определенных условиях могли бы стать творческими личностями... многие молодые люди, способные к творчеству, теряют себя и свою судьбу. Подобно углю-антрациту или высококачественной нефти, зарытой глубоко в землю, их одаренность в глаза не бросается и из-за этой внешней неброскости бывает малоприметна... Вот тут-то и нужен острый, внимательный глаз, чаще всего глаз специалиста, энтузиаста, подвижника, чтобы угадать в человеке эту золотоносную жилу».

Евгений Белянкин часто и много угадывал. Сначала, когда вел творческую студию в Чеховской библиотеке, потом — студию журналистики и творческого развития в Московском суворовском училище. Плодом работы последней стала созданная совместно со студийцами подарочная книга «Юность в алых погонах».

Евгений Белянкин в своей творческой лаборатории сумел добиться парадокса: «штучное производство» талантов он поставил «на конвейер» без потери качества. Порукой процессу служила непрекращающаяся работа настойчивой творческой доминанты, которая ежечасно, ежеминутно оттачивала в его сознании творческие законы. Вот, например, один из них: «И воля случая, и собственная воля». Понятно, что поворот к нему взялся неспроста. Из общей психологии известно, что воля — хребет характера. С войны Белянкин этим мужским качествам знал цену не понаслышке. Видел, как без характера бойцы давали слабину; без воли уже в мирное время на его глазах гибли таланты, бездарно себя растрачивая в выпивке и тусовке.

Отсюда и мысль применительно к психологии творчества, которую Белянкин возвел в статус закона: «Талант, не обеспеченный характером, погибает». Воля нужна, чтобы строить судьбу, противостоять бытовухе и обстоятельствам, не дать себя сломить. Врагу не дали; нельзя человеку позволить стать врагом себе самому. «Человек, конечно, кузнец собственного счастья, — учил Белянкин. — Но сначала надо стать кузнецом».

Для этого важно не упустить момент («и воля случая»). Если человек одаренный, по жизни его обычно ведет чувство пути. Не всегда осознанно. Он просто чувствует — на уровне интуиции — чт**о** надо сделать, к**а**к следует поступить. Почему, зачем именно так — позже станет ясно. Поступить так, окажется, было важно ради таланта — его сохранения и развития. У ребят со скрытой одаренностью чувство пути надо систематически развивать. Самому трудно. Лучше под надзором опытного творческого наставника, каким и был Белянкин.

Первый сознательный яркий всплеск собственного чувства пути у него произошел опять же на фронте. Помнится, Экзюпери в «Военном летчике» говорил: «человек — это всего лишь узел отношений». Один из таких судьбоносных узлов завязался у молодого Евгения с военным журналистом Ханафом Маннаповым. В один миг Белянкин просто понял, что потерять этого человека, творческую связь с ним он не может, не имеет права, иначе произойдет в жизни что-то непоправимое. Связь их, действительно, не утратится. Ханаф станет

Белянкину творческим наставником. Чем сможет, даже после смерти Маннапова, Белянкин будет поддерживать его семью: детей и внуков, которым дядя Женя всегда был родным.

О «творческой кухне» писателя Белянкина можно рассказывать бесконечно. Это тема отдельная, большая. Чего только стоил один процесс «клонирования», когда вокруг рабочего стола собирались ученики и во главе с наставником по очереди вычитывали вновь написанные странички создаваемых по утрам романов. С учетом взглядов Белянкина на чувство пути в Московском институте психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО МГПУ разработана целая теория одаренности. Вообще, вклад Белянкина в психологию творческого развития требует отдельной книги. И даже если ей не суждено увидеть свет, все равно у нее уже есть название — «Психология наставничества». Таков был уговор. Давно. На одном из пляжей Крыма, на любимой Белянкиным бетонной «Хрусталке» посредине Севастополя, который «после долгого плавания наконец вернулся в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки».

Основные литературные труды Евгения Белянкина

1958 г. — «Вислый камень»
1960 г. — «Садыя»
1964 г. — «Женщина с историей»
1969 г. — «Генерал коммуны»
1977 г. — «Застава»
1981 г. — «Пограничная вахта»
1984 г. — «Девятый вал»
1989 г. — «Схватка у Красных камней»
1995 г. — «Короли преступного мира»
1995 г. — «Империя контрабандистов»
1996 г. — «Киллеры и соблазнительница мужчин»
1996 г. — «Русские гангстеры»
1996 г. — «Оборона Севастополя». Часть 1
1999 г. — «Как стать талантливым»
2000 г. — «Танец любви»
2001 г. — «Блудный старец Гришка Распутин»
2001 г. — «Тайная свадьба императора»
2001 г. — «Похождения Лучезара»
2003 г. — «Сексуальные войны»
2003 г. — «Интимная жизнь элиты»
2004 г. — «Оборона Севастополя»
2005 г. — «Судьба и любовь Коко Шанель»
2005 г. — «Кенигсбергская рапсодия» (не издано)
2006 г. — «Рудольф» (не окончен)

Анатолий САДЧИКОВ

МУРАВЬИ-НАРКОМАНЫ

Стать наркоманом можно достаточно быстро, а вот выйти из этого состояния, «соскочить с иглы» — требуются годы упорного лечения. Наркомания является страшным бедствием человеческого общества. Она приводит к полной деградации человека. Мы чаще всего снисходительно относимся к этой проблеме, предполагая, что она находится где-то очень далеко и нас не касается. Это как боевые действия где-то на другом континенте, до которых нам нет дела.

Наркотики обладают коварным свойством — организм к ним быстро привыкает и постоянно требует увеличивающиеся дозы, чтобы обеспечить необходимый эффект. Отсутствие наркотика приводит к «ломке», крайне болезненному состоянию организма.

Почему люди становятся наркоманами? Чаще всего по глупости, из любопытства, за компанию. Наркотики расслабляют, слабых делают сильными, веселыми, остроумными. Но надо знать: наркомания — это болезнь, и чрезвычайно трудно излечимая.

Наркомания — это физиологическая зависимость, которая осуществляется на биохимическом уровне, когда «расстраиваются» не просто органы, а биологические молекулы. Собрать их вновь в «единую правильную кучку» крайне сложно.

Кто-то утверждает, что есть «легкие», слабые наркотики, которые не опасны для здоровья. Это — большое заблуждение. Люди, употребляющие слабые наркотики, «травку», чаще всего переходят на сильно действующие наркотические средства.

Человеку кажется, что у него хватит силы воли, чтобы отказаться от наркотика. Однако не надо обольщаться. Если кто-то и «соскакивает с иглы», это единицы, тогда как подавляющая часть наркоманов умирает в молодом возрасте (это статистика).

* * *

Мы хотим на примере жизни муравейника показать, что может произойти с обществом, если люди, государство не будут уделять должного внимания борьбе с наркоманией (http://top.oprf.ru/blogs/325/7795.html.). Конечно, нельзя сравнивать человека с муравьем, а человеческое общество — с муравьиной семьей, но аналогия настолько видна невооруженным глазом, что такое сравнение само напрашивается. Главное — это конечный результат, финал всего этого действа. В человеческом обществе есть наркодельцы драгдилеры — организаторы распространения наркотиков. Аналогичное наблюдается и в муравейнике. И там, и там имеются потребители этого «зелья», и что их связывает — это печальный конечный результат.

* * *

Чтобы понять, почему у муравьев наблюдается пристрастие к наркотику и как муравьи становятся наркоманами, расскажем немного об их биологии и жизни.

В настоящее время в мире известно около 6 тыс. видов муравьев (по другим сведениям, в два раза больше). В России обитает примерно 125 видов, из них самый обычный — рыжий лесной муравей (*Formica rufa*). Он населяет лесную зону умеренного пояса северной Евразии.

Муравьи этого вида обитают в муравейниках куполообразной формы, высотой до 1 — 2 метров и диаметром до 2 м. Каждое гнездо состоит из двух частей — надземной и подземной. Надземная часть гнезда состоит из 10-сантиметрового слоя хвоинок, кусочков коры и иных растительных остатков. На поверхности кучи имеются отверстия, ведущие во внутреннюю часть гнезда. Верхний слой гнездового материала постоянно перемешивается обитателями муравейника, вентилируется, чтобы не начинал гнить. Когда муравейник по какой-то причине погибает, надземная часть муравейника быстро превращается в труху. Это так же, как деревянный или саманный дом. Стоит немного запустить его, и дом сразу же начинает разрушаться.

Немного глубже находится гнилой пень или крупные ветки, на которые навалена вся эта ветошь купола. Подземная часть муравейника состоит из внутренних помещений, занимающих более или менее глубокие слои почвы и представляющих систему галерей и камер в несколько этажей. Они соединены между собой ходами, пронизывающими весь муравейник. Под куполом расположены камеры, в которых хранятся яйца, личинки и куколки. Муравьи их постоянно перетаскивают из одной камеры в другую, из нижнего этажа в верхний, в зависимости от изменения температуры и влажности среды. Под землей на глубине до 1,5 метра находятся сообщающиеся между собой камеры, в одной из которых живет матка, откладывающая яйца (она же — царица, самка).

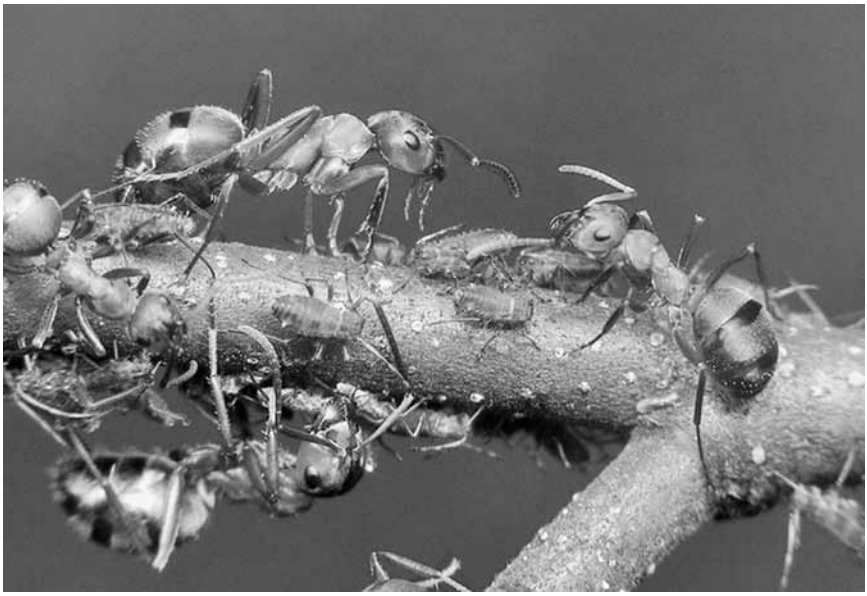
Обитатели муравейника — это большая семья, представляющая собой высокоорганизованное сообщество, состоящее из рабочих муравьев (размер 4 — 9 мм), матки длиной 9 — 11 мм с толстым брюшком и самцов. В больших муравейниках живут по несколько десятков тысяч рабочих муравьев. Это недоразвитые самки, выполняющие все работы по муравейнику. Они вооружены сильными челюстями (мандибулами), которые используют для переноса пищи, строительного материала или защиты муравейника.

Рабочие муравьи добывают пищу, приносят строительный материал, занимаются всеми работами по дому, ухаживают за личинками и куколками. В задачу рабочих муравьев также входит обслуживание матки, которую кормят, чистят, уносят отложенные ею яйца. В случае проникновения в муравейник муравьев других видов или чужаков рабочие муравьи защищают гнездо не жалея жизни. Для этого они используют сильные челюсти и едкую жидкость (муравьиную кислоту), которую разбрызгивают на расстояние несколько сантиметров. Это можно легко проверить: поднесем травинку в кучу муравьев, а потом попробуем на язык — травинка будет кислой на вкус.

В муравейнике живет одна репродуктивная матка, которая находится в глубине гнезда и занята исключительно откладкой яиц. Ее оплодотворение осуществляется во время брачного лёта, когда муравьи тучами вьются в воздухе. Самцы появляются в муравейнике незадолго до брачного лёта и вскоре после спаривания погибают. У самок и самцов в этот период имеются крылья, необходимые для участия в брачном полете. Оплодотворенная самка либо основывает новую семью, либо остается в своем муравейнике. Крылья у нее отпадают сами, или же самка откусывает их. Самка спаривается только один раз, сперму расходует постепенно на протяжении всей своей жизни. Самка живет до 12 — 20 лет в зависимости от вида. Рабочие муравьи живут от 1 до 3 лет (по другим сведениям, немного больше). Самки и самцы не участвуют в добывании корма, а получают пищу от рабочих муравьев.

У муравьев основными органами чувств являются обоняние и осязание. Эти функции выполняют усики. Ими муравьи ощупывают и обнюхивают предметы, определяя их съедобность, отличают по запаху своих муравьев от чужих. При помощи усиков муравьи находят дорогу домой по пахучим следам, оставленным ими на тропинках. Встречаясь друг с другом, они соприкасаются усиками и обмениваются информацией. Если встречается сытый муравей с голодным из своего гнезда, он после взаимного контакта усиками отрыгивает капельку пищи, которую голодный слизывает.

Муравьи являются хищниками, однако белковая пища составляет немногим более 30% массы съеденной за год пищи. Насекомыми муравьи кормят в основном личинок и матку, которым белковая пища необходима для роста и образования яиц. Около 60% пищи приходится на сладкие выделения тлей (падь), 5% — это сок растений, остальное — грибы и семена.



Для получения сладкого сока (углеводная пища) муравьи приспособились использовать в качестве «дойных коров» тлей. Они их пасут на растениях, защищают от хищников, оберегают от непогоды. По первому требованию тля выделяет им излишки нектара. Для этого муравьи похлопывают и поглаживают спинку тли усиками, а те приподнимают заднюю часть туловища и выделяют капельку сладкой жидкости, которую слизывают муравьи. Другими «породами» муравьиного скота являются листоблошки, цикады, гусеницы бабочек, кокциды (червецы и щитовки), многие из которых являются злостными вредителями растений, в том числе и культурных. Таким своеобразным «скотоводством» муравьи занимаются более 25 миллионов лет. Это доказали палеонтологи по находкам этих насекомых в окаменевшей смоле растений — янтаре. Муравьи часто поедают не только выделения насекомых, но и их самих. Почти так же, как и люди используют крупный рогатый скот. Осенью они собирают покоящиеся яйца тлей и хранят в муравейнике, а весной выносят на растения. Эти насекомые относятся к группе, которых муравьи сами поселяют в своем жилище. Более подробно об этом можно прочитать на сайте Московского общества испытателей природы (http://www.moip.msu.ru/?p=1159).

Однако среди обитателей муравейника есть насекомые, которые хитростью или коварством проникают в дома великих тружеников. Одни из них

живут среди муравьев временно, другие — постоянно, как постояльцы или паразиты.

У муравьев существует высокий уровень общественных отношений и строгая иерархия, когда десятки тысяч особей работают по единой команде. Функционированием муравейника управляет откладывающая яйца матка посредством специальных веществ — феромонов. Эти вещества муравьи слизывают с тела самки, хранят их в специальном зобу и передают друг другу по цепочке при обмене пищи. Таким образом, постепенно все особи муравьиного социума включаются в единое информационное пространство.

В непосредственной близости от матки находится свита из десятка рабочих муравьев, которые о ней заботятся: облизывают, кормят, уносят отложенные яйца. Именно эти муравьи передают феромоны остальным муравьям. Это, как правило, молодые муравьи, которые этой работой занимаются примерно месяц. После этого они переходят на выполнение других видов работ в пределах муравейника (в т. ч. ухаживают за личинками), а только затем начинают заниматься поисками пищи и строительными работами.

Кормление личинок, матки, а также взрослых муравьев осуществляется за счет жидкой пищи, которую муравьи отрыгивают из специального зоба. Кроме жидкой пищи муравьи (в т. ч. личинки, матка) едят и твердую пищу. Вместе с пищей муравьи получают феромоны, которыми матка регулирует жизнедеятельность муравейника. При таком общественном питании между муравьями распространяется информация о физиологическом состоянии матки и потребностях семьи. Кроме того, общение между муравьями осуществляется за счет химической коммуникации, опять же — феромонов. Ими муравьи маркируют тропы, друг друга, что позволяет находить дорогу домой и узнавать особей своей семьи. Раненый муравей выделяет феромон тревоги, призывающий муравьев атаковать врага.

Мы уже отмечали, муравейники являются прибежищем для различных «квартирантов»: тараканов, личинок бабочек, жуков, клопов, цикад, пауков, ос, кузнечиков, мух, пчел и других насекомых. Всего в муравейниках разных видов обитает свыше двух тысяч видов насекомых. Как говорится, был бы дом, а поселиться в нем всегда найдется кому. Многие из них поселяются в муравейнике, можно сказать, без спроса. Одних насекомых муравьи терпят в качестве «гостей», так как они похожи на них самих, других — не так просто поймать. Последние имеют такой твердый и гладкий панцирь, что муравьи не могут их ухватить, да и бегают они достаточно проворно. Есть виды насекомых — обитателей муравейника, которые внешне «похожи» на муравьев: по величине, окраске, строению тела, поведению и, возможно, по запаху.

Большинство обитателей муравейника питаются различными отходами жизнедеятельности муравьев, гниющим строительным материалом, экскрементами, погибшими особями и т. п., то есть являются своеобразными сим-

бионтами. Но многие являются «нахлебниками» и паразитами. Одни научились «выпрашивать» еду, другие поедают «домашний скот» и даже личинок муравьев. У нежелательных насекомых выработались специальные поведенческие и морфологические приспособления для сожительства с муравьями. У многих из них на теле имеются специальные железы, выделяющие вещества, которые муравьи слизывают и тем самым оберегают их.

Lomechusa pubicollis

Мы неоднократно отмечали: для муравьев характерно своеобразное «попрошайничество», они постоянно клянчат друг у друга пищу. Так они обмениваются пищей, гормонами, витаминами, феромонами и другими полезными для них веществами. Тот муравей, к которому обратились с такой просьбой, кормит просящего капелькой жидкой пищи из так называемого «зоба». Большинство «гостей» муравейника настолько хорошо усвоили уроки «попрошайничества», что научились обманывать муравьев, и те кормят не только взрослых насекомых, но и их личинок.

То есть обитающие в муравейнике насекомые либо вступают во взаимовыгодные симбиотические отношения с муравьями, либо являются паразитами, наносят им незначительный урон. Однако имеется еще одна форма паразитизма, которая приводит к **гибели всего гнезда**. Связана она с выделением не сладкой жидкости (к примеру, как у тлей), а вещества, обладающего **наркотическим действием**. Таким драгдилером является жук ломехуза (*Lomechusa pubicollis)*.

Поставляя муравьям наркотики, жуки в муравейнике живут припеваючи (так же, как и наркодельцы или же драгдилеры в человеческом обществе). Они пользуются «жилплощадью» со всеми бытовыми удобствами, а муравьи бесплатно кормят не только их, но и личинок.

Жуки ломехуза нигде, кроме как в муравейниках, не встречаются. Они проворно бегают среди муравьев, подражая их манерам; просят у них пищу, постукивая усиками по определенным участкам головы (точь-в-точь, как муравьи друг у друга). Самка жука-«драгдилера» откладывает 100 — 200 яиц рядом с муравьиными — они абсолютно ничем не отличаются. Вылупившиеся личинки ломехузы уже умеют просить еду и начинают выделять наркотик, поэтому муравьи хотя и распознают чужаков, но наркотик действует на них одурманивающе. Они начинают заботиться о личинках ломехузы, как о собственном потомстве. Взрослые жуки паразитируют на муравьях до тех пор, пока муравей-

ник в состоянии их кормить, оттягивая на себя все больше его ресурсов. Таким образом, жуки ломехузы постепенно приводят семью муравьев к деградации и гибели.

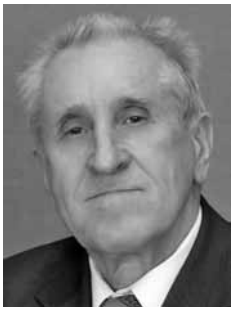
Вылупившаяся молодь муравьев, отведавших наркотик, менее активна, у них нарушена координация движений, нарушены инстинкты, они перестают приносить строительный материал и собирать еду, нести охранную функцию, заботиться о личинках. Они постоянно бродят без дела, чего ранее не наблюдалось. По сравнению с другими муравейниками его жизнь как будто заторможена. Заторможенные особи, которых мы наблюдаем на поверхности, — это уже новое поколение муравьев, которые успели отведать наркотик. По аналогии с людьми их можно назвать муравьями-«даунами». Они даже морфологически отличаются от нормальных муравьев.

Нормальные активные муравьи (из старой гвардии) пытаются заставить их работать, но это у них не всегда получается. Впрочем, среди активных муравьев все больше особей подсаживаются на наркотик, выделяемый жуком-«драгдилером», так что принуждение с их стороны становится все слабее. Все меньше муравьев занимаются заготовкой пищевых продуктов. В муравейнике начинает недоставать фуража, чтобы прокормить всех: царицу, ломехуз, муравьев-«даунов», здоровых муравьев, число которых стремительно уменьшается.

Муравьи-«дауны» не способны ни к продолжению рода, ни к активной общественно полезной деятельности. Постепенно ломехуз и «даунов» в муравейнике становится все больше, а это значит, все больше нахлебников и все меньше корма. Процесс деградации муравейника постепенно переходит в необратимую стадию.

* * *

Причина таких морфологических, физиологических и поведенческих изменений связана с действием наркотика на личинок и взрослых муравьев. Увлечение наркотиком перерастает в стадию эпидемии наркомании. Муравейник все стремительнее деградирует. Муравейник, в котором много жуков — поставщиков наркотика, постепенно становится малочисленным и в конечном счете погибает. Как нам это хорошо знакомо! Разве в семьях наркоманов и алкоголиков не так происходит?! Государство, общество, которое не может справиться с наркоманией и алкоголизмом, возможно, ожидает судьба такого муравейника.



Владимир ФИЛИМОНОВ

МОМЕНТ ИСТИНЫ

ТРУД КАК ВДОХНОВЕНИЕ

В нашей семье (а нас собиралось порой под одной крышей до 11 человек) царил дух уважения к мужским доблестям: мужеству, силе, трудолюбию, ответственности. Я впитал этот дух, стремился ему следовать.

Труд входил в мою жизнь как-то естественно, непринужденно, вроде бы сам по себе.

Мы жили в центре города, но все коммунальные удобства — во дворе. И водички в дом надо было принести, и к зиме дров заготовить, а зимой печку топить. Были большие огороды за городом. И вскопать, и полить, и урожай собрать. И транспортировать урожай к дому часто тоже на себе. Мешок картошки на велосипедную раму — и поехали. А дом-то на горе. Никогда не считал работу обузой, не бегал от нее.

Более того, привилась любовь к физическому труду. До сих пор не разлюбил. Особенно нравилась работа, требующая значительных физических усилий. В студенческие годы на сельхозработах нравилось быть грузчиком. Легко самостоятельно поднимал мешки с зерном или картошкой на плечо, бросал на машину.

Довелось работать на лошади, возить зерно от комбайна на ток. Зерно возили фурами — это телега, на которую монтировался деревянный ящик. Вместимость, по оценкам специалистов, четыре центнера. Возчик подвозил зерно к току, на фуру взбирались две женщины с деревянными лопатами и вычерпывали зерно из фуры. Возчик в это время «курил». Я же рационализировал процесс. Подвозил зерно к току, брался за колесо и переворачивал фуру. Быстро, и экономия времени и женского труда. Нет, это была не работа, а богатырская игра, вдохновение, полет души. До сих пор с приятностью вспоминаю это время.

ВОСПИТАНИЕ — ДЕЛО ТОНКОЕ

У меня сердце кровью обливается, когда я вижу, как молодые мамаши, да и бабушки дергают детей: не лезь, не трожь, не бегай. Все это сопровождается грубым обращением. А надо совсем наоборот. Дети должны познавать мир, а значит, бегать, лазить, трогать.

Распространенные методы воспитания (по-моему, антивоспитания) — окрик, запрет, наказание. Родитель часто не друг ребенку, а какой-то держиморда, надзиратель, судебный исполнитель. То же и в школе.

Меня однажды заинтересовал вопрос: надо ли вообще наказывать ребенка? Я стал задавать этот вопрос разным людям. Все отвечали, что надо. Я же на него отвечаю: нет, не надо.

Я помню всего один случай, когда меня наказали родители. Наказание называлось: поставить в угол. Не помню, что я такого предосудительного совершил, но от меня требовали извинений, а я был упрям и не извинялся. И ведь переупрямил. Вынуждены были выпустить меня на свободу, не всю же жизнь стоять в углу.

Повторяю: не помню, за что наказали, не вынес из случившегося никаких моральных выводов, но ощущение чего-то неприятного сидит во мне до сих пор, спустя более семидесяти лет.

Не знаю, сделали родители из этого случая какие-либо выводы. Но подобного больше не повторялось.

В период моего детства у мальчишек была такая забава: цепляться за задний борт идущей машины и ехать таким образом некоторое время. Тихоходность тогдашних машин и плохие дороги способствовали этому.

Первый мой опыт подобных упражнений был неудачным. Я, вместе с другими мальчишками, повис на борту машины. Спустя некоторое время парни поотцеплялись. Отпустил руки и я и... пробороздил пузом по дороге. Встал, одежда в лоскуты, сквозь дырки одежды кровь, смешанная с пылью. Представьте мое состояние. В этот момент тяготила не столько боль, сколько мысль: как же я в таком виде покажусь родителям? Надо сказать, это был период войны, все жили «в натяг», никаких излишков не было, одежду штопали, ставили заплатки, донашивали до полного изнеможения. Но делать было нечего, домой надо было идти. И я пришел. Родители были дома. Мама ничего не сказала. А отец говорит: «Ты неправильно отцепился, надо сначала было опустить ноги на землю и побежать за машиной, держась руками за борт, а потом уж отпустить руки».

Как цепляться правильно за идущую машину, я понял сразу. А педагогический смысл происшедшего я понял много позже, когда стал осмысливать свою жизнь и происходящие вокруг события.

Вот гвоздь вопроса — осознание и оценка того, что происходит. Иногда это получается самостоятельно, иногда требуется внешняя помощь.

Я ученик шестого класса. Во время каникул зачем-то зашел в школу. У меня хорошее настроение. Навстречу по лестнице спускается незнакомая учитель-

ница. И я, несколько развязно, здороваюсь с ней по-немецки: «Гутен таг». Она, удивленно вскинув брови, спрашивает: «Вы разговариваете на немецком?» Мне нечего было ей ответить. На немецком я не разговаривал. Я испытал неловкость.

Большая часть проступков молодых людей — это шалость, не более того. Взрослые же часто возводят шалость в ранг преступления с соответствующими оргвыводами. Хотя и сами не прочь пошутить. Даже возводят свои шутки в ранг достоинства. Вспомним известного своими шутками и не менее известного своей музыкой композитора Никиту Богословского. Я думаю, что взрослый, у которого не сохранилось хоть немного ребяческого, неинтересен и даже ущербен.

Я уже студент института. Со мной вместе учится приятель Гена Курганов, на десять лет старше меня. Однажды предлагает: «Давай на второй этаж один пролет лестницы ты меня несешь, другой — я тебя». Сказано — сделано. Я свою роль носильщика выполнил. Второй пролет еду на горбушке товарища. Поднялись на второй этаж. Навстречу идет декан факультета Анна Григорьевна Тулаева. О, знали бы вы Анну Григорьевну! Это само достоинство. Причем в самом лучшем смысле этого слова, без спеси, без зазнайства. Увидев нас, она улыбнулась, бросила какую-то доброжелательную реплику и пошла дальше.

Мы все любим юмор, но не все его понимаем, как тот «тупой доцент» Михаила Жванецкого. А он, этот юмор, так помогает и в жизни, и в воспитании.

Но вернемся к проблеме наказания. Подтверждая свою позицию противника наказаний, я совершенно определенно хочу заявить, что это не означает вседозволенности. Совсем наоборот. Ребенка с первых шагов (в буквальном смысле этого слова) нужно обучать тому, что можно и нужно, а чего нельзя. Нельзя, потому что опасно для жизни и здоровья или потому, что наносит неудобства другим людям. И наказания здесь ни при чем. Это можно делать разными способами: разъяснениями, запретом, упражнением, примером. Далее — педагогическая интуиция, педагогическая мудрость. Абсолютно работающих способов все равно нет. Но наказание — не способ.

ЗДОРОВЬЕ — В ДВИЖЕНИИ

В период моего детства улица для нас была средой обитания. Ее не боялись ни мы, ни наши родители. Все свободное время проводили на улице. В понятие «улица» входило все, что было вне дома: прежде всего двор, пригородный лес, речка. В реке летом купались до упаду, ловили рыбу.

Однажды рано утром пошли рыбачить. Идем вдоль берега. Вдруг вижу: на отмели у берега плещется сом. Разыгрался охотничий инстинкт. Но голыми руками сома если и удастся схватить — не удержишь. Снял пиджак, зашел

осторожно со стороны речки и накрыл сома пиджаком. Поймал! Рыбу никто не взвешивал. Размер пойманной рыбины определялся ее длиной, сравниваемой с длиной руки. Сом оказался длиной по локоть.

На улице мы больше всего играли в подвижные игры: чижик, клек, лапта круговая и беговая, конечно же, футбол, который гоняли часами, прятки и много чего еще. В лес ходили за орехами, грибами.

Зимой — катание с гор, благо город стоит на горе. На чем только не катались: санки, рулетки (это такая платформа на коньках с поворачивающим устройством, конечно самодельная), металлические прутки, своеобразно изогнутые, без названия, конечно же, и лыжи, и коньки (первоначально на валенках)!

Полная движения жизнь была источником здоровья, физического и эмоционального развития.

Однажды у нас во дворе появился новый мальчик, он был учеником суворовского училища. Статный, подтянутый, сильный. Взяв три лома, мог несколько раз подряд поднять их над головой (выжать). Весь двор им любовался.

С этого момента я начал заниматься, как сейчас бы сказали, атлетизмом (в то время этот термин не использовался). Так как соответствующих снарядов в продаже не было, упражнялся с любым железом, которое попадалось под руку: лом, коленчатый вал от трактора, диск от буфера железнодорожного вагона (сейчас их нет на вагонах). Потом появилась гантель килограммов на 16. Затем удалось раздобыть двухпудовую весовую гирю. У нее ручка была неудобная, узкая, не то что сейчас у спортивной. Тем не менее через некоторое время я мог ее поднимать разными способами, а также научился жонглировать, при этом задавать в броске гире два оборота.

Поступив в институт, стал заниматься тяжелой атлетикой. Через год стал чемпионом облсовета спортивного общества «Буревестник». Через месяц выиграл первенство города, а еще через месяц первенство области. После этого еще дважды становился чемпионом области, несколько раз улучшал областные рекорды.

Чтобы добиться больших результатов, надо было становиться профессионалом спорта. Я этого никогда не хотел.

Вообще я горячий сторонник любительского спорта и с некоторой неприязнью отношусь к профессиональному спорту. Когда взрослый человек всю жизнь играет (в футбол, хоккей и т. д.) или катается на санях или еще на чем-то, это не вызывает у меня уважения.

Когда видный ученый в выходной день идет на теннисную площадку, или во время отпуска взберется на гору, или в море понырнет у кораллового рифа, или сплавится на катамаране по горной речке — это здорово! Но представьте себе, если бы он этим занимался все время вместо науки, что в этом было бы хорошего?

Я, получив опыт работы на производстве, стал все-таки профессиональным педагогом. А атлетизмом в свободное от работы время занимаюсь до сих пор.

О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ

Андрей Максимов, писатель, публицист и телеведущий, поместил в «Российской газете» статью «Право на покаяние». В статье говорится о том, что гибнут транспортные средства (речь идет об аварии теплохода «Булгария») и ни один человек, имеющий отношение к этим происшествиям, — хозяин компании, руководитель фирмы, арендаторы, представители контролирующих органов, — не покаялся, не взял на себя ответственности или хотя бы извинился. Он пишет: «…более всего пугает не изношенность оборудования и даже не профессиональные неумения. Пугает — равнодушие. Видя равнодушие к жертвам трагедий, каждый из нас понимает: также равнодушно будут относиться и к нему».

Максимов рассматривает ситуацию с человеческой, нравственной точки зрения. Инженеры рассмотрят с технической, юристы с юридической.

Комиссия укажет, где допущены технические просчеты, где безответственность.

Но ни одна комиссия не напишет в заключении, что авария допущена в результате отсутствия профессионализма работника, потому что в общеобразовательной школе плохо преподавали технологию, в вузе мало часов было выделено на специализацию, а практику студент не проходил вообще или проходил формально.

Да, стопроцентно надежной техники не бывает. Интересно, что вероятность успешного завершения пилотируемого полета первого космонавта составляла 0,875. И все же большую часть аварий приносит человеческий фактор. И главным в обеспечении надежности техники является профессионализм работника. Профессионализм в высоком смысле слова — это не просто знание предмета и наличие навыков в работе. Профессионализм — это любовь к своей профессии, это широта мышления, это преданность и неформальное отношение к делу, это, в конце концов, способность противостоять неверным с точки зрения профессионала решениям, умение отстаивать свою точку зрения.

Все эти качества не даются человеку при рождении и не падают на него с неба в виде озарения. Эти качества воспитываются с раннего детства в семье, общеобразовательной, а затем и в профессиональной школе.

Если уж Максимов не нашел людей, почувствовавших свою вину, среди ближайших участников событий, связанных с аварией на теплоходе «Булгария», то вряд ли свою вину почувствуют министры образования, без конца сменявшие друг друга и ничем не отличавшиеся друг от друга. А они много сделали, чтобы снизить уровень профессиональной подготовки специалистов. В общеобразо-

вательной школе развалена система профориентации, уменьшено количество учебных часов на уроки технологии. Введение ЕГЭ исключило возможность отбора в вузы профессионально сориентированных и профессионально подготовленных абитуриентов.

Выдающийся человек, директор Научного центра здоровья детей РАМН, академик РАМН А. Баранов в интервью «Российской газете» сказал: «Меня лично очень беспокоит, что прием в медицинские вузы, в том числе и на педиатрические факультеты, сейчас формализован. Прежде всего ЕГЭ. А ЕГЭ не позволяет понять душу того, кто идет в детскую медицину». А меня беспокоит, что ЕГЭ не позволяет понять душу инженера, учителя, изобретателя. Вообще мнение такого человека, как Александр Александрович Баранов, значимее всех остальных доводов в пользу ЕГЭ. Моя мысль ведет меня к тому, что система образования стоит пока особняком от всего того, что делается в отечестве. Пора бы ей устыдиться всего того негатива, от непрофессионализма до коррупции, который есть в нашей стране, взять за это свою долю ответственности, вспомнить о принципе связи школы с жизнью и не заниматься своими внутренними разборками, а засучить рукава себе и молодежи на те дела, которые им предстоит делать в жизни.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

В школе № 12 был пожар. Огонь уничтожил деревянные чердачные конструкции. Сильно пострадали внутренние помещения. Оказались разморожены система отопления (дело было зимой) и котлы (школа имела собственную котельную).

Городские власти приняли решение школу закрыть, детей и учителей разместить по соседним школам. Родителей учащихся и учителей такое решение не устроило, и они добились теперь уже от областных властей решения сохранить коллектив, школу восстановить. Меня назначают в эту школу директором с соответствующей задачей.

Ремонт начали в начале лета. К сентябрю сделать не успели. Но начали занятия в своем здании. Над входом крышу не успели закрыть, и, когда шел дождь, вода лилась на головы входящим. Не во всех классах был закончен ремонт. Одновременно занимались и продолжали ремонт. Все равно все были счастливы. К трудностям относились спокойно. Ничего страшного (да и не страшного) не произошло. Сейчас установилось правило проводить приемку школ каждый год. Сколько суеты, сколько нервозности! Непонятно: если школа принята в эксплуатацию — зачем ежегодные процедуры приемки? Делаем пустую работу, а нужные дела не исполняем. Но это отступление от повествования.

И я оставляю школу, т. к. меня назначают директором межшкольного учебно-производственного комбината. Спустя некоторое время на улице подходит ко мне мужчина, пожимает руку, говорит: «Жалкуем, что вы ушли из школы».

И, не продолжая разговора, уходит своей дорогой. Предполагаю, что это был один из родителей, дети которого ходили в оставленную мной школу. Очевидно, я сделал что-то очень важное для них.

Для меня это был момент истины. Для моей души это была самая высокая награда.

Еще одна история.

Я иду по коридору комбината. Перерыв в занятиях. Ребята в коридоре. Двое парней, ухватившись руками, перетягивают друг друга. Я говорю им: «Вы же неправильно боретесь. Пошли в кабинет, я покажу, как надо». Зашли в кабинет, сели с противоположных сторон стола. Известный способ борьбы руками (армрестлинг). Я легко борю своего соперника правой рукой. Говорю: «Теперь давай левой». Также и левой побарываю. Парень удивлен. Из всех присутствующих он самый рослый и крепкий, чувствует свою силу и как будто не верит тому, что случилось. Говорит: «Давайте еще». «Давай», — отвечаю. Результат тот же. Затем наперебой бороться идут все остальные. Тут звенит звонок на урок, и мы все идем по своим местам. Первый мальчишка идет рядом, спрашивает: «Сколько вам лет?» — «Семьдесят шесть». И он, уходя в свой кабинет, говорит в сторону, как бы сам для себя: «Хотел бы я быть таким же в семьдесят шесть лет».

Для меня это был еще один момент истины. Думаю, что для него тоже.

Галина СТЕЦЕНКО

ЛЕТАЮЩАЯ КРЫШКА

Истории для детей

ПИНОРА И КОМПИ

Мышка высунула из своей норки круглые, как монетки, уши, и прислушалась. Тихо! Тогда она осторожно выглянула и, вытянув мордочку, принюхалась: ничем вкусным не пахнет. Ей пора было перекусить, но в её тайниках закончились все запасы, припрятанные родителями на зиму.

Из норки она шмыгнула в кладовую. Там на полках стояли пузатые банки с огурцами и помидорами, компотами и вареньями. «Хоть я люблю точить зубы, но стекло грызть не собираюсь!» И, махнув хвостиком, она неслышно выскользнула за дверь. В своём сером спортивном костюме мышка передвигалась по коридору перебежками и быстро добралась до кухни. Деловито обшарила там все уголки:

— Ни одной крошки! И почему люди такие чистюли?!

Огорченная, она прокралась в спальню. На диване тихо посапывал большой и пушистый кот Василий — мышка замерла на некоторое время, но вскоре убедилась, что он лежит неподвижно.

— Спит, ну и ладненько, — выдохнула она и на цыпочках направилась к столу. — Может быть, на этом столе что-нибудь для меня оставили?

Легко взобравшись на столешницу, она пробежалась, но ничего съедобного не нашла. Заметила яркий экран, рядом с ним — небольшую площадку, расчерченную квадратиками, и неизвестного ей блестящего серого жука на чёрном коврике.

— Что ты здесь забыла? — вдруг услышала она приглушённый голос.

— Ой, кто это? — мышка-норушка проворно отбежала, спрятавшись за стопку бумаг.

— Я мышка, хозяйка этого стола, — сказал не без гордости тот же голос.

— А я мышка, хозяйка коридора.

— Да всё я про тебя знаю. Я таких, как ты, столько видела! Они книги любили грызть, да и вообще, что под руку попадётся. Подойди ко мне поближе, не бойся. Давай знакомиться. Тебя как зовут?

— Пи…пи нор… норушка.

— Приятно познакомиться, Пинора. А я — компьютерная мышка. Комп… пи…пи. Зови меня просто Компи.

Мышка Пинора робко приблизилась к новой знакомой:

— Ты носишь, как и я, серый костюм. И у тебя, как и у меня, есть длинный хвост, только о-о-очень длинный! — Пинора осмотрела её со всех сторон. — Нет, ты больше на жука похожа: у тебя есть два крыла. Ты, наверное, летаешь? Может, ты летучая мышь?

Компи расхохоталась:

— Да не летаю я. И не бегаю, как ты, по дому. Сижу на месте и управляю. Щёлкну крылом, поверчу головой, и передо мной появляется всё, что захочу!

— Так ты волшебница? — в чёрных глазках Пиноры загорелись звёздочки удивления и восхищения.

— Да, я совсем на тебя не похожа! Ты боишься кота, а я нет. И мне никогда не хочется кушать, как тебе.

— Здорово. А я так проголодалась, что мой желудок готов заурчать на весь дом!

— Не переживай. Со мной не пропадёшь! Я сейчас поведу тебя туда, где еды навалом!

— Правда? — обрадовалась Пинора. — Отведи же поскорее!

Компи покрутила головой, пошевелила хвостом, и на экране появился гипермаркет. Крылья её щелкнули, и двери магазина распахнулись. Дорожка повела Пинору мимо рядов с булками, колбасой, сыром.

— Выбирай что хочешь, — сказала Компи.

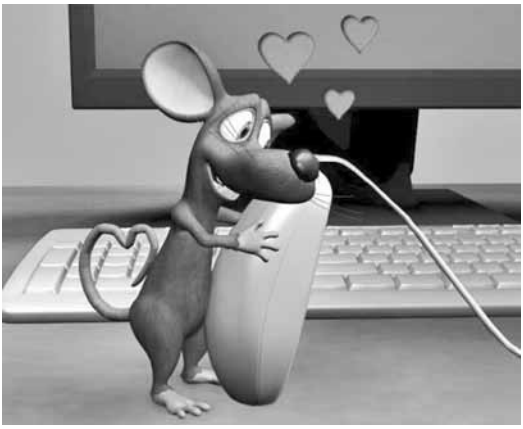
Пинора неслась, и перед ней открывались новые витрины с невиданной ранее едой. От изобилия продуктов её пустой желудок сжался и приготовился визжать. Голова закружилась:

— Всё, дальше не пойду! Я уже выбрала, — глотая слюну, Пинора потянулась лапкой к окороку. Но в этот момент на экране появилась огромная голова рыжего кота. Мышка-норушка без оглядки спрыгнула со стола и юркнула под кресло.

— Ха-ха-ха! — залилась смехом Компи. — Не надо никого бояться! А этого кота — тем более! Пинора, возвращайся! Не поела в магазине — я отведу тебя в ресторан. Там готовят на любой вкус!

Пинора прислушалась к своему желудку: в нём звучала печальная музыка. И она снова забралась на стол:

— Отведи меня туда, где я, наконец, съем хоть крошку! — попросила умоляющим голосом.



Компи ловко пощёлкала крыльями, и на экране приветливо распахнулась дверь ресторана:

— Садись за столик. Вот меню. Выбирай и заказывай что хочешь!

Пинора заказала гренки, маффины и мороженое. И сразу же не только её стол, но и все столики ресторана заполнились красивыми блюдами. Пинора потянулась к своей тарелке. Но тут во весь экран появился чёрный кот. Перепуганная мышка в несколько прыжков оказалась у двери комнаты.

— Ты опять испугалась! Ну и боязливая ты! — громко захохотала Компи. — Смотри, а я не боюсь котов! — и на экране запрыгали разные коты — не сосчитать!

— Спасайся! Кот рядом! Пи...пи... — кричала от двери Пинора. Она услышала какой-то шум. Василий проснулся! Спросонок он сначала потянулся, а затем прямо с дивана прыгнул на стол. Сидел и наблюдал за хохотушкой.

— Я не боюсь котов! — подпрыгивала Компи и крутила своим длинным хвостом, как прыгалкой. Да так махнула, что ударила кота по спине. Кот вскочил, воинственно выгнул спину и лапой сбросил мышку на пол! Протяжно замяукал и удалился из комнаты.

Компи, упавшая с грохотом, замигала красным светом:

— Спасите... — голос её был еле слышен.

Пинора подбежала к ней:

— Как ты? — перевернула пострадавшую на живот и приделала отвалившиеся крылышки. — Уже лучше?

— Немного. Спасибо тебе, — изо всех сил улыбнулась Компи.

— Давай помогу на стол забраться, — Пинора подталкивала Компи, придерживая её хвост. И шутила с ней. — А говорила, что не летаешь...

— Ха-ха-ха!.. Ты смешная и добрая. А знаешь, чего мне больше всего хочется?

— Чего?

«Опять дразнить котов и меня» — именно этот ответ ожидала Пинора.

— Накормить тебя вдоволь настоящей едой! Кажется, я знаю, где припрятано кое-что съестное! Только не обижайся на мои глупые шутки. Я больше никого не буду дразнить.

И Пинора с Компи оживленно зашептались.

ЛЕТАЮЩАЯ КРЫШКА

Как только приземлились первые капли дождя, Матвей со всех ног кинулся домой. Дождь припустил пуще и не переставал барабанить по крыше, словно кто-то сыпал и сыпал пригоршнями горох. И вдруг громыхнуло! Мальчик подпрыгнул на диване! Закрыл уши руками. Загремело ещё и ещё! Матвей спрятал голову под подушку.

— Ох и разошёлся дед Громыхай! Собрал на небе кастрюли со всего света и стучит по ним половниками. Да ещё и крышки наземь бросает!.. Ты, Матвейка, не бойся: скоро он утихомирится, — бабушка присела на край дивана и погладила внука по спине.

Вскоре, действительно, греметь стало реже. И громовые раскаты доносились уже из-за далёкого леса, который мальчик видел из окна автобуса, когда ехал на дачу.

Матвей, отбросив подушку, подошел к окну. Листья яблони ловили в зеленые ладошки, а потом стряхивали на землю последние дождевые горошинки.

«Что это там? — удивился Матвей. По дорожке вдоль забора медленно двигался непонятный предмет. Светло-серый, блестящий. Но разросшиеся кусты сирени мешали мальчику получше рассмотреть, что это. — Похоже на огромную крышку... Может, эта крышка слетела с неба?»

Пока он размышлял, крышка перемещалась всё дальше и дальше и вовсе скрылась из виду.

В этот же день Матвей открыл калитку соседского дома. Он торопился к другу Арсению, чтобы рассказать о необыкновенном, никогда прежде не виданном предмете. Арсений старше его на целых два года, он осенью пойдет в первый класс и, должно быть, догадается, что за предмет спустился с неба на их территории.

— Да придумал ты всё! — не поверил Арсений и продолжил собирать конструктор.

— Ты что?! Я своими глазами видел. Крышка, огромная! Серая, с нарисованными на ней синими кругами. У нас дома есть почти такая, только маленькая, железная, от кастрюли для супа.

Арсений задумался, а потом спросил заинтересованно:

— А может, это летающая тарелка? Я по телеку такие видел. На них к нам на Землю с других планет инопланетяне прилетают, чтобы посмотреть, как мы тут живем. Если тарелки есть, то и крышки летающие есть...

— Вот видишь... Слышал, как они сегодня гремели?

— Глухой и тот услышит — дом дрожал! Но это гром был, по-моему...

— Нет, не гром! Главный у них — инопланетян, дед Громыхай. Мне бабушка говорила... Может, гость этот из крышки с нами познакомиться хотел? Жаль, что не получилось. Могли бы подружиться. Я бы ему свои самолётики показал...

— В гости? — засомневался Арсений, — а может, это не друг, а враг наш? Зачем им своими крышками на нас греметь? Бандит он, похоже, Громыхай

этот. Так, — Арсений поднял указательный палец, — если ещё раз увидишь, что крышка приближается, сразу же — ко мне! Понял?

Теперь Матвей каждый день дежурил у калитки и смотрел на дорогу, но дождя не было, и крышки не летали.

Через два дня снова хлынул дождь, и откуда-то издалека донеслись раскаты грома.

— Опять дед Громыхай шумит, сердится, — вздохнула бабушка.

— Бабуль, он подаёт нам знак, — прошептал внук таинственно, поднеся палец к губам.

— Кто? — оторопела бабушка.

— Ну он, дед Громыхай… Мне и Арсению. Понимаешь, пока это наша тайна, я тебе потом всё объясню, — и внук лег грудью на подоконник, прислушиваясь к шуму в водосточной трубе и всматриваясь в глубь сада:

— Вот он! Наконец-то! — обрадовался Матвей, наспех надел куртку и резиновые сапоги.

— Ты куда?! Дождь закончится — и пойдёшь, — бабушка успела схватить внука за руку, — и ужинать пора. Знаю я вас: заиграетесь до ночи…

— Ну, бабуль, пожалуйста, я к Арсению, на минутку, — всё-таки вырвался Матвей. Но, когда он выбежал за калитку, летающего предмета уже не было видно.

— Опять не успел! — с досадой рассказывал он другу о своей неудачной погоне.

— Эх, проморгал! Надо было ракетой лететь. Нам во что бы то ни стало надо встретиться с инопланетянином! Прославимся, если ты в следующий раз эту крышку не упустишь! Меня все старшеклассники зауважают!

— А меня?

— А что тебя? Ты пока даже до школы не дорос, — и, откусив яблоко, Арсений добавил: — ты на сотовый щёлкни! Потом в Интернет выложим. Сейчас все так делают. А без фото могут не поверить.

И снова летающая крышка на неделю исчезла. А Матвей ждал и мечтал о необычном знакомстве. Из пластиковых стаканчиков, вставляя их один в другой, строил ракету: «Придет Арсений, и придумаем, как ее запустить».

Заметив, что оба раза крышка прилетала после дождя, он частенько поглядывал на небо. И вот наконец тёмные тучи движутся в их сторону! «Дождь будет! — радовался мальчик. — Теперь-то я ни за что не упущу крышку!»

Во время дождя он опять неотрывно смотрел в окно. И когда дождь почти прекратился, из-за кустов сирени показался странный предмет. Тот самый! Мальчик чуть не наступил на хвост коту, спавшему у порога, и выскочил на крыльцо. Крышка, помелькав за кустами, уже направлялась по дорожке обратно. Матвей выбежал за калитку — и как ни удивительно, но предмет наблюдения влетел во двор к Арсению!

«Вот и замечательно, — подумал мальчик, — не придётся Арсения куда-то звать. В своем дворе с инопланетянином познакомится. Эх, жаль, что телефон не захватил…»

Матвей забежал во двор Арсения и мигом взлетел на крыльцо. Друг сидел на веранде и связывал нити из разноцветных клубков.

— Вот видишь, сетку плету, чтобы инопланетянина поймать, — встретил он соседа как ни в чём не бывало.

— Где он? — запыхался Матвей.

— Кто?

— Инопланетянин! Он же к тебе во двор залетел! Давай на улицу!

— В мой двор? — Арсений подскочил и кинулся за Матвеем. За ним, цепляясь за ножки стула, потянулись клубочки. — Да отцепитесь же! — в сердцах бросил сетку на пол.

Друзья, шлепая по лужам, обежали дом и осмотрели двор.

— Глянь: помидоры не примяты. И петрушка тоже. Никаких следов! Значит, он и не садился, — размышлял Арсений.

— Тогда где же он? Я точно видел, что он в твою калитку влетел.

Мальчики огорчённо потоптались у крыльца. Помолчали.

— Да вот же он, за забором! Смотри! — Матвей неуверенно привстал, а потом присел, чтобы получше разглядеть.

— Это?! — Арсений покосился в сторону, а потом сердито уставился на друга. — Ты что! Это же моя младшая сестра под зонтиком! Такие зонты на пляже ставят, это мы из Крыма привезли в прошлом году.

По дорожке медленно плыл огромный серебристо-серый зонтик, с голубыми кружками по краю, а под ним передвигались зелёные резиновые сапожки.

— И что я теперь в школе ребятам скажу? — Арсений даже покраснел от досады. — Я же пообещал им по телефону, что поймаю инопланетянина. Или хотя бы корабль его захвачу. Бабушкины нитки только зря запутал…

— А ты скажи им, что не садилась крышка, побоялась, асфальта здесь нет, лужи большие…

И Матвей поплёлся вслед за зонтиком. Он как будто так до конца и не поверил, что это — не инопланетный корабль. Тут подул ветер, вырвал огромный зонт из рук девочки и унёс его на куст орешника.

Матвей подошёл к ней и тронул за плечо:

— Видишь, это инопланетянин взлетает.

Девочка сначала дёрнулась, чтобы бежать за зонтом, но тут же остановилась и с любопытством смотрела, как тот качается на тонких ветках.

— Твой зонт — летающая крышка с далекой планеты. На ней инопланетянин отправится домой, к маме.

Зонт, приподнявшись, перевалился на другую сторону куста.

— Приземлился! Приземлился! — закричали дети и замахали руками. — Не захотел улетать. Будем знакомиться!

Евгений АНИРОВ

НЕВЫШЕДШАЯ КНИГА

Несколько лет назад бывший редактор «Суры» Виктор Александрович Сидоренко познакомил меня с инженером-строителем Евгением Александровичем Анировым — веселым и общительным человеком, пишущим при этом забавные стихи. Аниров стал завсегдатаем презентаций и литературных вечеров, где радовал собравшихся своими поэтическими шаржами и эпиграммами. Чуть позже выяснилось, что стихи есть не только забавные, а Евгений Александрович — человек тонкий, размышляющий, настроенный на лирическую волну. Мы опубликовали подборку его стихов в журнале, надеялись на долгое и плодотворное сотрудничество, ждали новую книгу... Совсем недавно Евгения Анирова не стало. В память о нашем авторе мы публикуем несколько его стихотворений.

Борис Шигин

* * *

Стихи не гнали в дом рубли,
Мне имя славой не лудили;
Сиянье неба, благодать Земли,
Парение души дарили...

ЛЕТО К ОСЕНИ КЛОНИТСЯ

На лугах, что у нас за околицей,
по росе отгулялась коса;
лето красное к осени клонится,
да в слезах, что ни день, небеса.

И с лучами рассветными ранними
уж не манят, не манят меня
загорелые травы с туманами
да колючая в поле стерня.

Заберусь я в лесные чащобины
и к грибному обилью пригнусь;
и раздолью бескрайнему родины
поклонюсь, поклонюсь, поклонюсь...

ОСЕНЬ

Осень шуршит по асфальту
листвою опавшею,
осень;
Небо дождём моросящим
былинки пожухлые
мочит;
Прячется утренний город
и тонет
в тумане;
В сини небесной мелькают
последние птиц
караваны.

Кроны деревьев от летнего зноя
устали,
Свежей прохлады
им ночи осенние дали.
Яркими красками
светятся гроздья рябины
и манят,
Солнце кусочки тепла уходящего
дарит.

Осень к раздумьям
меня и тебя приглашает.
Может, придёт к нам заветное, —
кто его знает?
Что нас с тобой ожидает
и что приключится?

Хочется верить,
что доброе
всё же случится.

ВСЁ ОТ СЕБЯ ЖДИ

Не жди ничего от других.
Всё от себя жди.
Поступков. Решений. Преодолений.
Без преференций… и без промедлений.

Жди от себя над собою победы,
Сочувствия к людям, попавшим в беды;
Харизмы, настырности жди от себя, безрассудства,
Стремленья к мечте, непритворности чувства.

Возьми, береги естество от природы,
Оно не подвластно течению моды.

Рюкзак твой заполнен. Крестись. И вперёд.
Не перепутай вокзала пролёт.

ПАЛАТА С ОКНАМИ НА ЮГ

Палата с окнами на юг.
В палитре светлой дремлют стены.
Палата с окнами на юг —
Шприцы, тонометры, системы.

Палата с окнами на юг —
Там милосердие струится,
Там монотонный стрелок стук,
Там амбра с привкусом больницы.

Палата с окнами на юг —
С тобой дружить не мёд, а надо;
Там круг спасительный дают
Из арсеналов Гиппократа.

Палата с окнами на юг…
Шприцов, систем звучит соната,

А жизнь бурлящая вокруг
Тебя забыть велит, палата.

ВСЁ ПРОХОДИТ

Всё проходит. В минувшее прячется.
Всё проходит — и радость, и боль.
То забудется, то вспоминается
Утомлённая временем роль.

Утомлённая временем роль.
В ней мечты, и любовь, и свидания,
Под луной до рассвета гуляния
И пурпур полыхающих зорь.

Утомлённая временем роль.
Мне она — благодать бесконечная,
Как мерцание звёздное вечное,
Утомлённая временем роль.

ПЕСНИ ОЛЬГИ КОРШУНОВОЙ

ПИЛИГРИМЫ

```
          Em
1. От родимого порога
          Am          H
Всяк своим путём идёт.
          C       D     G
Бродят судьбы по дорогам,
          C6m           H7
Бродят судьбы по дорогам,
          C          D     G
Пьют полынь-настой и мёд.
          Am        H       Em
Пьют полынь-настой и мёд.

Дышат волей и украдкой,
Ловят счастья мотыльков,
Оставляя по распадкам,
Оставляя по распадкам
Клочья нажитых грехов,
Клочья нажитых грехов.

Припев:
    C            G
Гуляй, моя доля,
  Am  H       C
Да в чистом поле
         H         C  E7
И, свободой маня,
Am  H       Em
Согрей меня.
```

2. Набиваются мозоли,
Но кому-то ж повезёт!..
Бродят судьбы, ищут долю,
Бродят судьбы, ищут долю,
Пьют полынь-настой и мёд...
Пьют полынь-настой и мёд...

Припев:

Гуляй, моля доля,
Да в чистом поле
И, свободой маня,
Согрей меня...

Ах, что же ты, доля,
Краюхой боли
На чужой стороне
Досталась мне?

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

```
  A
1. Рельсы, шпалы,
Шпалы, рельсы...
                E
Мчит по ним электровоз.
Разогнался, разогрелся,
               A
Тянет вдаль вагонов хвост.

Барабанщики-колёса
     D
Задают ударный ритм.
                   A
Хочешь — спи в подушку носом,
             E                A
Хочешь — в мир большой смотри.
```

2. Там, за окнами вагонов,
Бесконечное «кино».
Всё изменчиво и ново.
Как люблю экран-окно!

Я не зря заядлый зритель:
«Фильм» хорош! К чему тут лесть?
Край родной, души обитель
Разве может надоесть?

3. Рельсы, шпалы.
Шпалы, рельсы.
Мчит по ним электровоз.
Разогнался, разогрелся,
Тянет вдаль вагонов воз.

Как атланты, рельсы, шпалы
Держат поезд на плечах.
Впереди красот немало.
В добрый путь!
И в добрый час!

СЧАСТЬЕ

C G C
1. Увы, с годами всё трудней
A A^7 Dm
Сорваться враз и — прочь, в бега
F Fm C
От цепких будничных корней
Dm G
В восторг дорог, в поля, луга,
C E
В лесов задумчивый покой,
A Dm
Где неуместны гам и прыть,
F Fm C A
Где сознаёшь: другой такой
Dm G C
Минуты может и не быть.

2. Так тянет к речке, что журчит
В пушистых косах сонных ив,
Там ворон хрипло не кричит
И безмятежности разлив.
Вода неспешна, как века.
Черпнёшь пригоршнею — хрусталь!

Над ней мечтами облака
Плывут в распахнутую даль.

Проигрыш

2. Там взгляду вольно и легко,
И так же вольно дышит грудь.
И счастье так недалеко —
Вот только руку протянуть.
Вот только руку протянуть...

ДВОЕ В НОЧИ

Am E Am
1. Что с того, что ночь — во двор?
Dm E
Не гурьбой сидим — на пару.
D^6m Am
Просто — тихий разговор.
F E
Просто — песни под гитару.
F A
Полумрак ли, полусвет —
D^6m Dm
Сужен мир и всё ж не тесен,
Am(B)
И преград для взглядов нет,
G C
И тепло, уютно песням,
Dm E
И тепло, уютно песням.

2. Разделила ночь межой
Нас и то, что дальше дома.
Я — чужая, ты — чужой,
А как будто век знакомы.

И доверчиво-просты
Все слова без тени фальши.
«Вы... Да нет, давай на «ты»,
Хоть... бог весть, что будет дальше...»

3. Месяц, трогательно юн,
К нам заглядывал в окошко.
Под напев сердечных струн
Отогрелись мы немножко.

Вот аккорд последний стих —
Безыскусствен, чист и светел...
В эту ночь на двух чужих
Стало меньше на планете.

ГИТАРА

A E
1. Я не юная, но и не старая.
A E
Семиструнная будто гитара я.
D A
Не скопила ни денег, ни злата я,
E A
Лишь напевами сердца богатая.
Am E
Помнят чуткие струны гитарные,
Am E
Как терзали их пальцы бездарные,
A Dm
Боль несли, пока мука не кончилась
D^6m E^7
И струною оборванной скорчилась.

2. А сегодня в гармонии слаженной
Не для кучки пою напомаженной.
Струны нервами сердца пронизаны.
Им претит звук фальшиво прилизанный.

Не хочу быть слащаво-речистою.
Одарю песней искренней, чистою:
То весёлою, то величальною,
То по-русски напевно-печальною.

3. И, срывая оковы сомнения,
Низвергая закон притяжения,
Я взлечу с песней вольно, раскованно...
Что за счастье судьбой мне даровано!

АЛЕШКОВ Николай Петрович. Родился в 1945 г. в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького. Основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время — редактор литературного журнала «Аргамак». Автор десяти книг стихов, изданных в Москве, Казани, Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г.Р. Державина и Всероссийской литературной премии «Ладога» имени Александра Прокофьева. Член Союза писателей СССР. Живёт в Набережных Челнах. В «Суре» публикуется впервые.

АНИРОВ Евгений Александрович. Родился в 1939 г. в Рязанской области. Окончил Пензенский инженерно-строительный институт. Работал в строительных организациях. Публиковался в «Суре».

АНТИПОВ Сергей Васильевич. Родился в 1940 г. в с. Пестровка Шемышейского района Пензенской области. Окончил Саратовский технологический институт. Инженер. Большую часть жизни прожил в Средней Азии. Автор трех поэтических сборников. Был председателем Русского культурного центра г. Ташкента (1996 — 2003), возглавлял республиканское литературное объединение «Данко». Являлся членом общественного совета Союза писателей Узбекистана. Вернулся на родину в 2007 г.

БАХАРЕВ Владимир Михайлович. Родился в 1944 г. в селе Никольск Колышлейского района Пензенской области. Живет в г. Сердобске. Окончил ВПШ в г. Саратове. Автор книг «Земное чудо» (2001) и «Лето красное» (2003). Член Союза писателей России.

БУЯНОВ Николай Анатольевич. Родился в 1967 г. в Пензе. Окончил ПГПИ. Печатался в Москве, Петербурге, Ставрополе, в журналах «Сура», «Южная звезда», «Странник», «Искатель», «Уральский следопыт». Автор книг «Медиум», «Наблюдатель», «Опрокинутый купол», «Клятва на мече», «Призванный хранить» и других. Лауреат премий «Хрустальный парус» (1997), за лучший дебют от издательства «ЭКСМО» (1999) и Губернаторской премии (2004). Член Союза писателей России.

ГОРЛАНОВ Геннадий Елизарович. Родился в 1941 г. в Пензе. Доктор филологических наук. Профессор кафедры литературы ПГУ.

Автор «Очерков истории культуры пензенского края», поэтических сборников, книг по литературному краеведению, более 80 научных статей. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

ДАВЫДОВ Роман (Ромэн) Тигранович. Родился в 1947 г. в Баку. Окончил музыкальное училище, Горьковскую консерваторию по классу композиции (профессор А.А. Нестеров). Работал концертмейстером Азербайджанского театра оперетты. С 1975 г. живет в Пензе. Автор органных и хоровых сочинений, романсов, детских фортепианных пьес. Председатель Пензенского отделения Союза композиторов России.

КОЛЬЯН Татьяна Николаевна. Родилась в пос. Краснооктябрьский Медведевского р-на Марийской АССР. Окончила историко-филологический факультет Марийского государственного университета. Старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела музея-заповедника «Тарханы». Автор многочисленных публикаций в лермонтоведческих и научно-краеведческих сборниках Пензы, Москвы, Санкт-Петербурга, Пятигорска, Ульяновска.

КОМАРОВ Роман Владимирович. Родился в Москве. Кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора Института психологии, социологии и социальных отношений ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет» по организационной работе и международным связям. Автор книг: «Проблема способностей в психологии», «Психологические методы и подходы к развитию творческих способностей», «Сергей Есенин... в петле судьбы», «Психологические аспекты жизни и творчества», «Психологическое сопровождение карьеры одаренных детей». В «Суре» публикуется впервые.

КОРШУНОВА Ольга Валерьяновна. Родилась в 1954 г. на Камчатке. Окончила Пензенский государственный педагогический институт. Живет в г. Заречном Пензенской области. Работает инженером на ПО «Старт». Автор 7 книг: «Тайны страны Сказок», «Меч грамонов» (сказочные повести для детей), «Грани света», «На просторах времени», «Счастье — хрупкий мотылёк» (сборники стихов), «За Синей птицей» (стихи и проза), «Страна Котовия» (стихи для детей). Стихи и проза напечатаны также в 16 коллективных сборниках, городских и областных газетах, журналах «Работница», «Мир Женщины», «Мы», «Странник». Постоянный автор журнала «Сура», лауреат «Суры» в номинации «Проза» (2010 г.). Лауреат областной литературной премии

«Гранатовый браслет» (2006 г.). Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2011 г.). Лауреат международных конкурсов в Германии, Казахстане, Украине, Москве. Участник форума фантастов «Фаншико-2013» (г. Феодосия). Пишет песни, выступает как бард. Член Союза писателей России (2009 г.).

САДЧИКОВ Анатолий Павлович. Родился в 1946 г. Доктор наук, профессор кафедры гидробиологии МГУ, автор 250 научных работ, 20 учебно-методических пособий, монографий, брошюр. За последние 5 лет им опубликовано 30 работ, в том числе 6 книг. Является заместителем председателя ученого совета МБЦ МГУ, членом диссертационного совета при МГУ им. М.В. Ломоносова, вице-президентом Московского общества испытателей природы. Награжден знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», в 2013 г. стал победителем XII Всероссийского конкурса «Патриот России» на лучшее освещение в СМИ темы патриотического воспитания, организованного Правительством РФ, XIII Всероссийского конкурса на премию Артема Боровика «Честь. Мужество. Мастерство». В «Суре» публикуется впервые.

СТЕЦЕНКО Галина Георгиевна. Родилась в 1957 г. в Донецкой области. Окончила Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта. Живет в Москве. Автор сборника стихов «Прикосновение», двух книг стихов для детей. Публиковалась в литературных журналах «Сура», «Острова», «Золотая Ока», «Метаморфозы», книге «У четвёртого порога», во многих коллективных сборниках России, Украины, Беларуси, Германии. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2013), лауреат международного конкурса фестиваля «Славянские традиции» (2010, 2013), лауреат международного литературного конкурса «Большой финал» (2014), лауреат Всероссийского конкурса произведений для детей (2014) и других. Член Союза писателей России.

ТУГАРОВ Александр Борисович. Родился в 1954 г. в Казани. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского. Доктор философских наук, профессор ПГУ, гранд-доктор философии Европейской Академии информатизации (Бельгия). Декан факультета педагогики, психологии и социальных наук Пензенского государственного университета. Автор многочисленных научных трудов, публикаций в журналах «Социс», «Полис», «Земство», «Губерния». Член общественного совета журнала.

УЛЬЯНОВА Вера Петровна. Родилась в 1957 г. С отличием окончила Пензенский инженерно-строительный институт. Работает в Государственном Лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы». Автор буклетов «Кругом родные все места...» (1990, 2004), соавтор путеводителя «Музей-заповедник «Тарханы» (1990), альбома «Люблю отчизну я...» (2002).

ФИЛИМОНОВ Владимир Александрович. Родился в 1937 г. в Пензе. Работал на промышленных предприятиях города инженером, начальником смены, цеха. Инициатор создания в Пензе межшкольного учебно-производственного комбината и его директор в течение двадцати восьми лет. Инициатор и организатор издания первой в области детской газеты «Пятый угол». Автор двух книг и более тридцати статей по вопросам нравственного и трудового воспитания, опубликованных в научных сборниках и профессиональных журналах. Заслуженный учитель РФ. В «Суре» публикуется впервые.

ШИГИН Борис Владиленович. Родился в 1952 г. Окончил историко-филологический факультет ПГПИ им. В.Г. Белинского. Журналист, поэт. Автор многих поэтических книг и песенных альбомов. Публиковался в журналах «Москва», «День и ночь», «Русское эхо», «Подъем», «Странник», «Волга-XXI век», в Литературной газете, а также в Израиле, Италии, Германии, США. Главный редактор литературного журнала «Сура». Лауреат Всесоюзной премии имени Карпинского, губернаторских премий за достижения в области журналистики и литературы (1997, 2000, 2003), Всероссийской литературной премии имени М.Ю. Лермонтова (2007, 2008, 2014). Заслуженный работник культуры РФ.

ШИГИН Владимир Виленович. Родился в 1958 г. в Севастополе. Окончил военно-морское училище и политическую академию. Служил на кораблях Балтийского флота. Капитан I ранга. Заслуженный работник культуры РФ. В настоящее время редактор отдела истории и литературы журнала «Морской сборник» (Москва). Награжден орденом Почета, медалями «За боевые заслуги» и «За воинскую доблесть». Лауреат международных литературных премий В. Пикуля и А. Грибоедова. Автор более 30 книг по истории российского флота. Член Союза писателей России. В 2014 г. избран секретарем Союза писателей РФ.

Учредитель: ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала:
Геннадий ГОРЛАНОВ, Николай ИНЮШКИН,
Александр ЛОМОВЦЕВ, Марина ОСИПОВА,
Юрий ПОЛЯКОВ, Елена СТОЛЯРОВА, Валерий СУХОВ,
Виктор ТЕРЕНТЬЕВ, Александр ТУГАРОВ, Александр ТЮСТИН,
Владимир ЮРАКОВ, Лариса ЯШИНА

Главный редактор Борис ШИГИН

Редакция:
Лидия ДОРОШИНА — редактор отдела поэзии
Татьяна КАДНИКОВА — редактор отдела прозы
Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения
Сергей А. ПОНОМАРЕВ — художественный редактор
Ольга МАКАРОВА — технический редактор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**
Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009, выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области. 16+

Адрес редакции: г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20
Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (**http://liblermont.ru**)
Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор), lidiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), nika@zato.ru (редактор отдела прозы), ngml@sura.ru (редактор отдела истории и краеведения)
Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.
Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 25.06.2014 года. Подписано в печать 30.07.2014 года. Бумага офсетная.
Формат 60x84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14.
Заказ № 2296. Цена договорная. Тираж 1000 экз.
ОАО «Издательский дом «Мичуринск»
Отпечатано в обособленном подразделении Тамбовская типография «Пролетарский светоч».
Адрес: 392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14-а. Тел.: 8(4752)53-26-27; e-mail: stol-zak@mail.ru